

18+

СЕРГЕЙ МАГОМЕТ

ВЕЛИКИЙ ПОЛДЕНЬ

РОМАН

Сергей Магомет

Великий полдень. Роман

«Издательские решения»

Магомет С.

Великий полдень. Роман / С. Магомет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986748-3

При рождении человек не может воспользоваться аннотацией собственной жизни. Открывая книгу, читатель не может знать, в какую бездну заглядывает. Аннотации НЕ БУДЕТ!

ISBN 978-5-44-986748-3

© Магомет С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	54
3	69
4	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Великий полдень

Роман

Сергей Магомет

Оформление обложки Сергей Магомет

© Сергей Магомет, 2020

ISBN 978-5-4498-6748-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Странно, что я заснул в такую ночь. Рыжая лисья шапка свалилась под ноги, и волосы ерошил ледяной ветер. До Нового года оставалось каких-нибудь пару часов. Я проснулся. Да и сон мой длился не больше минуты-другой. Еще мгновение он держался в памяти, а потом отлетел Бог весть куда. Я поднял шапку и кое-как надел ее на голову.

Надо мной простиралось предельно черное небо с вкрапленными в него острыми крупинками звезд, которые поблескивали фиолетовым светом. Ночной воздух слоился студенистыми лентами, словно плавился в жарком мареве. На самом деле было страшно холодно. Стоял трескучий мороз – минус двадцать восемь градусов, или того больше. Я скользнул взглядом по округлым набережным, вдоль которых сияли дуги ртутных фонарей, и во мне окончательно восстановилось ощущение счастья. И как будто в тон этому ощущению и в подтверждение ему протяжно, весело и сладко зазвонили колокола. . . С какой это стати, интересно? Так, вероятно, распорядился Папа.

Санний кортеж уже составил и должен был вот-вот тронуться в путь по толстому льду – вверх по Москва-реке, как по широкому проспекту. Я привстал и поискал глазами Папу. . . Тьфу ты, никак я не мог привыкнуть к этому его прозвищу, от которого меня слегка коробило, но, с другой стороны, язык уже не поворачивался называть его по имени, даже про себя. Папой его теперь называл кто ни попадя, даже какие-то маляры и паркетчики, не говоря уж о моей жене и сыне. Ну а его законная супруга, соответственно, давно была для нас просто Мамой.

Я увидел, что сани Папы и свиты еще стоят у ярко освещенного застекленного дебаркадера. Вот в них устроились две женщины. Обе в почти одинаково шикарных собольих шубах, задушевные приятельницы – Мама и моя жена Наташа. Затем вошел сам Папа в каком-то щегольском агнцевом тулупчике. Он был моложе меня на пять лет, и я все еще искренне верил, что мы с ним не только дальняя родня, но и по-прежнему друзья-товарищи. Я знал Папу как облупленного, не такая уж он, в конце концов, сложная личность. Его жену, Маму то есть, знал лет пятнадцать. Впрочем, в данном случае слово «знал» не в состоянии выразить всю историю наших взаимоотношений, бесконечно разветвленных и противоречивых.

Колокола зазвонили еще задушевнее. Теперь дело было лишь за тем, чтобы громадные сани Папы заняли свое место в голове кортежа. Вообще-то, все сани, а всего их я насчитал более пятидесяти, были громадными, сконструированными специально для этого выезда и оборудованные с комфортом, не уступающим роскоши коллекционных лимузинов. Мощные кони, античной стати и крови, запряженные тройками, подбирались особо выносливые и сильные. Нетерпеливое отрывистое ржание мешалось с колокольным звоном; пышущие серебристыми клубами пара, сытые и отдохнувшие, кони были только что выведены из стойла и рвались показать свою прыть. До выезда они были покрыты теплыми попонами.

Каждый Новый год у нас теперь встречали так, словно он был первым в человеческой истории, а до того влачили через пень колоду никчемные времена. Доброе старое прошлое хоронили с песнями, а будущее казалось прекрасным. Это, похоже, закреплялось в традицию.

Я улыбнулся и, глотнув морозного воздуха, ощутил во рту замечательный, чуть пряный привкус шампанского, бокал которого успел выпить перед самым выходом. Я снова опустился на сиденье, обнял за плечи сына Александра, а потом попытался растереть ладонями его розовые щеки.

– Мне совсем не холодно, папочка! – пробормотал мой одиннадцатилетний неженка.

Сын не сводил глаз с соседних саней, в которые набилась знакомая детвора. А главное, там находился гордец Косточка, двенадцатилетний отпрыск Папы. Еще недавно Косточка не

замечал благоговевшего перед ним Александра, но вот уже месяц как вдруг приблизил его к себе и чуть не каждый день бывал у нас дома. Мальчики могли играть вместе часами.

– Какой ты хорошенький, Александр! – тут же засмеялись сидевшие напротив нас девушки и, схватив моего мальчика, принялись тормозить его и щипать за щеки.

Александр молча выдирался. Я с трудом сдерживал улыбку. Двадцатилетние девушки Майя и Ольга были на редкость хороши собой. Обе в длинных пышных шубах, наброшенных на плечи, в переливающихся вечерних платьях из тончайшей натуральной парчи и радужных, словно чешуя, туфельках на шпильках. Девушки придвинулись к нам из глубины полузакрытого салона, где всю работу калориферы и было довольно тепло. Кстати, застеленный пушистым ковром пол саней также был с сильным подогревом. Шалуни радостно хохотали. Я не выдержал и тоже рассмеялся, рискуя навлечь на себя гнев раздурявшегося сына. Но тут Александр увидел, что Косточка наконец заметил его и дружески кивнул, приглашая присоединиться к их компании. Александр просительно посмотрел на меня, и я пожал плечами:

– Как хочешь...

Сын тут же вырвался от девушек и, перемахнув через борт, перебрался в соседние сани. Косточка дружески хлопнул его по плечу, и уже через секунду дети забыли о нашем существовании.

Я посмотрел на девушек и, улыбаясь, развел руками. Похоже, упустив мальчишку, они испытывали сильное желание приняться за меня, но, поборов искушение, только звонче захотали и затеяли возню друг с другом. Я полез во внутренний карман куртки и, выудив оттуда маленькую вишневую табакерку с нюхательным табаком, привычным движением насыпал в ямочку между большим и указательным пальцем две добрые понюшки, а затем втянул их попеременно каждой ноздрей. Я обожал запахи. Самые разные: мускатного шампанского, хорошо зажаренной отбивной, женских духов, но всего больше – прекрасный аромат отборного табака. В конечном счете запахи шампанского, отбивной и даже чувственного парфюма не представляли собой ничего самостоятельного и так или иначе навевали вполне прозаические, земные желанья, но вот табачные ароматы – это был пример чистой и высокой поэзии... В общем, я с удовольствием любовался молоденькими девушками, а те явно потешались надо мной, дурачась и демонстрируя мне свои прелестные стройные ножки, обтянутые чулками оливкового цвета.

Майя приходилась Папе падчерицей, но была его любимицей, «доченькой», и баловал ее Папа сверх всякой меры. К собственным чадам – Косточке и девятилетней Зизи относился куда сдержаннее. Я всей душой любил это семейство. В моем, как правило, пустом, бумажнике, кроме фотокарточки жены и сына всегда хранился чудесный снимок, который я несколько лет назад изготовил собственноручно, стилизовав под старинный дагерротип или архивную фотографию. Семейство Папы уютно сгруппировалось на плетеной скамье на фоне зимнего сада и смотрелось до того живописно, что так и подмывало заглянуть на оборот фотографии: нет ли там выцветшей от времени надписи вроде «Бердичевъ, 1913 год».

Девушка Ольга была подругой Майи. Недавней, но очень близкой. Я не знал точно, что произошло раньше: ее знакомство с Майей или помешательство Папы на красивой шатенке с чуть раскосыми, ничего не обещающими зелеными, а точнее, изумрудными глазами. Скорее всего, сам Папа и устроил это знакомство, чтобы иметь изумрудноглазую Ольгу в непосредственной близости. Его отношения с ней не только не подпадали под привычную схему его прежних бесчисленных связей, но вообще ни под какую схему. Ольга немного пробовала себя в балете, литературе, интересовалась, кстати, архитектурой, но, судя по всему, была равнодушна к перспективе быть принятой в высшем свете, и, возможно, до сих пор оставалась «девушкой без прошлого» и вообще совершенной девственницей. Не давала Папе ни повода, ни надежды тем или иным образом полакомиться на свой счет. Любопытно, что сынок Папы Косточка с

самого начала как-то косо смотрел на девушку и называл ее с легким оттенком пренебрежения не Ольгой, а Альгой, с ударением на последний слог. Так и мы стали звать ее: Ольга-Альга.

– Ну что там, скоро? – нетерпеливо проговорила Майя, кое-как высвободившись из объятий подруги, и выглянула в окно. В этот момент сани рывком тронулись с места и быстро покатили. Обе девушки, ухватившись друг за дружку, с хохотом повалились с сиденья на пушистый ковер. Я был ужасно рад, что к нам больше никого не посадили.

– Самое интересное пропустите, безобразницы! – закричал я и, сунув в карман табакерку, привстал.

Выезд был устроен поистине с царским великолепием. Поперек Москва-реки соорудили несколько ледяных триумфальных арок. Ажурные, украшенные гирляндами живых цветов, со всех сторон подсвеченные интенсивными прожекторами, они сверкали и словно парили в воздухе посреди огромных неподвижных облаков сизого пара. По бокам первой арки на ступенчатых помостах, застеленных красными коврами, выстроилось в расшитых золотом праздничных облачениях все архиерейство с зажженными праздничными свечами, с кадилами и хоругвями, а за ним – хоры нарядных певчих, грянувших радостный и хвалебный псалом. Сам владыко с животиком, как добрая тыква, в окружении многих иерархов, одной рукой поглаживал седенькую бородку, а другой медленно крестил проезжающие мимо сани. Время от времени он брал из подставляемого помощником ведерка кропило и широким жестом, наотмашь рассыпал в морозном воздухе водяную пыль, которая мгновенно превращалась в сверкающие кристаллики. Публика кланялась и крестилась. Я бросил взгляд вперед и увидел, что Папа, повернувшись к владыке, стоит в своих санях в полный рост и с очень серьезным лицом осеняет себя крестным знаменем. Спихватившись, я тоже снял шапку и с удовольствием перекрестился, а потом обернулся и шутливо погрозил пальцем девушкам, которые, кажется, и тут меня передразнивали.

– Вы только посмотрите! – воскликнул я, кивая на реку.

Мы проносились мимо военного оркестра. Дирижер, косясь одним глазом на Папины сани, взмахнул жезлом с кистями, и румяные музыканты в овчинных шапках-ушанках и белых шерстяных перчатках, вздернув повыше медные, начищенные докрасна инструменты, с поразительной слаженностью заиграли задушевный русский марш. От этого глубокого двудольного ритма сердце сладко заекало. Мне показалось, что сами звуки старинной мелодии, то звонкие и прозрачные до хрустальности, то приглушенные и мягкие, словно бархатные, обладают волшебной силой, которая приподняла нас над землей. Кони уже не достают титановыми подковами льда, а стальные полозья саней скользят по воздуху.

Я перегнулся через задний борт и восхитился льдом Москва-реки, идеально отшлифованным накануне. Зеркально-черная полоса, служившая дорогой для кортежа и ограниченная с обеих сторон аккуратными сугробами, плавно, как будто вычерченная по лекалу, тянулась точно по середине реки и была похожа на свежее промытую темную полынью. В полутораметровой зеленоватой толще льда, подсвечиваемого изнутри подводными прожекторами, отчетливо сверкали каждый воздушный пузырек или травинка, каждая вмерзшая плотвица или ершик, а подо льдом перемещались едва заметные черные тени. Рыб такой величины в реке конечно не водилось, а стало быть, как подсказывала логика, то были аквалангисты из службы безопасности.

Когда кортеж, в котором сани были выстроены попарно, миновал праздничные ледяные арки, и звуки духового оркестра вкупе с колокольным звоном стали удаляться и слабеть, раздался оглушительный, раскатистый треск, и уши слегка заложило от ударной волны. Окружающее пространство озарилось сильнейшей вспышкой. Как будто в небе лопнула огромная лампочка или мгновенно засветили гигантский негатив. Это ударил первый залп праздничного предновогоднего салюта. Черные дома вдоль набережных стали ярко-белыми, а освещенные

окна и уличные фонари мгновенно померкли. Высоко в небе повисли сверкающие гроздя, но за пределами светового конуса по-прежнему стояла непроглядная ночная тьма.

Гремели-переливались бубенцы. Ноздря в ноздю с нами летел а тройка с ребятишками. Держась друг за друга и за края саней, дети, как замороженные, смотрели назад. Кортёж уже отъехал на достаточное расстояние, чтобы в полном своем блеске, в обрамлении огненных цветов фейерверка, явилось взору главное чудо – чудо из чудес, чистый перл градостроительства, словно воплощенное апостольское видение – моя сокровенная мечта и дерзновенный проект и, конечно, любимейшее мое творение.

Девушки перестали хихикать и, разгоряченные, прижались ко мне с обеих сторон. Кажется, я чувствовал, как колотятся их сердца. По тонким, словно отчеканенным на монетах, профилям гуляли отсветы зарниц. Распущенные невесомые волосы развевались и задевали мое лицо.

– Какой ты все-таки молодец, Серж! – воскликнула Майя. – До сих пор не налюбуюсь этой красотой.

– Я и сам не налюбуюсь, – признался я.

– Вы такой счастливый! – тихо сказала Ольга-Альга, которая до сих пор упорно говорила мне «вы». Как, впрочем, и Папе.

– Да, да, он очень, очень счастливый наш Серж! – с жаром подхватила Майя.

Сани пролетели под большим мостом. Теперь кортеж перестроился, растянулся длинной цепью вдоль речной излучины, и пейзаж предстал перед нами в новом, так сказать, широкоформатном ракурсе.

А ведь каких-нибудь пять лет тому назад такой же поздней морозной ночью я проезжал по набережной Москва-реки, и мне вдруг представилось, вернее, пригрезилось нечто подобное – удивительный город, сказочно обновленная Москва... Новый город с висячими садами и искристыми водопадами среди трескучей русской зимы и в самом деле как бы нисходил с неба на ночные берега Москва-реки. Его многие ярусы, стены и основания сияли, словно чистое золото, а сам он был подобен прозрачному стеклу. В нем было все что и прежде – Кремль, Арбат, бульвары, переулки, но только в абсолютно новом качестве.

Прекрасное видение во всех мелочах запечатлелось у меня в памяти. Ночами я мечтал. Подобно героине романа, которая, ощутив себя беременной, мечтала, какой у нее будет красивенький и умненький ребеночек, я на все лады представлял в своем воображении, какой я создам великолепный архитектурный проект. Потом, конечно, были бессонные ночи за компьютером, долгие труды, но мне удалось без изъяна воспроизвести сон в виде чертежей и подробнейшего макета, того самого, которым до сих пор с таким увлечением играл Александр, а теперь к нему присоединился еще и Косточка.

И что примечательно, с самого начала за проектом закрепилось название «Москва». За три с небольшим года (фантастически короткий срок!) грандиозный архитектурный комплекс вырос на искусственно созданной стрелке Москва-реки между старым руслом и несколькими специально проложенными обводными каналами в районе Кутузовского проспекта, сырых пресненских пустырей и развалин филевских портовых пакгаузов. Для специальных гидротехнических целей было даже заблокировано и затоплено несколько центральных станций метрополитена. Ресурсы и средства на строительство были брошены колоссальные. Ради этого закрыли или сняли с финансирования десятки проектов, строящихся объектов и даже один «проект века».

Едва возвели и заселили первую очередь комплекса, а примыкающие сады открыли для гулянья, публика тут же стала называть центр столицы Москвой без всяких кавычек, а все, что вне его, – просто Городом. Так и говорили: «Что слышно на Москве?» или «Что новенького в Городе?..» Особым шиком среди зажиточных столичных обывателей считалось потолкаться вечером в стеклянных залах контрольно-пропускного терминала, похожего на огромный аква-

риум, поглазеть на бомонд, выпить чашечку пенистого черного кофе в нарочито безыскусном, но ужасно дорогом кафетерии.

В канун нового года в Москве вручали государственные премии. По такому случаю из загородной резиденции пожаловал сам Его Высокопревосходительство, в прошлом большой радетель и добрый покровитель русской столицы. Раньше мне не доводилось лицезреть престарелого правителя воочию. Как автор уникальной градостроительной идеи я, конечно, был в числе лауреатов. О моем проекте говорили, что это новое слово в архитектуре, и, в частности, своеобразное продолжение грандиозной традиции сталинских высоток, олицетворение неоимперской идеи, неоимперского духа и тому подобное. Я принял из трясущихся ручек Его Высокопревосходительства диплом, денежный чек на символическую сумму, как раз необходимую для того, чтобы мы отчасти расплатились с долгами, а также золотой крест почетного гражданина Москвы. Правитель был хил и лыс. Отсутствовали даже брови и ресницы, как у древнего жреца, хотя верховным жрецом его, кажется, до сих пор еще не величали. Увы, он находился в глубоком старческом маразме. Его дряблые бесцветные губы производили лишь невнятный лепет. Потреплет лауреата по плечу – и на том спасибо. В общем, мероприятие сильно отдавало рутинной. Кстати, это была не первая премия, которую мне вручали за Москву, но получить награду из рук первого лица в государстве было все же лестно.

Папа тоже поздравил меня прилюдно. Правда, без особой сердечности. Я даже ощутил в его тоне странный холодок, словно я его чем-то раздражал. Я и прежде замечал, что на Папу, случается, находит какая-то мрачная раздражительность, а потому из деликатности решил как бы ничего не заметить. Впрочем, я все-таки не удержался и в ответном слове вскользь, будто бы в шутку намекнул, что неплохо бы наконец и для меня, почетного-де гражданина, изыскать местечко в Москве. Дескать, даже странно, что в соответствующем уставе это положение не прописано. Папа нахмурился и промолчал. Присутствующие, однако, не особенно прислушались и вообще не поняли, о чем я завел речь.

Я взглянул на соседние сани. Дети по-прежнему, как замороженные, не сводили глаз с удалявшейся Москвы. Если уж говорить о наградах, то восторг в детских глазах был для меня дороже всех званий и премий вместе взятых.

Что же касается мечты занять в Москве хотя бы крошечную студию, самые скромные апартаменты, то уж я-то, кажется, был вправе на это рассчитывать. Иначе, что же это получается – сапожник без сапог? Почетный я гражданин или нет?.. Тут все, конечно, зависело от Папы. Своей-то любимице Майе он уже пообещал устроить гнездышко (он почему-то называл его «офисом»), и, конечно, в самом шикарном, Западном Луче. Даже не побоялся предоставить ей самостоятельность, а ведь она совсем еще девчонка!.. Наверное, во мне говорила заурядная ревность. Что ж, подождем. Видно, всему свое время.

Кроме Александра, Косточки и его младшей сестрички Зизи, в соседних санях ехали дети людей нашего круга. Вся знакомая компания ребятишек – тех, с кем Косточка водил дружбу. Насколько я понимал, подобно Папе, мальчик уже завел в отношениях с приятелями определенную иерархию. У него были свои особые правила, свои представления о собственной компании, в которой он был безусловным лидером. Но ребятишки тянулись к нему вовсе не потому, что он – сын Папы. Безусловно, Косточка был интересным мальчиком, чрезвычайно живым, умным, с фантазией. И, кажется, не злым. Я был рад, что у маленького Александра такой товарищ и покровитель.

Предновогодний день стал для детворы особенным праздником. Специально для детей устроили утренник и экскурсию по Москве, а вечером – большой маскарад. Надо ли говорить, что ребятишки были на седьмом небе от радости. Им не только удалось побывать в заповедном мегаполисе – государстве в государстве, которое мы, взрослые (как они считали) узурпировали исключительно для своих нужд, но и поразвлечься. В глазах детей Москва была настоящим чудом, где сосредоточилась целая империя «взрослых» развлечений. Увы, роди-

тели редко брали туда детей. Даже Косточка был здесь всего несколько раз. Александру повезло еще меньше: он вообще не был здесь ни разу, хотя с младенчества только и слышал от меня что о Москве. По макету, компьютерным слайдам, эскизам он знал ее вдоль и поперек. Я давно мечтал показать сыну новую Москву, но с самого начала у нас завели такие строгости с охраной, мерами безопасности, такую волокиту с оформлением пропусков, что даже я, автор проекта и почетный гражданин, в конце концов махнул на это рукой. Жена могла бы, наверное, все устроить без формальностей, при помощи Мама, но по ее мнению, нашему Александру там нечего было делать и не на что смотреть. К сожалению, в прошлом году, когда в Москве для детей устраивали праздник, Александр болел.

Да что там дети, я и сам бывал в Москве куда реже, чем мне того хотелось. Я чувствовал, что новый мегаполис день ото дня становится для меня чужим и таинственным. Большая часть строительства, а затем и развитие комплекса происходило без меня, в это были вовлечены тысячи других людей. Все происходило как бы само по себе, идея обладала мистическим свойством саморазвития. С каждым днем Москва приобретала в моем восприятии вид загадочного сновидения. Казалось, время повернуло вспять, явь снова превращалась в сон пятилетней давности. Я смотрел на сверкающие в ночи башни и ярусы города, устремленного в небо, и мне чудилось, что он вот-вот исчезнет с берегов Москва-реки, растворится во мгле. Оставалось утешаться мыслью, что нечто подобное испытывает каждый творец: глядит на свое творение и с каждым днем понимает его все меньше.

Последнее время я часто задумывался об этом. Москва была для меня не менее притягательна своей загадочностью, чем, скажем, для Александра или Косточки.

Между тем, растянувшись на несколько сотен метров, кортеж стремительно летел вперед, и Москва действительно таяла в ночи. Скоро от нее осталась лишь золотистая дымка, дрожащая в небе, словно полярное сияние. На набережные были пустынные, по ним, параллельно кортежу, двигались лишь несколько черных грузовиков охраны. По-прежнему ослепительно сияли фонари, но по сторонам лежали темные лесные массивы. Время от времени из-за холмов показывались удаленные острова жилых микрорайонов, мерцающие множеством освещенных окон. Впрочем, скоро мы отъехали так далеко, что набережные закончились, а фонари пропали. Изредка под берегом попадались вмерзшие в реку черные баржи и плавучие краны. Пойма Москва-реки лежала в густой мгле. В небе появилось звено вертолетов сопровождения. Они освещали путь прожекторами.

Кортеж направлялся за город. Там предполагалось продолжить праздник и встретить Новый год. Из саней, летящих впереди и сзади, то и дело доносились смех, музыка и веселые крики. Особенно разошлась детвора. Полные впечатлений и предвкушая Елку, ребята до того разбесились, что сани, уже набравшие бешеную скорость, раскачивались из стороны в сторону, словно лодки на волнах. Впрочем, оснований для беспокойства не было. Тяжелые рессорные сани отличались прекрасной устойчивостью, да и присмотреть за сорванцами есть кому. Кроме возницы и его напарника, в санях находился еще один взрослый. Ребята называли его «дядей Володей» и считали за своего. Я бы затруднился точно определить его статус. Пожалуй, в прошлом веке такой «друг детей» мог бы считаться гувернером или домашним учителем. Но в каком-то смысле он и сам был сущий младенец. Характера необычайно миролюбивого и мягкого, дядя Володя обожал играть с детьми, знал бесчисленное количество игр и забав. Он рассказывал им всяческие небылицы, иногда довольно странного полу-научного, полу-мистического свойства. Впрочем, вполне невинные. Сам ли он их выдумывал или где-то вычитывал?

Иногда мне казалось, что «дядя Володя» всегда был при нас, так естественно, по-родственному он вписался в наш круг. Кажется, его где-то откопала Мама. Не поручусь наверняка, но возможно, он приходился ей дальним родственником. Уж и не припомню, когда он впервые у нас появился. Он был самоучкой, без всякого педагогического образования, но одно время в самом деле учительствовал в обычной школе. Вот и все, что мне было о нем известно. Он был

на редкость тихим и незаметным человеком. До того тихим и молчаливым, что все прошлые годы я его практически не замечал, словно он был пустым местом. От него ровным счетом не было никакой пользы, но и хлопот абсолютно никаких. Единственное, что как-то характеризовало его индивидуальность, это готовность к мелкой услужливости. Если нужно было посидеть с больным, проследить за тем, чтобы вовремя принять лекарство, сходить за чем-нибудь или подежурить у телефона, чтобы принять или передать необходимое сообщение, – дядя Володя всегда под рукой. Это было удобно. Даже довольно скуповатый Папа, у которого дядя Володя с самого начала состоял в штате на какой-то фиктивной должности при минимальном жаловании, терпел его и благоволил к нему.

По-настоящему определилась его роль в нашем кругу лишь несколько лет назад. Выяснилось, что дядя Володя – прекрасная нянька: ладит с детьми, с удовольствием возится с ними. Он находился при них неотлучно. Он, конечно, был чудак, наш дядя Володя, но Папа как бы даже поощрял некоторые его причуды. Мне запомнился один такой случай. Когда наши ребята были еще малышами, года по три-четыре, дяде Володе пришлось в голову предстать перед ними «маленьким». Для этого он упросил Маму и Наташу, а также других взрослых подыгрывать ему – в присутствии детей обращаться с ним так как будто он тоже ребенок. Его привели в детскую и сообщили малышам, что вот, мол, дядя Володя «превратился» в ребенка и теперь стал «как маленький» и должен находиться с ними. Сначала дети пришли в недоумение, но дядя Володя до того убедительно принялся изображать младенца – ползал, играл в игрушки, а вдобавок, все взрослые совершенно серьезно обращались с ним, как с малышом, – что дети действительно поверили, что он превратился в «маленького» и, как ни странно, даже перестали обращать внимание на его «взрослую» внешность. У них завелись свои общие дела, сложились особые отношения. Они разговаривали, ссорились, мирились как будто были одного возраста... Даже теперь, когда дети подросли, давнишняя игра позабылась, они, кажется, продолжали отчасти воспринимать его как сверстника.

Сани двигались в строгом порядке, однако дистанцию удавалось выдерживать не всегда. В излучинах реки сани заносило, расстояние между ними то сокращалось, то увеличивалось, и это вызывало у пассажиров ощущение гонки, возбуждало горячий азарт, а стало быть, новые всплески эмоций.

Само собой, детвора еще больше раззадорилась. Их сани шли впереди, и, когда мы немного отставали, ребята восторженно вопили и показывали нам «носы». Когда же расстояние сокращалось, они начинали швырять в нас конфетами и покрикивали на своего возницу, чтобы тот поскорее погнался.

Дядя Володя не только не урезонивал детвору, но резвился пуще своих подопечных. Он едва ли не по пояс перегибался через борт, гримасничал, размахивал руками. На нем была теплая меховая шапка-кепка с наушниками. Порыв ветра сорвал ее и понес прямо под копыта летящих следом коней, но он только рассмеялся, встряхивая своими довольно длинными, хотя и реденькими русыми волосами и, словно прощаясь с любимой кепкой, послал ей воздушный поцелуй. Это вызвало дружный детский смех. Слава Богу, наши сорванцы не последовали его примеру, не стали швырять в ночь и свои шапки.

После очередного виража наши сани стали быстро настигать детей. От скорости даже дух захватывало. От разгоряченных коней валил пар. Дробно ударяли по льду подковы с насечкой, с грив, с упряжи отскакивали намерзшие на морозе от влажного дыхания лошадей гребенчатые сосульки, наподобие затейливого стеклянного литья, и, шлепаясь об лед, разбивались вдребезги. Острые стальные полозья со скрежетом резали во льду глубокие борозды, отбрасывая в обе стороны сверкающую ледяную пыль. Лучи прожекторами с вертолетов сопровождения, метались вдоль реки, раскраивая ночное пространство.

Сани приближались к большому черному железнодорожному мосту. По обеим сторонам реки, замерли в ожидании два скорых поезда. В ночи сияли рубиновые огоньки светофоров.

Уютно светились окна вагонов. Движение было перекрыто до тех пор, пока кортеж не проследует под мостом.

Едва сани с детьми скользнули в тень под мост, как из саней вдруг выпал дядя Володя. Он вывалился нелепо, словно вытолкнутый из гнезда птенец-переросток, и, со всего маху ударившись спиной об лед, покатился прямо под копыта наших лошадей. Майя и Альга завизжали, я бросился внутрь салона и принялся что было мочи колотить по ударопрочной прозрачной перегородке. В тот момент я не сообразил, что возница не станет тормозить и останавливаться: ему это было категорически запрещено по всем инструкциям, дабы не нарушать порядок движения, не создавать опасных заторов. От неожиданности он все-таки натянул вожжи, кони захрипели, встали на дыбы, сани повело юзом. Правда, в следующее мгновение возница уже яростно щелкал вожжами, и кони поднатужились, чтобы снова рвануться вперед. Чтобы избежать столкновения, сани, идущие следом, приняли вправо, и дядя Володя, успевший кое-как подняться, но едва держащийся на ногах, непременно угодил бы под копыта или был искромсан полозьями. В эту критическую секунду, пока сани преодолевали инерцию, я успел распахнуть дверцу и, схватив дядю Володю за плечи, втащил его внутрь.

Мы оба тяжело дышали, словно после спортивного кросса. Дядя Володя улыбнулся, как нашкодивший ребенок. Из носа у него ползли тонкие кровяные змейки.

– А ловко я вывернулся, Серж, а? – еле слышно выговорил он, глядя на меня своими медленными голубыми глазами.

Я усадил его на сиденье, но он тут же повалился набок. Мы увидели, что в обмороке. Альга недоверчиво усмехнулась, но в глазах у нее стоял испуг. Майя взяла бумажную салфетку и стала промокать кровь. Дядя Володя открыл глаза и снова улыбнулся.

– В тебе ужасно сильно материнское начало, Майя, – сказал он.

– Дурак, – сердито отозвалась Майя и выбросила салфетку.

Кровь уже остановилась.

– Руки-ноги целы, Володенька? – спросил я. – Не тошнит?

Он ошупал себя и, покачав головой, признался:

– Такое чувство, будто все еще лечу вниз головой. Прямо акробат какой-то.

Мелодично, нетерпеливо запиликал телефон.

– Что там у вас за самодеятельность? – послышался недовольный голос Папы.

Пожав плечами, я передал трубку дяде Володе.

– Объясняйся, акробат!

– Это я, Папа, – торопливо заговорил он. – Все хорошо, все отлично!.. Нет-нет, я сам во всем виноват. Как говорится, сорок лет, а ума нет...

– Вот именно, – кивнула Майя.

Дядя Володя засмеялся.

– Но здесь тоже очень приятная компания... – начал он, но сразу умолк и опустил руку с трубкой. Должно быть Папа отключился на середине фразы.

– Ну вот, – огорченно вздохнул дядя Володя, обводя нас взглядом, – теперь, наверное, останусь без подарка.

Он все еще был бледен. Майя под села к нему и ласково погладила по волосам. Она любила этого чудака, хотя и в ее обращении с ним сквозила бесцеремонная насмешливость. Да его и невозможно было воспринимать серьезно.

Я снова постучал кулаком по перегородке и многозначительно подмигнул вознице. Тот понятливо кивнул, достал из кармана плоскую никелированную фляжку с золоченым орлом на боку и сунул мне ее в окошко.

– Вот спасибо, – благодарно закивал дядя Володя. – Спасибо, спасибо Серж! – Но, прежде чем отпить, он любезно предложил фляжку девушкам. Альга поморщилась и отвернулась, а Майя, задорно улыбувшись, взяла фляжку и сделала большой глоток. Потом подтолкнула

локтем Альгу. Альга сдалась и, сделав глоток, протянула фляжку мне. Я машинально втянул из горлышка запах коньяка и, отхлебнув, передал эстафету дяде Володе. Тот сделал несколько медленных глотков, обвел нас умиротворенным взглядом и повторил:

– Спасибо, дорогие, спасибо вам, ребятки!

Я возвратил фляжку вознице и, поблагодарив, жестом дал понять, что, мол, за нами не пропадет. Симпатичный парень лишь махнул рукой.

– Как же это тебя угораздило, Володенька?

– Да вот хотел спрыгнуть, поискать шапку, – отшутился он с неловкой улыбкой.

Некоторое время мы ехали молча. Кортёж снизил скорость, свернул с ледяной дороги, которой служила река, и двигался по заснеженному шоссе. Теперь сани пошли мягче, плавнее. Вокруг простиралось синеватое пустое поле, а впереди чернел высокий и еловый лес. В мутном морозном небе сверкал лунный серпик. Через пять минут мы въехали в этот лес и понеслись между двумя стенами черных елей, словно в гигантском коридоре, наполненном позвякиванием бубенчиков.

Это была надежно охраняемая территория природного заказника, где на берегу Москва-реки располагался коттеджный поселок – что-то вроде королевства московской элиты. По соседству находилась загородная правительственная резиденция. Место здесь было живописнейшее – как будто ожившая панорама, составленная из пейзажей передвижников.

– Скоро Новый год, а мы еще не проводили старый, – сказал дядя Володя.

– Ах, только бы успеть до двенадцати! – забеспокоилась Майя. – Я хочу загадать желание.

– И я хочу, – сказал я.

– У вас-то, Серж, какие могут быть желания? – покосившись на меня, недоверчиво усмехнулась Альга.

– А почему бы и нет? – простодушно удивился я.

Она неопределенно пожала плечами. Кажется, я понял, что она имела в виду. В каком-то смысле, наверное, она была права: мне и правда нечего было желать. Можно сказать, по большому счету я уже всего достиг. Я и сам так чувствовал.

– Ну и о чем же вы мечтаете? – поинтересовалась Альга.

– Разве можно сказать? – улыбнулся я, – Тогда ведь не сбудется. Это каждый ребенок знает.

– Правильно! – подтвердила Майя.

– А, кстати, вы знаете, о чем мечтает наша детвора? – вдруг спросил дядя Володя.

– О чем? – заинтересовался я. – Тебе что, известны их мечты?

– Скорее, это не мечты, – поправился дядя Володя, – а что-то вроде планов на будущее...

Они только что это обсуждали.

– Господи, о чем могут мечтать дети... – пожала плечами Майя.

– Наверняка какая-нибудь чепуха, – отмахнулась Альга.

– А вот и нет, Альга! – обиженно возразил дядя Володя. – У них очень, очень серьезные планы. Поверь мне. И чтобы ты знала, между прочим эти планы и тебя касаются непосредственно. И вообще, каждого из вас, – загадочно прибавил он.

– Касаются нас? Как это? – удивились мы.

– А так, – сказал дядя Володя. – Дети ведь уже успели всех вас между собой поделить.

– Это еще что такое? Что значит – поделить? – чуть прищурила свои изумрудные глаза Альга.

– Ну как же, как ты не понимаешь, Альга. Они поделили вас, кто кому достанется. Даже не в том смысле, чтобы жениться, а вообще...

– Конкретнее! – нетерпеливо прервала Альга.

– А это уже действительно секрет, – заявил дядя Володя.

– Ну вот, опять глупости, – сказала Альга. – Так я и думала.

– Знаешь что, Володенька, – вмешалась Майя, – мы только что спасли тебя от верной гибели, поэтому у тебя от нас не может быть никаких секретов. Сейчас же рассказывай!

– Ничего вы меня не спасли, – возразил он. – Я сам в сани прыгнул. Я очень ловкий.

– Конечно, ты очень ловкий, Володенька, – сказала Майя, начиная сердиться. – Только ты нам все-таки расскажи, что там детвора задумала. Мы не проболтаемся.

– Ладно, – покладисто согласился он, – только хорошо пообещайте!

Альга снова передернула плечами и отвернулась к окну.

– Конечно, мы никому не расскажем, – ответила за всех нас Майя.

– Так вот, – сказал дядя Володя и, выдержав долгую паузу, – когда зашел об этом разговор, то есть кто кого предпочитает, Косточке, как самому главному, конечно принадлежало право выбирать первому. Он заявил, что возьмет себе ее – Альгу.

– Подумать только, – засмеялась Майя, – какой разборчивый мальчик!

– Очень смешно, – усмехнулась Альга.

– А что ты думаешь, Альга, еще неизвестно, как все сложится, – улыбнулся я, – дети растут так быстро...

Девушка промолчала.

– А вот твой Александр, Серж, выбрал Майю, – сообщил дядя Володя.

– Меня? – воскликнула Майя. – Надо же!

– Гм-м, странно... – удивился я и задумался. – То есть я хочу сказать, было бы гораздо логичнее, если бы он выбрал, например, Зизи. Они как раз почти ровесники. Ну а Зизи, она-то, я думаю, выбрала моего Александра? – пробормотал я.

– А вот и нет, – сказал дядя Володя. – Зизи твердо выбрала тебя, Серж. Ты же у нас теперь почетный гражданин!

– Ай да маленькая Зизи! – снова засмеялась Майя. – Я бы тоже тебя выбрала, Серж!

– И я, – снова усмехнулась Альга.

– Ого, почетный гражданин пользуется успехом, – заметил дядя Володя.

– Разве мы его с тобой не поделим, Альга? – еще больше развеселилась Майя.

– Как же ты предлагаешь его делить?

– Не знаю, может, тело отдельно, душу отдельно?

– Или того и другого понемножку?

– Вот бессовестные! – стал урезонивать девушек дядя Володя. – Что за шутки такие! Наш почетный гражданин – все же женатый человек и семьянин примерный.

– Да, это серьезный недостаток, – согласилась Майя. – Значит придется заняться тобой, Володенька!

– Покорно благодарю! Чтобы Папа меня прибил? Нет уж, девушки, лучше, как говорится, рубите сук по себе.

– Почему? Папа к тебе прекрасно относится, – смеясь, возразила Майя. – Даже ни разу не обозвал тупым. Наоборот, говорит, наш чудак – смысленный.

– Давай, Володенька, не теряйся! – поддержал я.

– Ну что ж, – серьезно кивнул дядя Володя, – я подумую...

– Вот наглец, он еще думать будет! – тут же возмущилась Майя и, схватив его за плечи, принялась тормошить. – Да ты должен был захрюкать от счастья!.. Надо его хорошенько проучить! – заявила она, нахмутив брови, но не выдержала и рассмеялась. – Отодрать за уши!

– Оттаскать за кудряшки! – добавила Альга, присоединяясь к подруге.

Дядя Володя жалобно застонал. Я попытался вступить за него, и тогда девушки набросились на меня. В пылу борьбы кто-то нечаянно толкнул дверь распахнулась, и мы кучей-малой вывалились из саней прямо в глубокий сугроб. К счастью, кортеж уже успел разделиться и разъехаться по семейным вотчинам. Несколько саней, в том числе Папины сани и те, в которых приехали мы, как раз остановились перед стилизованным помещичьим особняком. В ночи

особняк выглядел сверкающим сказочным дворцом с колоннами, открытым балконом и флигелями. Перед парадным крыльцом красовалась славная новогодняя елка, богато украшенная золотыми яблоками и орехами.

Я выбрался из сугроба, помог подняться девушкам и охающему дяде Володе, отряхнулся от снега и перевел дух. На душе у меня сделалось так хорошо, что я инстинктивно огляделся: не привлекаю ли я к себе внимания... Нет, никто ничего не заметил. Видно, дразнящее и упоительное чувство было запрятано достаточно глубоко. Я уж и припомнить не мог, когда меня в последний раз пронзала влюбленность. Да что там: именно любовь!

– Ой, холодно! Холодно! – взвизгнули девушки.

Еще бы! Они были в одних туфельках, и даже длинные пышные шубки, в которые они зябко кутались, не спасали от такого мороза.

– Скорее бежим в дом! – крикнул я и, подхватив девушек под руки, потащил к ярко освещенному крыльцу.

Дядя Володя заковылял следом. Несмотря на то, что до дома было каких-нибудь полсотни метров, а снежная дорожка вдоль аллеи, по которой мы бежали, была утрамбована так крепко, словно была покрыта асфальтом, мне показалось, что мы преодолеваем безвоздушное космическое пространство, где царит абсолютный холод, а невесомость делает наши движения неуклюжими и плавными, как на лунном плато или в замедленной съемке. Кони трясли заиндевевшими гривами. Их мощные бока, наподобие чешуи, были покрыты блестящими ледяными корками. Гривы бряцали, звенели, словно хрустальные нити. Родственники, дети и гости высаживались из саней и спешили к дверям. До Нового года оставалось всего ничего.

Едва все расселись за столом, чуть подзакусили, отогрелись с мороза несколькими рюмками водки, как долговязые напольные часы в простенке между двумя громадными окнами, выходящими на заснеженную реку, начали звучно и с оттягом бить: «бом-м, бом-м...» Сияние многоярусной люстры над праздничным столом постепенно угасало. Скоро в комнате сделалось совсем темно, и за окном уже в полной красе засверкала огнями новогодняя елка. Все, включая детей, тут же поднялись со своих мест и, блестя глазами, озабоченно переглядывались, – словно старались уловить движение времени и не пропустить момент, когда нужно будет загадать заветное желание.

Я рассеянно считал монотонные удары, которые отбивали часы, и только между седьмым и восьмым ударом спохватился, что ведь так еще ничего не загадал. Сердце тревожно сжалось. Вообще-то, я не был суеверным и понимал, что, если загадать желание, нет никакой гарантии, что оно сбудется, но, с другой стороны, также понимал, что если желание не загадывать, то оно и подавно не сбудется... В оставшиеся мгновения я судорожно перебирал в памяти варианты желаний и даже слегка запаниковал. Впрочем, как раз к последнему удару сокровенное желание все-таки удалось сформулировать. В следующий миг из маленькой дверцы, расположенной над циферблатом часов, выскочил механический петрушка в красном колпаке с золотыми бубенчиками и, едко расхохотавшись, снова исчез, а дверца захлопнулась.

– Ура! – дружно закричали мы и принялись целоваться и звенеть хрустальными бокалами.

Народу собралось не так уж много. Во всяком случае ощутимо меньше, чем собиралось еще несколько лет назад. Иных, как говорится, уж не было, а те далече.

Когда-то Папа отличался редкостной общительностью и особенно ценил мужское товарищество. В студенческие времена у него была уйма друзей. Именно этим его качеством была покорена Мама, которая была одержима неумной страстью заботиться обо всех и каждом, несмотря на то, что к тому времени у нее подрастала дочка, а мужа все еще не имелось. Тем не менее, ее энергии хватало на всех. Энергия эта перехлестывала через край. Тогда-то Мама и повстречала Папу и сразу почувствовала, что рядом с этим мужчиной сможет пригреть под распростертыми крылами целый мир. Такая уж у нее была натура.

Вообще-то, как это ни удивительно сейчас сознавать, первоначально Мама была моей женщиной. Тогда она, естественно, была еще не Мамой, а пышной естественной блондинкой, которую я попеременно называл то Ланью, то Львицей, и между нами намечался по-настоящему глубокий любовный роман. До откровенного интима не доходило, но соответствующий накал чувств присутствовал.

На первый взгляд, я вполне подходил ей в качестве объекта всесторонней заботы. Я нуждался в присмотре и пригляде, поскольку пребывал в весьма запущенном состоянии. Я был молодым инженером-строителем со своими оригинальными архитектурными идеями, никому, конечно, не нужными. Вот уже несколько лет я болтался без постоянной работы на родительском иждивении, кое-как перебивался случайными заказами, а значит, изрядно пообносился, скатился к крайней безалаберности. Следовательно, появление Лани-Львицы в моей жизни было как нельзя кстати.

Мы познакомились на каком-то вернисаже, и она привычно взялась за дело: разрешила являться к ней по-дружески, в любое время дня и ночи – перевести дух, излить душу, просто толком поесть. Она была женщиной мудрой и понимала, что успех не приходит к мужчинам, которые по неделям не бреются, ходят в драных джинсах, общаются, главным образом, с себе подобными «гениями», а «работать» предпочитают, лежа на диване. В самый короткий срок, на радость моим родителям, она привела меня в божеский вид, так сказать, окультурила и, вытянув из интеллектуального подполья, ненавязчиво подталкивала к новым, полезным занятиям и осмысленной деятельности. А ведь она не была мне даже невестой. Одно мешало чрезвычайно: я был творческой натурой, самом нехорошем смысле этого слова. Меня не просто тянуло вести жизнь одинокого волка. Во мне укоренилась гордыня особого рода. Если бы я считал себя выше других, всячески пытался самоутвердиться среди коллег! Это было бы вполне нормальным и даже полезным для карьеры. Но в том-то и дело, что я признавал лишь свой собственный суд и, чувствуя в себе силы сотворить нечто эпохальное, упивался тем, что стремится в заоблачные высоты, ведомые лишь мне одному.

Откуда у меня, мечтателя, ничем не проявившего себя в институте, взялась эта уверенность? Более того, мне хотелось, чтобы женщина, которая будет рядом, непременно прониклась моими идеями так же, как я сам. Я требовал абсолютного понимания величия моих туманных замыслов, почти сиамской сросченности. Пожалуй, это уже граничило с бредом. На самом деле мне была нужна просто надежная и заботливая женщина, которая способствовала бы планомерной, без витания в облаках, работе и здоровой, без загибов самореализации. Меня, однако, безудержно тянуло в шизофреническую тьму чистого творчества. Я хотел существовать как свободный художник. Впрочем, и в этом случае Лань-Львица нашла бы способ вывести меня в люди и не возражала против предельно «свободных» отношений. Кем бы я себя не воображал – одиноким ли волком, гордым ли леопардом, бездомной ли чайкой или горным козлом... Но при всех своих достоинствах, она была женщиной с ребенком, то есть одинокой матерью. Это, конечно, не Бог весть какой недостаток, да и вообще никакой не недостаток, однако в тот момент мне казалась невероятной сама мысль, что я, одинокий волк, вдруг так сразу заживу семейной жизнью, да еще с не родной дочерью.

Девочке Майе исполнилось к тому времени шесть лет. Она была премилой жизнерадостной белобрысой куколкой и по секрету сообщила мне, что я ей очень нравлюсь и, если женюсь на маме, она с удовольствием будет называть меня «папочкой».

Признаюсь, я тогда не то чтобы испугался, но как-то ужасно, самым позорным образом оробел. Казалось, что если я не дозрею до этого ответственного решения самостоятельно, если не обдумаю все постепенно, досконально, то попросту потеряю себя как личность и как мужчина. Чего стоило бы например, переварить историю о первой любви Лани-Львицы! Да у меня язык не поворачивался расспросить ее о том, как это ее угораздило родить в восемнадцать лет, а сама она не предлагала никаких объяснений. Возможно никакой любви у нее вообще не

было. Просто по молодости лет и от широты души она слишком близко принимала к сердцу муки юношеской гиперсексуальности, которой страдали знакомые мальчики и как могла пыталась помочь со всей щедростью своего необыкновенного сердца. В результате забеременела, несмотря на все ухищрения контрацепции. Прояснить вопрос об отцовстве в данном случае не представлялось возможным. Словом, я не торопился с предложением руки и сердца, а она, похоже, была готова ждать пока я, наконец, дозрею. Я и после не сомневался, что, пройди еще месяц-другой, я бы точно «дозрел» и женился, как говорится, находясь при полной памяти и в здравом рассудке, но, как видно, в Книге судеб имелась на этот счет другая запись. Возник он – Папа... Возник он, надо заметить, не ниоткуда и не вдруг. Самостоятельный молодой человек, с румянцем во всю щеку, родственник моей двоюродной тетки (или что-то вроде того), он прибыл в Москву из глубинки на учебу еще до моего знакомства с очаровательной и любвеобильной Ланью-Львицей. Я, естественно, должен был на первых порах сориентировать провинциала-родственника в столице.

Между нами было пять лет разницы. Отслуживший в армии, не то в ВМФ, не то в ВДВ, молодой человек оказался вполне зрелой и сильной личностью, и мы сделались добрыми приятелями. Одно время даже вместе гусарствовали... Затем я с головой погрузился в свои идеи, и несколько лет мы практически не встречались. Известия о его успехах доходили до меня, главным образом, через родственников. Это и понятно, учитывая его феноменальную занятость.

Чем он, кстати, был занят? Еще в институте способный студент обнаружил интерес к особому рода делам, которые стали именоваться крайне невразумительным, почти неприличным словом «бизнес». В случае с Папой, к слову бизнес следовало бы присовокупить еще и эпитет «серьезный». Но, строго говоря, никакой это был не бизнес, а скорее, налаживание всевозможных профессиональных и человеческих связей, поскольку денег как таковых, видимых денег, студент-дипломник еще не зарабатывал, хотя, конечно, уже не бедствовал.

После успешного окончания института он работал в неких ветеранских и государственных структурах, а затем возглавил собственную фирму. Трудился не покладая рук: объединял все движимое и недвижимое, осуществлял вложения и изъятия и разбогател неожиданно и необычайно. Если бы возникла такая надобность, он мог бы служить хрестоматийным примером, иллюстрирующим успехи социальных реформ, приватизации, капитализации и тому подобного. День ото дня его серьезный бизнес становился все серьезнее. Одного энтузиазма тут было явно недостаточно. Между тем еще на малой своей родине Папа рос бок о бок с тамошней братвой, по-своему гордившейся способным пацаном и уважавшей его намерение отслужить в вооруженных силах и продолжить образование в столице. Вознамерившись пробивать дорогу на поприще бизнеса, он естественным порядком оперся на земляков и заручился поддержкой как «играющего», так и «запасного» составов. Он сразу пошел напролом. Он был готов ходить под пулями и грести деньги лопатой. Иначе себе и не мыслил.

Спустя некоторое время наша встреча состоялась опять-таки благодаря общей двоюродной тетушке, тихо скончавшейся в швейцарской клинике, куда ее определил разбогатевший племянник. Румянец на его щеках ничуть не поблек, разве немного полиловел. Тело тети было доставлено на родину, состоялись достойные похороны. На поминки Папа, до сих пор не отличавшийся особенными родственными чувствами, собрал всю родню и объявил, что желал бы вообще всемерно крепить и развивать родственные связи. Я явился на поминки с Ланью-Львицей и, как водится, хватил лишнего.

На следующее утро моя подруга навестила меня, болеющего похмельем, принесла в кастрюльке свежей окрошки. Пока я поедал целебное блюдо, приходил в себя, она сообщила, что накануне ухватистый родственник внезапно предложил ей руку и она ответила согласием. Перед ней открывалось широчайшее поле деятельности: забота о муже, сотрудниках его фирмы, а также обо всех родственниках с обеих сторон. В том числе, конечно, и обо мне.

Теперь у нее будут для этого все возможности. Так она понимала это дело. И надеялась на мое понимание.

Только тогда я осознал, какой замечательной и самоотверженной женщины лишился. Впрочем, нельзя сказать, чтобы вовсе лишился. Наоборот, как оказалось, в лице несостоявшейся подруги жизни я приобрел влиятельную покровительницу. Используя влияние мужа, она продолжала мудро направлять меня на жизненном пути, подтягивала в смысле карьеры и, в конце концов, осчастливила как мужчину, отыскав специально для меня скромную и красивую девушку с весьма эротичным именем Наташа, на которой я тогда с радостью и женился. Впоследствии, особенно с рождением детей, отношения между нашими семьями еще больше упрочились. А когда мой преуспевающий родственник взлетел еще выше и превратился в Папу, настал звездный час и для практической реализации моих талантов...

Что касается самого Папы, то и ему конечно не удалось бы стать тем, кем он стал, если бы не Мама. Я был в этом уверен. Как известно, за спиной каждого выдающегося деятеля должна стоять замечательная женщина.

При всей своей общительности и недюжинных организационных способностях, Папа никогда бы не смог выдержать длительного психического напряжения, которое требовалось в игре, главной целью в которой была власть. Практический ум, маниакальная скупость, предельная жесткость, даже жестокость, а также решительность – все это профессиональные качества, необходимые для того, чтобы загрести деньги, но недостаточные, если речь идет о приумножении власти. Тут требуется еще кое-что. Был нужен пусть небольшой, но постоянный круг близких людей, на которых хотя и нельзя целиком положиться, но рядом с которыми можно расслабиться и ощутить, что есть в жизни тихая заводь, есть что-то родное и близкое, в чем, по сути, и заключается жизнь, а не тот нескончаемый проклятый бизнес, в котором даже те, кто составляет так называемую «команду» – даже самые приближенные сотрудники и «наши люди» в иных сферах, только и норовят, что ухватить кусок пожирнее, не заботясь о том, какие тебя из-за этого ждут разборки и заморочки.

Всё, что вне своего круга, – мертво и враждебно, а идея облагородить бизнес, вдохнув в него дух большой семьи, – порочна в своей основе. Даже классические примеры эффективного существования разновидностей деспотических кланов, мафий, тоталитарных сект и коммун – не более, чем профанация идеала и ужасное извращение принципов близкого круга. Если люди непосредственно повязаны деньгами, они никогда не способны превозмочь пагубные страсти: мужчины – жажду власти, а женщины – свою ненасытную алчность...

В общем, только такая женщина, как моя Лань-Львица, то есть наша Мама, могла создать для Папы атмосферу своего круга – в лучшем смысле этого слова.

Новые люди появлялись у нас довольно редко, а появившись, тут же прирастали к нам кожей и мясом. Внешнее существование представлялось нам чем-то призрачным.

Другое дело, что жизнь изобиловала вывертами, ужасными эксцессами и с годами благодатная родственная атмосфера постепенно выжигалась, а круг сужался. Правда, суровый Папа, вся энергия которого уходила на борьбу, не вдавался в такие тонкие материи. Если бы ему сказали, что, только благодаря Маме, он еще не сошел с ума и не потерял человеческий облик, он бы, пожалуй, даже удивился. Он-то, наверное, считал, что живет одним бизнесом. Родственные связи, товарищеские отношения он, конечно, ценил, особенно в молодые годы, но не до такой же степени. Напротив, при необходимости, он сам безжалостно пользовался и сжигал эту самую атмосферу, – иначе, наверное, было нельзя, – и Мама должна была напрягать все силы, чтобы сохранить то, что оставалось.

Итак, круг людей, собравшихся за новогодним столом, был не то чтобы очень узок, но замкнут и вполне самодостаточен. Кроме семейства Папы, включая наших старичков, а также всех моих (а также девушку Альгу, – несмотря на то, что ее статус «подруги дочери» был весьма сомнителен) присутствовало еще несколько семей. Все это были «свои люди», знали

друг друга так давно, что казались друг другу родственниками. Холостых мужчин было лишь двое – дядя Володя, который, между прочим, умудрялся как-то вообще обходиться без женщин, и горбатый домашний врач, в случае нужды успешно пользовавшийся и домашних животных. Доктор пришел с очередной любовницей. Это было ему позволено. Он всегда являлся с любовницами, и всегда это были чрезвычайно странные создания: вполне сексапильные, но до того бессловесные, что производили впечатление глухонемых. Строго говоря, их можно было вообще не принимать в расчет. Он уверял, что все они «медсестры». Присутствовали также священник нашей домово́й церкви серьезный о. Алексей со своей попадьей Мариной, наш партийный лидер Федя Голенищев с супругой, весьма состоятельный человек, и давнишний приятель Папы, компьютерный гений Паша Прохоров с женой, банкирище среди банкиров Наум Голицын с женошкой, маршал из генштаба Сева Нестеров, тоже почти родственник, с боевой подругой Лидией, университетский профессор Белокуров со своей богемной половиной, и, само собой, земляк и армейский товарищ Папы, Толя Головин, пожалуй, единственный человек, имевший к делам Папы самое непосредственное отношение. Он совмещал две ответственных должности – возглавлял главную службу безопасности и был начальником Папиной охраны, – что, по большому счету, кажется, было не одно и то же. Естественно, с ним приехала его благоверная – хозяйственная толстушка Анжелика. Вот, собственно, и весь наш круг.

Для детворы накрыли отдельный стол рядом со взрослыми. Отпрыски от девяти до двенадцати лет – целый табун жеребят. Ни одна супружеская пара в нашей компании не была обижена потомством. У серьезного о. Алексея подрастало целых четверо. Старший мальчик, двенадцатилетний Ваня, серьезный, как о. Алексей, был предан Косточке самозабвенно. Младшие тоже ходили за Косточкой, как привязанные, и находились целиком под его влиянием, на глазах менялись до того, что делались непредсказуемы, хотя виделись с ним довольно редко, а о. Алексей воспитывал их в самом что ни на есть ортодоксальном духе. Прекрасная девочка Дора и скромный воспитанный мальчик Яша были у Наума Голицына, а маленький силач Алеша – у ширококостного Толи Головина. У маршала Севы – непоседливые и проказливые, как мартышки, двойняшки Гаррик и Славик. Имелся наследник и у нашего партийного лидера Феди Голенищева. Даже холостой горбатый доктор, растрачивающий лучшие годы жизни на любовниц, имел забавного сынишку Петеньку, мать которого, как рассказывал сам доктор, не была медсестрой, а продавала свою любовь за наркотики и несколько лет назад трагически погибла. Мальчик воспитывался у бабушки, и доктор нежно его любил.

В эту новогоднюю ночь у Папы и Мама было по-прежнему шумно, весело и очень уютно. Папа обожал свое подмосковное имение и ласково называл его «Деревней». Он отстроился в этих благословенных местах, в еловом бору над Москва-рекой, как только заработал свой первый миллион, то есть, когда ему едва исполнилось двадцать пять, но теперь у него, наверное, было такое чувство, что это его исконное родовое гнездо. Он инстинктивно верил: если разорвана связь времен, если прежняя история уничтожена, нужно создать новую, или по крайней мере хотя бы имитировать эту связь, имитировать ощущение седой старины. Вот почему он первым делом выписал сюда на жительство своих родственников и родственников жены и даже выкопал и вывез откуда-то из русской глубинки кости пращуров. Специально для этого он взял под покровительство располагавшееся неподалеку в лесу крошечное деревенское кладбище, отреставрировал тухлявую часовню, а главное, застолбил рядом порядочный кусок земли, огородив его оградой фигурного чугунного литья, – под отеческие гробы. В последующие годы здесь хоронили наших родственников и друзей. Недостатка в смертях не было, и в тихой кладбищенской роще возник обширный семейный пантеон. Папа нисколько не тяготел к гигантомании, хотя в его силах было вклиниться и на Ваганьковское, и на Новодевичье, и даже подкопаться под плиты старого Кремля.

Теперь-то была зима, лесное кладбище по самые ограды занесло снегом, торчали лишь верхушки крестов. Оно располагалось километрах в полутора от усадьбы, за рекой. В эту

ясную и морозную ночь среди неоднородных, едва различимых по оттенку слоев лесных чащоб, явственно просматривалась кладбищенская роща, чуть поблескивал крест маленькой часовни. Я проследил взгляд Папы. Наверное, ему мерещилось нечто торжественное и в то же время бодрящее: эдакий сермяжный контраст: там – вечный покой, мерзлая земля и забвение, а здесь, в большой теплой комнате – милая кутерьма, семейный праздник – жизнь, бьющая ключом.

Взор Папы просветлел. От будничной непроницаемой мрачности не осталось и следа. Вдруг он поднялся, оттолкнул ногой стул и, приплясывая, двинулся вдоль стола. Он нежно тронул за плечо Альгу, а когда та удивленно обернулась, решительно взял ее за руку и потянул за собой. Первые поняли что к чему дети и, подняв радостный визг, тоже повскакали из-за стола. Маленькая Зизи схватила Альгу за руку, за ней стали пристраиваться и мы, взрослые. Лишь отрок Косточка не двинулся с места и со скептической улыбкой следил, как мы гурьбой подошли к высоким дверям в соседнюю комнату.

– Давайте, позовем его все вместе! – предложил Папа и первый закричал:

– Дедушка Мороз!

– Дедушка Мороз!.. Дедушка Мороз!– дружным хором подхватили мы.

За дверьми раздались нарочито громкие шаги, потом двойные створки широко распахнулись и в полутьме зала обнаружилась еще одна наряженная елочка, на ветках которой горели настоящие маленькие свечи. Потянуло волшебным ароматом свежей хвои и плавящегося воска. У елочки стояли облаченные в костюм Деда Мороза и Снегурочки счастливый дядя Володя и наша Майя... Погруженный в свои мысли, я не заметил, когда они успели улизнуть из-за стола и переодеться.

Накануне Наташа говорила, что первоначально роль деда Мороза желал исполнять самолично Папа, а роль Снегурочки он хотел поручить Альге, что, по мнению моей жены, было бестактно, но вполне объяснимо, ход по-своему неглупый. Папа-де рассчитывал на то, что девушка при всей ее сдержанности и нарочитой обособленности согласится, и это станет первым свидетельством того, что «шатенка с ничего не обещающими изумрудными глазами», еще сама того не сознавая, начала приручаться, и в перспективе займет то особое место, на которое он, Папа, вознамерился ее определить. Но тут неожиданно вмешалась Майя и, рискуя навлечь на себя гнев отчима, заявила, что Снегурочкой будет она. Альга, естественно, тут же поддержала подругу. Это явно раздосадовало Папу. Ему сразу расхотелось потеть в бороде деда Мороза, и роль досталась дяде Володе, а уж тот, конечно, был от такого назначения в полном восторге.

И вот последовала кульминация: раздача новогодних подарков, подобранных с исключительным вниманием. Всегда заботливая Мама, знавшая о личных склонностях и невинных прихотях близких, будь то дети или взрослые, самолично готовила праздничные сюрпризы. Теперь Дед Мороз и Снегурочка с серьезной обстоятельностью извлекали их из мешка. Каждый получил сверток с именной карточкой, упакованный в золотистую фольгу и перевязанный цветными лентами. Не была забыта и любовница доктора. Даже мы, взрослые, почувствовали себя детьми и разошлись по углам, чтобы без помех вскрыть свертки, взглянуть на предназначившиеся нам подарки. Один лишь Косточка с усмешкой наблюдал за происходящим из-за стола и, казалось, не испытывал ни малейшего желания подняться и разделить наш энтузиазм. Майе, то есть Снегурочке, пришлось самой подойти к нему и положить перед ним подарок.

– Спасибо, сестра, – равнодушно произнес Косточка.

Папа, прежде всех получивший и распечатавший свой подарок, достал из коробочки дорогой старинный медальон, открыл ногтем плоскую крышечку, заглянул внутрь и несколько секунд стоял неподвижно. затем спокойно сунул медальон в карман подошел к Деду Морозу и Снегурочке, которые с улыбкой следили за тем, как идет распечатывание свертков.

– Прекрасно, друзья, – ласково сказал Папа, обнимая их за плечи, – прекрасно. Вы тоже без подарков не останетесь.

Он вручил дяде Володе конверт с деньгами. Затем вытащил двумя пальцами из нагрудного кармана небольшую пластиковую карточку и опустил прямо в раскрытые ладони Майи. Это был ключ от обещанного ей офиса. Майя грациозно присела, изобразив старомодный «книксен», а затем, счастливо рассмеявшись, бросилась ему на шею. Дядя Володя в костюме деда Мороза, переминаясь с ноги на ногу, скромно стоял рядом и улыбался.

Я достал из пакета дивную палисандровую табакерку с плетеной серебряной окантовкой. Прекрасный подарок, слов нет. Но в глубине души я, пожалуй, надеялся на нечто совсем другое, заветное. Уж не мечтал ли я с детской наивностью обнаружить в пакете такую же именную пластиковую ключ-карточку от личных апартаментов в Москве? А почему бы, собственно, и нет? Увы, никакого ключа там, конечно, не оказалось. В отличие от Майи Папа мне ничего не обещал, хотя я почти не сомневался, что в конце концов он придет к мысли, что не выделить мне место в Москве просто невозможно. Впрочем, должен признать, что в отношении того, какое желание у меня самое заветное, абсолютной ясности не существовало. Это я уяснил для себя за праздничным столом между седьмым и восьмым ударом часов. Было ли одно такое «самое-самое»? Вопрос не простой. Впрочем, впереди у меня – бездна времени. Да и заветные желания, в конце концов, исполняются не мгновенно, а своевременно. Я спрятал табакерку в карман.

Все были заняты подарками. Вокруг так и вскипали эмоции, слышались радостные и удивленные возгласы. Альга возилась со своим свертком, распутывая цветные ленты. Дети как сумасшедшие скакали по комнате с чудесными куклами, машинами, напичканными электроникой, фантастическим оружием и кривлялись друг перед другом. Александр, глаза которого возбужденно блестели, показывал мне из другого конца комнаты Братца Кролика в клетчатом комбинезоне. Миляга кролик, как живой, шевелил ушами, перебирал лапами и даже что-то верещал. Конечно, одиннадцатилетний Александр уже давно перерос такие игрушки, но об этом плюшевом зверьке мечтал давно и неистово. Он ему даже снился... Маленькая Зизи замерла посреди комнаты в обнимку с огромной куклой-невестой. Моя жена примеряла перед зеркалом над камином новые серьги. Батюшка о. Алексей разглядывал только что распакованную древнюю панагию. Он с благоговением поцеловал образок и, перекрестившись, надел на себя. Попадья Марина, раскрасневшись, рассматривала невесомый, как облако, оренбургский платок, который плавно играл в воздухе. Счастливый доктор потрясал раскрытым несесером с уникальным набором золотых китайских игл, а его сын Петенька целился во всех из игрушечного гранатомета. Наш партийный лидер Федя Голенищев нацепил на нос изысканное пенсне и подмигивал Науму Голицыну, который с довольной усмешкой прикладывал к запястью великолепные часы. Маршал Сева разглядывал чудесный миниатюрный фрегат, хитроумно сооруженный внутри пузатой бутылки, а его чертенята Гаррик и Славик получили по коробке с целой армией солдатиков. Профессор Белокуров пробовал кончиком пальца золотое перо авторучки в корпусе из перламутра и заправленной настоящими чернилами. Его богемная половина рассматривала набор изящных янтарных мундштуков. Толя Головин любовно поглаживал отнюдь не игрушечный огромный коллекционный «парабеллум», а компьютерщик Паша Прохоров любовно дул на жидко-кристаллический дисплей какого-то мудреного электронного устройства. Даже на лице Косточки появилась, как мне показалось, улыбка снисходительной заинтересованности, когда он извлек из своего пакета широкий непальский кинжал в ножнах из пятнистой змеиной кожи.

Я заметил, что Папа, некоторое время спокойно наблюдавший эту новогоднюю идиллию, вдруг напрягся. В этот момент кто-то задел меня плечом. Это была Альга. Она подошла к обряженному дедом Морозом дяде Володе и что-то вложила ему в руку.

– Большое, конечно, спасибо, дедушка Мороз, – спокойно и твердо сказала она, – но такого подарка я принять не могу.

И тут же, развернувшись на каблучках, преспокойно отошла и взяла блюдо с клубничным тортом. Увидев, что я смотрю на нее, она отвела взгляд.

Дядя Володя механически протянул отвергнутый подарок Папе. Я успел разглядеть плоский сафьяновый футляр. Папа принялся засовывать его во внутренний карман. Румянец на его щеках проступил ярче. Вдруг футляр расщелкнулся, и из него брызнуло радужное сияние тяжелого бриллиантового кольца. Наверное, Папа мечтал самолично надеть его на шею девушке. Наконец он упрятал футляр и, пригладив ладонями волосы, пробормотал:

– Ей-Богу, совсем даже не хотел ее обидеть...

Потом исподлобья покосился в сторону Мама, которая, к счастью, была занята разговором с моей женой и, кажется, ничего не заметила.

Майя, конечно, все поняла, чуть-чуть покраснела, но не произнесла ни слова. Дядя Володя покраснел больше всех и смущенно блуждал взглядом по потолку. Мне самому сделалось до того неловко, что запершило в горле.

– Ладно, – сказал Папа, – проехали.

Он подошел к мраморной каминной стойке, как ни в чем не бывало вытащил из серебряной сигарницы сигару, раскурил ее, сделал несколько глубоких затяжек, а затем вышел из комнаты.

К счастью, больше никто не обратил внимания на происшедшее. Когда Майя посмотрела в мою сторону, я хотел притвориться, что тоже ничего не заметил, но она и сама сделала вид, будто ничего не произошло. Она даже потрясла в воздухе пластиковым ключом и показала мне язык: дескать, вот тебе, завидуй!.. Господи ты Боже, да я мог только порадоваться за нее!

Заиграла музыка. Мама успела распорядиться, чтобы под украшенной елкой поставили кресло. На него она помогла взобраться маленькой Зизи. Девочка покачивала белокурой головкой и, придерживая пальчиками края кружевного платица, притопывала в такт музыке то одной, то другой ножкой, потом глубоко вздохнула и старательно запела старинную новогоднюю песенку про елочку. Взрослые хотели, чтобы дети составили вокруг елки живописный хоровод, но они уже были довольно большие для таких чинных развлечений и предпочли просто беситься, норовя содрать с деда Мороза бороду, а Снегурочку ухватить за косу. Они знали, что в новогоднюю ночь их не станут наказывать и не ушлют спать, пока они сами не свалятся от усталости и не угомонятся. Пришлось нам, взрослым, самим водить хоровод. Папа уже вернулся и как ни в чем не бывало пристроился между Альгой и Майей. Он всегда отличался упорством и в такие моменты на его лице даже появлялось туповатое животное выражение, самец да и только... Странно, неужели я все-таки разозлился на него?

Потом Мама предложила:

– А теперь давайте танцевать парами!.. И вы, дети, тоже потанцуйте, как взрослые, ведь вы уже большие. Приглашайте кого хотите, – с энтузиазмом прибавила она.

Я увидел, что маленькая Зизи, все еще стоявшая на кресле, смотрит на меня широко открытыми глазами. И сразу припомнился рассказ дяди Володи о том, как дети «поделили» нас между собой. Я подошел к девочке и, церемонно поклонившись, пригласил ее на танец. Она серьезно посмотрела на меня и положила руки мне на плечи. Я взял ее за талию, снял со кресла, поставил на пол и осторожно повел в танце. В глазах малышки читался восторг. Должно быть, на нее произвело огромное впечатление, что ее старший брат заявил о желании «взять» себе взрослую Альгу. Конечно, она хотела ему подражать: вот и выбрала меня.

– Прекрасно, прекрасно! – воскликнула Мама, умиляясь. – Это так красиво!

Она хотела было ангажировать моего Александра, но тот уже решительно подходил к Снегурочке. Он взял ее за руку и вывел на середину комнаты. Майя посмотрела на меня и

засмеялась. Чтобы казаться повыше, Александр приподнялся на цыпочки, и они принялись танцевать. Подумать только, куда делась его застенчивость!

Наш пример оказался заразительным. Дети принялись наперебой приглашать взрослых. Пары складывались забавно. Ваня, сын о. Алексея, пригласил на танец богемную половину профессора Белокурова, которая только что раскурила вставленную в новый мундштук длинную дамскую сигарету. Так и танцевала с сигаретой, к видимому неудовольствию о. Алексея, который даже отвернулся, чтобы не лицедреть эту картину. Сынок банкира Яша вальсировал с легкомысленной попадъей, а девочка Дора уцепилась тонкими ручонками за лацканы маршальского кителя. Маленький силач Алеша Головин пригласил мою Наташу. Особенно примечательный выбор сделал Петенька, сын доктора. Он бойко ангажировал «медсестру».

– Молодцы! – Хлопала в ладоши Мама. – Вот молодцы!.. А что же ты, Косточка, почему не танцуешь? – обратилась она к сыну, который как раз собирался подойти к Альге. – Пригласи кого-нибудь.

Косточка сразу остановился.

– Потанцуем? – сама протянула ему руку улыбающаяся Альга.

– Давай, ты же умеешь! Тебя учили, – подбодрила сына Мама.

– Нет, не хочу, – покачал головой Косточка.

– Почему? – продолжала улыбаться Альга.

– Почему, Косточка? – спросила Мама.

– Когда я захочу, тогда и буду с ней танцевать.

– Ну вот, – рассмеялась Альга, – а если тогда я не захочу?

– Все равно пойдешь, Альга, – сказал Косточка. – Пойдешь!

– А вот и не пойду.

– Будешь моей и пойдешь! – насупился Косточка.

– Ну как скажете, мой повелитель, – с наигранной серьезностью кивнула Альга.

– Что за странные фантазии, мой милый? – удивилась Мама.

– Ого! – послышался смех Папы.

– Будет моей, – топнул ногой Косточка. – И я буду всем командовать, вот увидите!

– Ого! Ого! – продолжал смеяться Папа.

– А что же ты будешь со мной делать, мальчик? – любопытствовала Альга. – Чем мы с тобой будем заниматься?

– Совсем не *тем*, чем ты думаешь, – поморщился Косточка и плюхнулся в кресло.

Альга только руками развела.

– Эх ты, горе-кавалер! – сказал сыну Папа. – Позвольте тогда мне, Ольга, пригласить вас на танец...

Я слышал всю эту небольшую перепалку, так как мы с Зизи вальсировали поблизости. Девочка слишком волновалась, стараясь танцевать «как взрослая», и поэтому мы все время сбивались с ноги. Неожиданная мысль поразила меня: кто знает, может быть, Папа очень даже страдал из-за Альги! Почему бы и нет?

Девушка исподлобья взглянула на Папу, но от танца не отказалась. Тем более что Папа был предельно корректен, и глаза его теперь выражали не наглую туповатость, а совершенно натуральное смирение и покорность. Вот так и кончаются эти истории, пронеслось у меня в голове. Сколько веревочке не виться... Мне показалась, что по лицу Мама пробежала тень задумчивости, но уже в следующий момент она решительно подхватила деда Мороза и весело завальсировала вместе с ним. Косточка не обнаруживал никаких эмоций. Он спокойно вытащил из ножен подаренный нож и стал чертить им в воздухе различные фигуры.

– Он такой! Он всегда хочет делать все по-своему, – вдруг сказала маленькая Зизи, восхищенно кивнув в сторону брата.

Ее глаза засияли еще ярче.

– Что ж, пожалуй, это даже хорошо... – проговорил я.

Спустя некоторое время детям наскучило наше старомодное веселье. Косточка подал знак сыну священника Ване и моему Александру, и они отправились с ним в мансарду, в которой находилась детская. Следом за троицей стали выскальзывать и другие ребяташки. Каждому хотелось присоединиться к компании, на этот раз Косточка ни для кого не сделал исключения, даже для младших. Дядя Володя двинулся было за Косточкой, но мальчик покачал головой, и дядя Володя, понимающе кивнув, остался. Главное событие новогоднего торжества – раздача подарков миновало, а ко всему прочему дети были равнодушны. Елка уже была забыта. У них была своя жизнь. Так оно, вероятно, и следовало.

К трем часам ночи кое-кто уже посапывал в креслах, но большинство еще держалось. Все объелись, напились, набалагурились и теперь медленно-медленно попивали «кофий», с удовольствием беседовали, глубже и глубже зарываясь в воспоминания. Я, естественно, находился в числе бодрствующих. Это было очень приятно – сидеть эдак по-семейному, с полужакрытыми глазами, время от времени нюхать табачок и слушать о том, что давным-давно прошло. Тем более в новогоднюю ночь.

Особенно разболтались наши старички... Они вспоминали времена, которые представляются мне до того темным, что осветить их нет никакой возможности, а вне этой «исторической фазы» наши предки как бы лишались сколько-нибудь осязаемой фактуры. Признаюсь честно: я не понимал, как они жили, так же как они не понимали нашей жизни. К примеру, они до сих пор никак не могли взять в толк, что почти все вокруг стало единоличной собственностью Папы. Наверное, им казалось, что они, да и все мы, пробавляемся тут на государственный счет в номенклатурном санатории или доме отдыха. Как бы то ни было, они все же понимали, что их старческое благоденствие – исключительная заслуга способного Папы, и чрезвычайно Папой гордились.

Прошлое в рассказах наших старичков напоминало уютные патриархальные пейзажи, вытканые на ковриках, какие были когда-то в большой моде и, кажется, развешивались преимущественно над диванами. Обаяние этих странных картинок состояло, вероятно, в том, что, глядя на них, невольно хотелось вообразить себя где-нибудь в укромном уголке этого неправдоподобно безмятежного мира. Старички ясно помнили то, что для каждого из нас выплывало словно из густого тумана и казалось призрачным сном. Так же, пожалуй, и я сам, сделавшись старичком, буду помногу раз пересказывать случаи из прошлой жизни, из тех времен, когда Александр, Зизи, Косточка еще пребывали во младенчестве или вообще не родились.

– Когда мы с ней только поженились, и нам дали комнату, – ни с того ни с сего стал рассказывать мой отец, с улыбкой поглядывая на мою мать и на окружающих, – у нас, между прочим, не было совершенно никакой мебели. То есть вообще ничего. К свадьбе нам подарили немного денег, и мы долго совещались, чтобы такое нам купить. Пофундаментальнее. И что, вы думаете, мы купили? Не кровать, не стол, не стулья... Мы купили громадный трехстворчатый зеркальный шкаф. Это, конечно, она, молодая хозяйка, настояла. Присмотрела в комиссионке.

– Зато какой красавец был, – вздохнула мать. – И почти даром.

– Не спорю, красавец, – добродушно согласился отец. – Но можете себе представить – совершенно пустая комната— и этот красавец-шкаф!

– Зато в зеркале отражалось заходящее солнце! – снова вмешалась мать. – Казалось, в комнате два окна, одно напротив другого, и в каждом пылает по закату. Два заката одновременно, красота неопишуемая! А когда в праздники начинался салют, вся комната наполнялась сверкающими огненными шарами...

– А главное, – посмеиваясь, продолжал отец, – поскольку, как я уже сказал, кровати у нас еще не было, а спать на полу было холодно, мы расстлали матрас шкафу. Благо шкаф был чрезвычайно широкий и длинный. Так и провели медовый месяц. И ведь не боялись свалиться!.. А когда родился Серж, ему это как-то передалось. Совсем малышом, просился на

шкаф, мы подсаживали его, и там, под потолком, среди узлов и чемоданов он устраивал себе «город». Уже тогда обожал экспериментировать со всякими архитектурными сооружениями. Иногда просил, чтобы ему и еду туда подавали.

– Вот видишь, – сказала мать, – может быть, благодаря этому шкафу он и сделался архитектором.

– Ну, – возразил отец, – шкафы и у других были.

– У нас был точно такой шкаф, – вспомнил дедушка Коля, отец Мамы, хлопнув себя ладонью по лбу.

– Тем более, – убежденно сказала моя мать. – Значит, это у Сержа настоящий Божий дар... Правда, батюшка? – обратилась она за поддержкой к о. Алексею.

– Иначе и быть не может, – авторитетно кивнул тот. – Божий дар.

Что касается меня, то я в этом не сомневался. Гениальная идея Москвы посетила меня непосредственно после того, как я окрестился. И крестил меня наш о. Алексей. Факт остается фактом. Помню, как на волне очередного интереса к религии я перечитал Новый Завет. Под впечатлением финала Апокалипсиса с его Новым лучезарным Градом меня и озарило. Мои градостроительные идеи, до этого разбросанные и противоречивые, сложились в единый проект...

Кстати, сам о. Алексей, тоже наш старый знакомый, когда-то был рядовым инженером. Потом вдруг одухотворился, воцерковился, бросил науку и стал прислуживать в храме. Прихожанами и тамошним батюшкой сразу было замечено, что он светеносен и благолепен. У него сделались широкие скулы, разлопятилась борода. Его произвели в диаконы. Он закончил духовную академию, был рукоположен в сан священника и по просьбе Папы стал служить в нашей домово́й церкви. Потом меня еще довольно долго удивляло превращение скромного инженера в серьезного и строгого батюшку...

– Погодите, погодите! У нас действительно был такой шкаф, – пробормотала бабушка Маша, мать Мамы, возвращаясь к прерванному разговору. – Правда, кровать у нас все-таки была... Прекрасная, железная, – чуть-чуть покраснев, добавила она.

– Да, кровать была, – вдруг засмеялся дедушка Коля, снова хлопнув себя ладонью по лбу, – но шкафом мы тоже пользовались. Наверх залезать не догадались, зато любили забираться внутрь. И дочке это тоже передалось!

– Что правда, то правда, – закивала бабушка Маша, глядя на Маму. – Ты действительно любила играть в шкафу. Залезала в него и непременно собирала в него всех кукол, плюшевого мишку, обезьяну, всех соседских детей, да еще требовала, чтобы мы, родители, тоже забирались туда, и когда в шкафу становилось так тесно, что не повернуться, тянулась, чтобы всех обнять, и радовалась: «Какая у меня большая семья!»

– Счастливое было время, – вздохнула Мама.

– Да уж, я слышал, у вас, у городских, бывают такие причуды, – с ехидной усмешкой вступил в разговор вдовый дедушка Филипп, отец Папы. – А вот у нас, у деревенских, зеркальных шкафов тогда в помине не было, и сыночка нашего мы с покойницей «сочинили» прямо в лесу, на пасеке. Пчелки у меня были злые, смерть. Оно и хорошо, что злые, потому что у нее, тогда еще даже не невесты, ухажер был. Все обещался мне голову проломить, если она ко мне ходить станет. Следили его товарищи за нами и нигде нам нельзя было уединиться. Однажды она все-таки пробралась ко мне на пасеку. Тут уж нам стало полное раздолье. Двести ульев вокруг, а мы с ней посредине на лужочке. Лето, солнышко печет, листочки плещутся, травы душистые по грудь, ручеек бежит, и мы с ней, значит, вдвоем медом балуемся... Стали раз к нам гости подбираться – замотали рожи рогожей, вооружились снопиками дымящими, да только пчелки у меня такие свирепые, что им и дым нипочем, а под рогожу они, конечно, мигом пролезли. Как пошли гостей ошпаривать, как пошли! Гости снопики подожженные побросали, рогожки

поскидывали, еле ноги унесли... Потом уж мы с ней поженились, а все равно для этого дела на пасеку ходили: хорошо!

– Хорошо, батя, рассказываешь, – умиротворенно и даже с гордостью отозвался Папа. – Расскажи уж и про меня маленького.

– А что про тебя рассказывать, из тебя пасечник тоже вышел бы замечательный. Тоже, видно, это тебе от места передалось. Ты ведь еще ходить не начал, а уж среди ульев ползал, и пчелки тебя не трогали. И потом, когда подрос, все мечтал главный пчелиный секрет открыть: как это у них все так прекрасно устроено и как управляется. Пчелы рабочие, пчелы защитницы, пчелы матки. Жаль, пошел ты в бизнес, пропал талант.

– И вовсе не пропал, батя, – усмехнулся Папа. – Я ведь теперь, по сути, и есть все равно что пасечник. Все про моих пчелок знаю: и про рабочих, и про защитниц, и про маток. Только улы, понимаешь, другие, а пчелки все-таки мед приносят...

В этот момент я приоткрыл глаза и стал внимательнее присматриваться к Папе. Я испытывал двойственное чувство: с одной стороны, как он хорошо и поэтично вклинился в разговор, а с другой – что-то в этом сравнении было неприятное – пчелы, муравьи, насекомые... Он, конечно, сказал это в прямом смысле, не помышляя ни о каких метафорах. Уже во второй раз за вечер я ощутил, что начинаю злиться на него, раздражаться, что ли. Вот это действительно было странно и неприятно. В конце концов, Папа есть Папа. Я уже досадовал на себя: Бог знает чего к нему цепляюсь. И словно желая проверить собственные ощущения, я взглянул на Майю и Альгу: как они отреагировали на слова Папы насчет пчел. Но ничего – девушки сидели, обнявшись, на диване и ворковали, кажется, о чем-то своем. Слова Папы не произвели на них никакого впечатления. Заметив, что я на них смотрю, они показали мне язычки. Что касается наших старичков, то у них на лицах было написано совершенное умиление. Остальные добродушно посмеивались.

– По-моему, обстановка, в которой происходило зачатие ребенка, – сказал я, – самым непосредственным образом влияет на его будущее.

– Тогда надо распорядиться, чтобы в личных делах наших людей завели специальную графу и заносили в нее соответствующие сведения, – сказал Папа. – Чтобы контролировать ситуацию, мы должны обладать полной информацией.

– О да, кроме шуток, обстоятельства зачатия полны глубочайшей мистики, – тут же подхватила богемная половина профессора Белокурова. – Недаром, на востоке, в Японии, в частности, считают днем рождения не собственно день рождения, а именно тот день, когда произошло зачатие.

– С медицинской точки зрения, – подключился горбатый доктор, – в этом может быть есть определенный смысл. Правда, соответствующей статистикой медицинская наука, не располагает.

– А вот меня зачали, – сообщила богемная половина профессора, – в гостиничном номере отеля «Националь», в том самом номере, где по преданию останавливался Григорий Распутин. И я чрезвычайно это чувствую.

– К сожалению, – сказал доктор, – мало кто может со стопроцентной гарантией указать момент и обстоятельства своего зачатия... – Доктор обратился к своей подруге: – А тебя, скажи, где зачали, радость моя?

«Медсестра» застенчиво улыбнулась, но доктору так и не удалось вытянуть из нее ни слова.

– Должно быть, – предположил тогда доктор, —как выразился, наш уважаемый дедушка Филипп, тебя «сочинили» где-нибудь в тиши зоологического музея между прелестными засушенными бабочками и заспиртованными ящерицами... Впрочем, я полагаю, – продолжал рассуждать он, – совсем необязательно, чтобы связь была такой буквальной. Меня, насколько мне известно, зачали на кладбище, а я все-таки, несмотря на такое мрачное местоположение,

избрал своим поприщем заботу о жизни – здравоохранение и, кажется, не безуспешно. Стараюсь!

– Да уж ты, пожалуйста, старайся, доктор, старайся, – попросили его мы.

– А еще, – вдруг сказал доктор, посерьезнев, – я хорошо помню, где я сочинял своего Петеньку... – Мы сочувственно приумолкли, поскольку были в курсе его несчастного романа. – Несмотря на то, что я почти круглосуточно находился на дежурствах, это произошло не на больничной кушетке, – грустно сказал он, – не на столе дежурного врача и даже не в операционной. Это произошло на даче у ее родителей, на скамеечке в очаровательной такой беседке...

– Вот видишь, доктор, – сказала богемная половина профессора.

– А вот у нас не было даже скамейки, правда, родная? – усмехнулся маршал Сева, похлопав по колену свою боевую подругу Лидию. – И вообще никаких интимных условий. Пустое караульное помещение, и полчаса до моего отлета на горячую точку. Но вот, однако ж, успели отковать даже двойню!

– Да, родной, – ответила маршалу Лидия.

Тут все наперебой принялись припоминать подобные обстоятельства. Выяснилось немало забавного. Пикантные подробности оказались на удивление свежи в памяти.

Партийный лидер Федя Голенищев с гордостью поведал, что они с женой абсолютно точно высчитали, что зачали наследника идей в день очередных всенародных выборов, – прямо за занавеской в избирательной кабинке на урне.

Банкир Наум Голицын, посоветовавшись с женой, сообщил, что мальчик Яша вероятно начал свое земное существование в первое посещение родителями «земли обетованной», а девочка Дора во второе.

Богемная половина профессора Белокурова, который в это время смущенно чесал переносицу, с поразительной живостью описала медвежью шкуру, которая послужила им брачным ложем. Изголовьем, естественно, служили несколько фолиантов с эзотерическими трудами.

У компьютерного гения Паши это не могло произойти ни коим иным образом, как за компьютером, поскольку он практически не отходил от монитора.

Толя Головин, переглянувшись с супругой, с присущими ему лаконичностью и деловитостью сообщил о заднем сиденье автомобиля, прибавив точные сведения о марке автомобиля, годе его выпуска и государственном номере. Это был многосильный джип, – как ни удивительно, как раз под стать их маленькому силачу Алеше.

– Ну а ты сам-то помнишь, как было дело? – спросила жена, подталкивая меня в бок.

Я растерянно покачал головой.

– Давай, вспоминай! – потребовали остальные.

– Куда ему, – фыркнула Наташа, – он у меня вечно витает в облаках. Ему вечно не до того.

– Как это не до того? – удивился я. – Погоди-ка, погоди-ка, – напрягся я. – Минуточку!..

Кажется, Александр родился спустя несколько лет после того как я занялся Москвой. Значит, до того, как я окрестился. Тогда я еще, прошу прощения, батюшка, был отъявленным атеистом и нищеанцем...

– Тьфу ты, срам, – плюнул о. Алексей.

– Увы, – со вздохом продолжал я. – Тогда у меня в голове теснились сплошные вавилонские башни. Я мечтал о том, чтобы где-нибудь в пустыне возвести дворец Заратустры с конической башней, которая бы не отбрасывала тени в полдень. Я пытался представить себе некий особый эффект внутренней перспективы, который...

– Ты по существу говори, – одернула меня Наташа.

И совершенно справедливо: я действительно уклонился от темы.

– По существу, – поправился я, – у нас с тобой, пожалуй, все происходило вполне обычно. То есть дома. На самой обыкновенной тахте... Да, на самой обыкновенной тахте.

Кажется, Наташа выглядела разочарованной, если не огорченной.

– Конечно, – шепнула она, – тебе всегда было безразлично, в каких условиях это происходит. Ты архитектор, а до сих пор не понимаешь, как важна для женщины внешняя обстановка, а не лишь бы только...

– Постой, – снова заторопился я, пытаясь спасти положение, – помнится, ты тогда как раз купила шикарное шелковое покрывало с египетскими мотивами – фараонами-тутанхмонами, пирамидами, клинописью и тому подобным. Значит можно сказать, мы зачали Александра не лишь бы только, а в атмосфере древней цивилизации!

– Правильно! – обрадовалась Наташа. – И то исключительно благодаря мне, – прибавила она. – Если бы я не купила то покрывало...

– О чем речь, – смиренно согласился я.

Даже Альга проучаствовала в разговоре, сдержанно сообщив, что родители у нее в молодости были альпинистами-любителями, зачали ее аж в Гималаях – непосредственно после покорения одной из рериховских вершин среди ледников и камнепадов. Кажется, в ночь полнолуния. Можно сказать, на полпути к светозарной стране, легендарной Шамбале.

– Ого! Не слабо! – согласились мы.

– Это неспроста, – убежденно заметила богемная половина профессора. – Тебе, девочка, нужно особенно внимательно следить за знаками Судьбы.

– Я и слежу, – сказала Альга.

Как мне показалось, с улыбкой.

– Ну а нам, интересно, есть, чем похвастаться? – ревниво воскликнула Майя, обращаясь к Маме.

Мама нежно обняла старшую дочь и с улыбкой сказала:

– Ну, конечно, есть. Нашу Зизи мы с Папой, пожалуй, тоже зачали в атмосфере египетских мотивов. Ведь мы тогда с Наташей вместе покупали эти покрывала. Только Наташа взяла себе в голубых тонах, а я в розовых...

– А со мной как было дело? – нетерпеливо спросила девушка.

– Боюсь, не удастся вспомнить, – заколебалась Мама.

– Нет уж! – тут же зашумели мы. – Вспоминай!

– Как это было? Я должна знать обстоятельства! – повторила Майя.

Мама наморщила лоб, потом улыбнулась.

– Успокойся. Это было хорошо и романтично, – заверила она дочь. – Если я не ошибаюсь, дело происходило на крыше одного старого московского дома под ласковыми лучами большого-пребольшого майского солнца...

Наконец я хоть что-то узнал об обстоятельствах рождения Майи... Впрочем, Мама могла и пошутить. Чтобы не огорчать дочь. Ведь этот разговор ни к чему не обязывал, да и доктор был прав: точно высчитать сам момент почти невозможно. Но Майя, конечно, даже не усомнилась в этом.

– Ах как хорошо! – воскликнула она. – Обожаю солнце!

– Смотри, растаешь, Снегурочка! – предостерег ее Папа.

Майя все еще была в расшитом серебром сарафане и высоких голубых сапожках.

– Я и забыла, что я еще Снегурочка! – засмеялась она. – А что же наш Косточка, – спохватилась она, – как насчет него?

– Насчет него? – рассеянно повторила Мама.

– Ну да, как насчет подробностей?

– Боюсь, что на этот раз не удастся вспомнить...

– Почему же не удастся, – педантично сказал Папа. – Не в тот ли день, когда ты разбила большое зеркало, а потом в меня первый раз стреляли?

– Нет, конечно, – поспешно возразила Мама. – Это произошло значительно позже.

– А по-моему, именно тогда.

– А я говорю, гораздо позже.

Было видно, что Маме просто не хочется связывать такой важный момент с неприятными происшествиями.

– Если и позже, то не намного, – настаивал Папа. – К тому же тогда, слава Богу, все обошлось благополучно. Уже на следующий день мне удалось заключить важные соглашения, и ситуация стала развиваться самым наилучшим образом.

– Вот тогда это и произошло, – убежденно сказала Мама. – Ты устроил себе короткий отпуск, и мы провели его здесь, в Деревне. Мы ездили охотиться на кабанчика, потом устроили пикник... Я очень хорошо все помню.

– Пусть так, – усмехнувшись, согласился Папа. – Кабанчика я тоже помню. Кстати, Косточка обожает стрельбу и вообще всякое оружие. Значит что—то такое ему действительно передалось. Для мужчины это полезное качество. Только я бы предпочел, чтобы он побольше развивал мозги.

– Косточка чрезвычайно способный мальчик, – подал голос дядя Володя. До этого наш чудак сидел тихо, пристроившись под елкой. Он уже снял костюм Деда Мороза, бороду, стащил парик, только на висках и подбородке у него остались белые клочки ваты. – Никогда не знаешь, какая фантазия придет ему в голову в следующий момент.

– Ты имеешь в виду свой сегодняшний полет из саней? – насмешливо осведомился Папа.

– Он сказал, что это был несчастный случай! – воскликнул я.

– Так оно и есть, – смутился дядя Володя. – Конечно, случай!

Выгораживал он мальчика, что ли?

– Ладно, – покачал головой Папа, – если в момент зачатия ситуация вышла из-под контроля, то теперь ничего не изменишь. Тут по неволе станешь фаталистом. – Трудно было понять, говорит он серьезно или шутит. – Кстати, ты бы, знаток детской психологии, пошел взглянул на детей, что они там делают, не пора ли им спать?

– Иду, – послушно кивнул дядя Володя.

Он скоро вернулся и сообщил, что ребятишки ведут себя наилучшим образом: расположились со своими подарками на ковре вокруг Косточки и тихо-мирно играют.

– Как бы там ни было, все имеет свой смысл, – сказала божественная половина профессора Белокурова, – предметы, которые находятся вокруг нас, будь то разбитое зеркало, кабанчик или еще что все – это мистическим образом сплетаются в судьбу. Как по-твоему, котик? – обернулась она к мужу, дремавшему рядом.

– Пожалуйста, еще немного, милая, – сквозь дрему пробормотал плотненький, похожий на вареного рачка профессор, не открывая глаз.

Мы рассмеялись.

– А вы что обо всем об этом думаете, отец Алексей? – полюбопытствовал я у нашего батюшки.

Попадью Марину, которой, судя по всему, тоже было, чем похвалиться насчет деток, явно разбирало желание поведать нам кое-какие подробности, но О. Алексей, дабы не уронить достоинства сана, строгим взглядом приказал ей помалкивать, а нам строго попенял:

– Хоть я, слава тебе Господи, не профессор и не архитектор, но скажу вам. Сотворение человека есть тайна превеликая. Только один Бог ее ведает, и не вам, дуракам, о том рассуждать!

Мы, конечно, спорить не стали, поскольку, в конечном счете, так оно, наверное, и было.

Между тем небо за окнами как будто начало светлеть. И сразу на всех навалилась усталость. Мы стали разбредаться по комнатам. Я хотел еще ненадолго задержаться в гостиной, но Наташа сказала:

– Пожалуйста, приведи Александра. Я ложусь. Если ты идешь, поторопись, пока я не заснула.

Мне показалось, что дети выглядели расстроенными. За исключением, пожалуй, Косточки, Вани, старшего сына священника, и Яши Голицына, которые, многозначительно перемигнувшись, спокойно разошлись следом за родителями. Особенно расстроенный вид был у силача Алеши. Да и наш Александр со своим новым плюшевым Братцем Кроликом в руках поплелся за мной как в воду опущенный.

– В чем дело? – спросил я.

– Все в порядке, папочка, – ответил Александр.

Я решил, что это просто сказывается усталость.

Мы привычно разместились в двух смежных гостевых комнатах на втором этаже, которые считались «нашими» в Деревне. Наташа заперлась в ванной, а я стал укладывать Александра. Мальчик лег в обнимку со своим смешным Братцем Кроликом. Как странно, иногда сын казался мне почти взрослым, иногда маленьким. Сейчас, когда он взял в постель игрушку, выглядел совсем малышом. Я провел ладонью по его шелковым светлым волосам и заглянул в широко открытые блестящие глаза, которые при солнечном свете были абсолютно синими, а сейчас, в полутьме, почти черными. Я наклонился и поцеловал его в щеку.

– Папочка? – вдруг сказал сын.

– Что?

– Москва должна быть моей, правда?

– То есть как? – не понял я.

– А Косточка сказал, что Москва его.

– Ну и что?

– Ведь ты ее построил, правда, папочка? Значит, по справедливости она должна быть моей. То есть нашей...

– Я ее не строил. Ее строили многие люди. Я ее придумал. А места в ней должно хватить всем.

– Но, папочка, ты всегда говорил, что ты ее построил.

– Я ее создал в моем воображении. Родил идею. Ну и конечно, сделал проект.

– Ну вот. Тем более.

– Места в ней хватит всем, – повторил я.

– Но для тебя сейчас места нет, папочка, – заметил Александр.

– Ничего, – улыбнулся я, – когда-нибудь найдется.

– Если бы она была моей, я бы взял тебя.

– Спасибо, милый... А теперь спи.

Я снова поцеловал его.

– Спокойной ночи, папочка. Пусть тебе приснятся хорошие сны.

– И тебе тоже.

– Позови потом маму, – попросил Александр.

– Хорошо, – сказал я.

Я вышел, прикрыл дверь и прилег на постель. Через минуту вернулась Наташа.

– Поторопись, – сказала она.

– Зайди. – Я кивнул ей на комнату Александра и, входя в ванную, невольно улыбнулся, услышав голос сына.

– Пусть тебе приснятся хорошие сны, мамочка.

– И тебе тоже, – отвечала Наташа.

Когда я вернулся из ванной, она уже была в постели.

– Слушай, – прошептал я, забираясь под одеяло, – с какой стати Папа намекал, что это Косточка вытолкнул дядю Володю из саней?

– Значит так оно и было.

– Странно, разве он способен...

– Способен, способен, – нетерпеливо прервала меня Наташа, придвигаясь ближе.

– Никогда бы не подумал.

– Разве дядя Володя тебе не рассказывал? Сними розовые очки. У тебя вообще слишком много иллюзий. В том числе в отношении детей.

– Странно, – сказал я и замолчал.

Мы начали ласкать друг друга. Я знал, что в представлении Наташи праздник должен был быть праздником от начала и до конца, и она готова была ради этого постараться на совесть. Звезды за окном на фоне сереющего неба сделались тусклыми. С востока стали подниматься облака.

– Наташа! – шепотом позвал я ее немного погодя, когда мы лежали, прижавшись друг к другу спинами.

– Спи, – сонным голосом отозвалась жена. – Пусть тебе приснятся хорошие сны.

– И тебе тоже, – пробормотал я.

Несколько минут я лежал, устремив взгляд в окно. В верхнем правом углу еще едва бледнел серпик луны, а солнце, окутанное густым туманом и облаками, уже показало круглую нежно-алую щеку. Солнце и луна – вечные подруги и соперницы, встречаются на грани ночи и дня... Наверное, я уже засыпал.

Вдруг я уловил какие-то неясные звуки, встрепенулся и, выскользнув из-под одеяла, подошел к двери в смежную комнату. Осторожно приоткрыв дверь, я обнаружил, что Александр еще не спит.

Мальчик лежал, повернувшись к стене, в обнимку со своим любимым кроликом.

– Господи Боже, Господи Боже, – разобрал я его звенящий шепот, – прошу Тебя, Господи Боже, помилуй Братца Кролика, и Русалочку, и Медведя, и Серого Волка и Розового Слона... А еще, Господи, помилуй Кораблик, и Верного Робота, и Грустного Клоуна, и Кота в Сапогах... Помилуй их всех, добрый Господи, – необычайно горячо повторял он, – помилуй, спаси, защити их и сохрани...

Я подивился такой своеобразной молитве, в которой Александр просил за сказочных персонажей, но вмешиваться не стал и так же бесшумно прикрыл дверь. Я снова лег в постель и на этот раз крепко заснул. Мне приснился сон прекрасный, счастливый, но в то же время невыразимо печальный.

Был прозрачайший летний полдень, такой прозрачный, каких в природе, наверное, вообще не бывает. По крайней мере, неповторимый в своем роде. Я снова был мальчиком, таким же, как мой Александр, но в глубине души, то есть внутри себя, как это бывает во сне, знал, что я взрослый. Во мне, ребенке, как бы сидел теперешний я – со всем моим теперешним опытом, знаниями и судьбой. Уже одно то, что я снова превратился в ребенка, было величайшим чудом. Я как бы возродился в какой-то другой, новой жизни. Причем, как и бывает в детстве, с ощущением несомненного своего бессмертия. Но было еще одно чудо. Кажется, люди вообще не придумали чудес более впечатляющих и великих, чем эти два. Это, наверное, и невозможно... Второе чудо было – моя способность летать. Я огляделся вокруг и увидел зеленую лужайку, веселые зеленые дубы. В душе моей бурлило неудержимое веселье. Я смеялся, резвился, дурачился вместе с другими детьми, среди которых более или менее отчетливо удалось рассмотреть лишь моего Александра. Раз за разом я подпрыгивал все выше и выше, и наконец ощутил тот блаженный миг, когда полет затянулся дольше обычного, и я достиг той грани, за которой уже начиналось парение. Более того, я сумел удержать в себе ощущение, необходимое для свободного полета, и еще громче засмеялся. «У меня получилось! Это действительно возможно! Это возможно! И не во сне, а наяву!» Я начал быстро подниматься вверх. Зеленая лужайка ушла из-под ног и уплыла вниз. «Кто поднимется выше? Еще выше!.. Еще!..» Я звал за собой других, но они не могли поспеть за мной. «Что же ты, мой милый Александр, учись, пока я жив!» Мимо и вниз плыли полные листьев ветви, зелень плескалась

в воздухе, а я очень быстро летел вверх. Нет, Александр меня не слышал. И никто слышал. Они не захотели последовать за мной, не послушались, а может быть предпочли остаться и резвиться на той зеленой лужайке под дубами... Очень скоро я оказался на огромной высоте, и мне захотелось окинуть взглядом прекрасную землю. Отсюда, с этой высоты я должен был увидеть всю Москву, поскольку с самого начала я знал, что хоть мы и резвимся на природе, но находимся где-то совсем неподалеку от нее. Даже с высокого берега в Деревне в ясный день можно было легко рассмотреть ее величественные очертания – как будто поднявшиеся среди лесных просторов сверкающие пирамиды. Но... Москвы не было, и у меня сжалось сердце. Вокруг, сколько достигал взгляд, лежала прекрасная, но абсолютно девственная природа. Москвы не было не потому, что я перенесся куда-то за сотни и тысячи километров от нее. Ее вообще не существовало. Она осталась там – в моем еще не осуществившемся будущем. Как и вся моя не прожитая жизнь... И вот тут сквозь сверкающую белизну дня, словно муаровая чернота ночи, проступила невыразимая печаль этого сна: я вдруг понял, вернее, начал смутно догадываться, что, может быть, не только будущего, но даже настоящего уже не существует.

Я проснулся около полудня и первым делом взглянул в окно. Ни луны, ни солнца там уже не было. Все небо затянуло серой, непроницаемой пеленой. Стало быть, погода помягчела, мороз спал. О празднике теперь напоминал только шум в голове. Некоторое время я просто лежал и мечтал. Я пришел к выводу, что моя мечта – это, скорее всего, моя последняя мечта. Вернее, последняя надежда. Что-то вроде «и может быть, на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной». Правда, иногда мне казалось, что это лишь плод моего воображения, что оснований для надежд нет никаких... Потом мне подумалось о том, что да, я всегда заглядывался на красивых женщин, и не только на красивых, а некоторых из них даже очень желал. Я и Маму, пожалуй, если честно, желал до сих пор как женщину, и то, что теперь она была нашей лучшей подругой, даже придавало желанию особый аромат. Но, как это ни удивительно, я никогда не изменял Наташе, хотя бывали случаи, и довольно часто, когда я просто-таки рвался ей изменить, как будто эта измена должна была переменить мою жизнь. В кризисных ситуациях мысль об «улыбке прощальной» давно меня грела. Но, увы, в эти моменты, как известно, даже самые обаятельные мужчины почему-то начинают выглядеть нестерпимо убого, и даже наиболее изголодавшиеся женщины шарахаются от них как от зачумленных. В общем, не изменял я ей...

Наташа проснулась. Мы сидели в постели и рассматривали подарки. Дверь в смежную комнату была распахнута настежь: Александр проснулся значительно раньше нас и, конечно, убежал к детям.

– Ты только посмотри, какая прелесть! – говорила Наташа, вновь демонстрируя мне новые серьги и перстень с красными кораллами.

Она нежилась в постели, льнула ко мне, как самый близкий и самый родной человек. В такие моменты я страдал от душевной раздвоенности и особенно мучился сомнениями насчет «прощальной улыбки», а ведь с некоторых пор только в этой утешительной мысли я находил душевное успокоение.

– А что у тебя? – полюбопытствовала Наташа.

Я потянулся к брюкам, перекинутым через спинку стула, вынул из них палисандровую табакерку и протянул ее жене.

– Надо же, какая забавная табакерочка! – воскликнула Наташа. – Жалко, чтобы ты держал в нее свой табак! Из нее вышла бы чудесная шкатулка для всякой мелочи...

Я молча протянул ей табакерку.

– Что ты, что ты, – слабо запротестовала Наташа, – это же подарок! Мама меня за это отругает. Скажет, что я веду себя, как девчонка.

– Ничего, – благородно успокоил ее я. – Я привык к моей старой.

Если ей так нравится, пусть хранит свои ценности в табакерке. Женщины все равно что папуасы.

– А ко мне ты тоже привык, как к своей табакерке? – как бы между прочим осведомилась она, рассматривая табакерку.

Станный, все-таки у женщин ход мыслей! Вряд ли в ее вопросе заключались ревность или кокетство. Вряд ли ей вообще был нужен мой ответ. Не зная, что сказать, я поцеловал ее в щеку. Ей, я думаю, уже не терпелось лететь к Маме, чтобы излить благодарность и обсудить подарки. Подруги, конечно, обнимутся и начнут целоваться. Они и впрямь были как сестры.

Наташа попыталась открыть табакерку, но притертая крышка не поддавалась. Я терпеливо ждал. Сосредоточенно наморщив лоб, Наташа повертела коробочку в руках, а затем сунула ее мне.

– По-моему, я сегодня неплохо выгляжу, – сказала она, подходя к зеркалу.

Я открыл табакерку. Там, естественно, должно было быть пусто. Однако из табакерки вывалилась какая-то бумажка. Я механически развернул ее. Это оказалась записка.

«Я тебя люблю», – сообщалось в записке.

Меня обдало жаром. Я зажал записку в кулаке.

И ведь что существенно, это была моя собственная записочка!.. Да-да, именно моя! Вот когда я действительно раскаялся... .. На предновогоднем балу в Москве в момент всеобщей сутолоки и столпотворения среди маскарадных зайчиков, белочек, незнакомок в дымчатых вуальках, испанских грандов в перьях и русских гусар в шпорах и с аксельбантами я незаметно сунул записку в сумочку Майе. Но я не сомневался, что у нее не было никакой возможности вычислить, кто это сделал. Это мог быть кто угодно. Например, кто-нибудь из детей. Кто-нибудь из гостей. Господи, да кто угодно... Глупее ничего нельзя было придумать, но, ободренный мыслью о безнаказанности, я сделал это. Зачем, спрашивается? Я ни на что не надеялся. На что мне было надеяться? Это абсолютно ничего не меняло и ничего не решало. Поступок тихопомешанного, безобидного идиота. Что-то вроде старомодного послания к прекрасной, но вымышленной даме сердца. Эдакое обращение в пустоту, в вакуум. Просто в космос. К Господу Богу... Но вот, однако, из этих призрачных сфер пришел ответ. И все обрело четкие материальные контуры. Я, что называется, «засветился». Другое дело, что означал этот ответ, это возвращение мне моей же собственной записки... Меня вычислили. Ощущение было приблизительно такое, как во сне, когда вдруг оказываешься на публике без штанов... Как теперь насчет ощущения счастья, а?

– Ну, что Серж? – послышался голос Наташи.

Я рассеянно посмотрел на жену. Любуясь сережками, она поворачивалась к зеркалу то одним, то другим ухом. Я не сразу сообразил, что она имеет в виду табакерку. Я протянул ее ей, а записку, естественно, зажал в кулаке.

Итак, мечта, которую я никогда не формулировал буквально, теперь предстала предомной, так сказать, во всей своей незамысловатой наготе. Теперь уж не удастся тешить себя ею как неопределенной фантазией. Я представил себе ситуацию лаконично и просто – в ее счастливом логическом завершении: Майя прочла записку, ответила взаимностью, мы живем душа в душу в ее чудесных московских апартаментах в Западном Луче, и я вновь погружен в свой новый проект...

Наташин голос вернул меня на землю.

– С виду никогда не подумаешь, что это табакерка. Шкатулка и шкатулка. Кто их вообще сейчас видел – эти табакерки? Это ты, Серж, с такими странностями: табак нюхаешь! Между нами, посторонние могут решить, что ты чего другое нюхаешь. Да и нос от этого как краснеет. Лучше бы уж трубку курил, как доктор. Это тебе гораздо больше пойдет.

– Но дым противный, а табак ароматный, – возразил я. – Нюхать табак совсем другое дело. Прекрасный запах, особенно после обеда.

– Если бы ты себя со стороны видел. И еще эта твоя вечная блаженная улыбочка. Представь себе, даже Альга это заметила, а она свежий человек...

– Что она заметила? – удивился я.

– Твою улыбку. Она сказала: «Какая у него всегда хорошая улыбка».

– Вот видишь. У меня хорошая улыбка.

– Что видишь? Не могла же она сказать впрямую. Вот и выразилась поделикатнее – «хорошая».

– Почему? — снова не понял я.

– Ну вот, опять строишь из себя блаженного, – сказала Наташа, теряя терпение. – А может быть, всех презираешь?

– Что, что?! – изумился я.

– Такая у тебя по крайней мере улыбка. Как будто ты погружен в обдумывание очередного эпохального проекта, а все остальные только зря копят землю.

– Ничего подобного!

– Конечно, у тебя все обыватели, и ты их презираешь.

Я их презираю! Какая чушь! Можно ли было придумать что-нибудь более несусветное?..

Но в этот момент я почувствовал зажатые в кулаке «я тебя люблю», и надобность что-либо объяснять или доказывать сразу отпала. Я поднялся с постели и начал одеваться, а с женой решил действовать методом простого переключения внимания.

– Действительно, – сказал я, – табакерка скорее похожа изящную шкатулку. Что если использовать ее для твоих новых серег и перстня?

– А брошка? – тут же подхватила Наташа. – Она же в нее не влезет. Ты уж лучше не вмешивайся, Серж. Когда ты начинаешь во все вмешиваться, пропадает всякое настроение. Лучше уж витай себе в облаках, философствуй, мечтай о своем.

Если бы она знала, о чем именно я мечтал!..

После позднего завтрака в обществе Наташи, Мамы, Папы, горбатого доктора, батюшки Алексея с попадьей, профессора Белокурова, Наума Голицына, а также наших старичков (остальные либо еще спали, либо уже позавтракали) я уединился в зимней оранжерее под волосятой пальмой и сквозь заиндеветые стекла смотрел, как на улице падает редкий снег.

Глупую записку я уже успел порвать и зарыть в искусственный грунт под пальмой. Меня слегка знобило. Мне нужно было решить один важный вопрос. Что означало возвращение «я тебя люблю»? Господи, как я жалел о своем легкомысленном поступке! Кого я хотел обмануть?! Черт меня дернул, не иначе.

Это действительно был верх глупости. Мне хотелось всего лишь взглянуть на ее реакцию, когда она раскроет сумочку и увидит записку. Но сумочку она при мне так и не раскрыла, а немного погодя и вовсе явилась без сумочки. В общем, я был в полной уверенности, что история с запиской никакого продолжения иметь не будет. Когда кортеж направлялся за город, я не заметил в поведении девушки абсолютно ничего, что указывало бы на то, что я раскрыт. Ну да, она ведь дала мне это понять, вернув записку... Мне вполне было достаточно одной мечты. Так по крайней мере мне казалось. А теперь нужно было ожидать продолжения...

Записка возвращена. Что дальше? Разве непонятно? Старый ты дурак, Серж, вот что дальше... Почему это я старый? Дурак, может быть, но не такой уж и старый, а в самом, что называется, соку. Всего-то тридцать девять лет. По театральным меркам могу еще и Гамлета играть, и Дон Жуана. И бедолагу Поприщина. Вот уж точно моя роль... Стоп, стоп! Прежде всего надо истолковать происшедшее. Она вернула мне записку, а это может означать одно из двух: либо «вот тебе твоя дурацкая записка и будем считать, что ты не делал этой глупости», либо возвращенная записка это оригинальное ответное послание, содержание которого нужно понимать буквально «я тебя люблю», т.е. *тоже* люблю... Прямо скажем, два диаметрально противоположных варианта... А что если она кому-нибудь об этом расскажет?

Дальнейшие мои размышления были прерваны, иначе, я бы додумался еще и не до того.
– Серж, ты идешь на лыжах? – послышался бодрый и свежий голосок Майи. – Снег прекрасный.

Я так и подскочил с плетеного кресла-качалки. Майя и Альга появились под ручки в дверях оранжереи, в облегающих лыжных костюмах и пестрых кепочках. Солнце и Луна. Чтобы попасть во флигель, где хранился лыжный инвентарь, нужно было пройти через оранжерею.

– А кто идет? – пробормотал я.

– Разве тебе еще кто-то нужен? – дружно рассмеялись девушки.

– Мы все идем, – сказала появившаяся следом за ними Мама.

– Пожалуйста, побыстрее переодевайся, – добавила шедшая за Мамой Наташа.

– Иду, – сказал я.

– Я бы тоже пошел, – сказал оказавшийся тут же дядя Володя, – но ребяташки что-то забастовали, хотят остаться дома. Присмотрю за ними.

– Да уж, Володенька, – сказала Мама, – присмотри.

Возвращаясь в нашу комнату, я столкнулся в коридоре с Александром.

– Неженка, – обхватив его за плечи, сказал я, – давай-ка с нами на лыжах!

– Нет, папочка, – серьезно ответил мальчик, – у нас дела. Я только зашел за Братцем Кроликом. Мы останемся дома.

– Ну и зря. На улице потеплело, и, говорят, снег прекрасный.

– У нас дела, папочка, – повторил он.

Дела так дела, я спорить не стал, быстро натянул лыжный костюм и побежал догонять компанию, но наткнулся на Папу, который придирчиво осматривал свои ботинки, лыжи и крепления.

– Кстати, – промолвил он, – зайти после обеда ко мне. Есть разговор.

– Какой разговор?

– Об этом после обеда.

– Ну хорошо, – кивнул я.

Мы отправились на горку.

Папа всегда дружил со спортом. У себя в Деревне он первым делом заложил крытый теннисный корт, атлетический зал с сауной и бассейн. Потом вблизи Москва-реки разбили площадку для городков, а также насыпали крутой холм с изошренной трассой для горных лыж и построили удобный подъемник. Вкупе с хорошо организованной рыбалкой и охотой это входило в добротный джентльменский набор развлечений – летних и зимних. Мама от него не отставала: прекрасно стояла на лыжах, метко стреляла и умело управлялась с удочкой, а в чем-то даже опережала Папу, например, по собственному почину занялась верховой ездой, гольфом и дельтапланеризмом. Старалась приобщить детей и нас с Наташей.

Под горкой чинно прогуливались наши старички. Тут же стоял стол с кипящим самоваром. Мы с Папой улыбнулись, глядя, как вдовый дедушка Филипп вливает в горячий чай ямайский ром и бойко ухаживает за старушками.

– Может, попробуешь на лыжах, батя? – предложил Папа родителю.

– И попробую, – запетушился старичок. – Думаешь, Папа, ты один у нас такой крутой?

Я вспрыгнул на подножку проплывающего мимо подъемника и поехал вверх. Мимо по склону пронесли на лыжах Майя и Альга, а за ними «медсестра» и даже горбатый доктор с трубкой в зубах. Наташа уже была внизу у самой реки и сигналила мне поднятыми скрещенными палками. Как жаль, что дети остались дома!

Пока я поднимался на гору, мне пришло в голову, что если Майя вдруг заведет со мной разговор о записке или, того больше, начнет подтрунивать надо мной в присутствии Альги я легко смогу обернуть все в шутку. Разве такая прекрасная девушка не достойна всяческой любви? Достойна. Вот, значит, желая поинтриговать, я и констатировал эту очевидность на

правах старинного знакомого, который ее еще ребенком на руках носил и т.д. и т.п. Однако, все, в том числе Майя, были увлечены лишь спусками и подъемами. Лишь Папа, как обычно, то и дело отъезжал в сторонку, брал из рук прохлаждавшегося под елкой человека мобильный телефон и вел свои всегдашние переговоры. Старички, естественно, наблюдали. Я поглядывал в сторону девушек, но те обращали на меня внимание лишь тогда, когда мне случалось кубарем катиться вниз, да и то не всегда. Примерно через час я изрядно вывалялся в снегу, устал и уже посматривал на стол с закусками. Внизу, под горой, Майя оказалась рядом. Она легко вспрыгнула на сидение подъемника, а я, забыв про усталость, машинально скакнул на следующее.

Мы медленно потащились вверх, болтая ногами с лыжи, и, улыбаясь, смотрели друг другу в глаза. Взгляд ее показался мне таким спокойным, приветливым и естественным, полным хрустальной голубизны, что случай с запиской стал казаться вообще не существовавшим. Жаль, что я порвал записку. Можно было бы снова подsunуть ее. Например, вложить в рукавицу. Это было бы забавно – своеобразная игра-диалог.

Но когда мы вдвоем оказались на вершине холма, играть во что бы то ни было мне расхотелось. Мы уже не смотрели друг другу в глаза. Мы молчали. И улыбка на ее губах едва-едва виднелась. Я чувствовал, что между нами что-то происходит. Возможно, это только мне так казалось. Но девушка почему-то медлила съезжать с горы.

– Теперь у тебя в Москве собственные апартаменты, – сказал я, лишь бы не молчать.

Она пожалала плечами. Потом сняла кепочку и, встряхнув белокурыми волосами, снова надела.

– Можно зайти к тебе в гости? – спросил я.

– Конечно, – почти с удивлением ответила она.

– Прямо завтра?

– Да, – выдохнула она и, оттолкнувшись палками, полетела вниз.

– Как самочувствие? – поинтересовался у меня доктор. Он выгрузился на вершину холма с подругой «медсестрой», которая тут же полетела следом за Майей.

– Кажется, пора сушить лыжи, – сказал я, взяв понюшку табаку. – Разве за ними угонишься.

– А ну попробуем! – предложил доктор, выпуская из трубки пышные клубы табачного дыма, и задористо подтолкнул меня плечом.

Хороший мужик наш доктор, подумалось мне, и мы вместе погнались за девушками.

Девушек мы не догнали, но зато подрулили к столу, где как раз появился свежий самовар и блюдо с горячими булками.

Доктор взял меня за руку.

– Прекрасный пульс, – сказал он. – Как насчет чая с ромом?

– Поменьше чая, побольше рома! – улыбнулся я.

Доктор тоже улыбнулся.

Тут я вспомнил, что жена говорила о моем обыкновении к месту и не к месту улыбаться, и решил следить за собой, чтобы улыбаться не так часто, дабы, чего доброго, и в самом деле не производить на людей соответствующего впечатления.

Мы воткнули в снег лыжи и палки и взяли чашки с чаем. Прихлебывая, мы смотрели на Папу, который в очередной раз вел переговоры по своему мобильному телефону.

– По-моему, наш Папа становится немного мизантропом, – ни с того, ни с сего сказал доктор. – Как-то неадекватно себя ведет.

– Значит, и ты заметил, доктор? – покачал я головой.

– Как же тут не заметить. Портится у него характеришка, портится.

– Специфика работы. Ничего не поделаешь.

– Почему же не поделаешь? – оживился доктор. – Во всякой области есть свои специалисты.

И к чему он это сказал, удивился я про себя. Что за странная фраза? Мне сделалось как-то неловко, и, не зная, что сказать, я стал смущенно отламывать от булочки кусочки и кидать их в рот.

– Говорят, с ним вообще стало очень трудно договариваться, – продолжал доктор. – Эдак он нам всем жизнь осложнит.

Я все еще не понимал, к чему он клонит.

– Может быть, у тебя другое мнение? – спросил доктор.

Я не знал, что сказать.

– Говорят, он устраивает для нее, – указал он бородой в сторону Альги, – особые апартаменты на самом пике Москвы. Ты не знал? Да-да, специально для нее, для Альги!

– Нет, не знал, – пробормотал я. – И что с того?

– Нет, конечно, ничего особенного. Только за Маму обидно. Нехорошо. Она такая добрая, заботливая, человечная. Столько для всех нас сделала. Мы ее все любим, верно?

– Ну так ты скажи ему об этом, – предложил я. – Покритикуй. Постыди, что ли.

– Сам критикуй, – усмехнулся доктор. – И стыди.

– Кажется, у него это не впервые, – пожал я плечами. – Я имею в виду его прежние увлечения, – и простодушно добавил, – тебе-то, кажется, не трудно его понять

Доктор от души расхохотался.

– Ну, – проговорил он, давясь смехом, – если говорить обо мне, то я, как тебе известно, общаюсь лишь медсестрами. К тому же не обманываю Маму.

– Что же, ему тоже только с медсестрами общаться?

Доктор развеселился еще пуще, но потом в одну секунду посерьезнел. Он взял меня под руку и отвел подальше от стола, вокруг которого стали собираться наши старички.

– Знаешь, – уже совершенно серьезно продолжал он, – некоторые самолюбивые мужчины, достигая определенного возраста и положения, иногда склонны, что называется, заикливаться на особого рода сверхценных идеях.

– Каких еще идеях? – все больше удивляясь обороту нашего разговора, воскликнул я.

– Господи, Серж, ты настоящий ребенок. Ну конечно, ты весь в своих эпохальных проектах, вынашиваешь разумное, доброе, вечное...

– Ничего я не вынашиваю.

– Как не вынашиваешь? Конечно, вынашиваешь. Того и гляди снова удивишь нас чем-нибудь грандиозным. Тебе, конечно, невдомек, о чем я толкую.

–Что-то я никак тебя не пойму, доктор.

– Ну как же, – даже загорячился он, – это явление довольно распространенное. Достигая определенной высоты, люди вдруг ловят себя на мысли, а не сменить ли полностью прежнее все окружение, образ жизни, даже жену.

– Мне кажется, – искренне вздохнул я, – у каждого мужчины время от времени возникают подобные мысли.

– Да что ты! Вот бы никогда не подумал... – доктор выплеснул остатки чая на снег и пошел поставить чашку на стол. – Но Папа все-таки – совсем другое дело, – сказал он, вернувшись.

– Так ты думаешь, он хочет оставить Маму? – тупо спросил я.

– Это бы еще полбеды. Как говорится, есть мнение, что, двигаясь в этом направлении, Папа способен и на более радикальные шаги.

– То есть?

– То есть вообще сменить караул. Поэтому он теперь и приглядывается не только к своим сотрудникам, но и ко всем нам: кого оставить, а кого, так сказать, за борт... Но, скорее всего – всех за борт. Конечно, и себе навредит этим. И не просто навредит – может все потерять. Но уж если его понесло в этом направлении...

– Я и не знал, что ты такой изошренный аналитик.

Кажется, я понял, что имел в виду доктор, но к чему он все-таки вел, для чего говорил все это именно мне?

– Я говорю лишь о том, что лежит на поверхности, – махнул рукой доктор. – Другие смотрят гораздо глубже.

– Другие? Какие другие? Куда смотрят?

Он неопределенно покачал головой.

– Вообще люди. Люди, которые смотрят в будущее.

– А-а... – протянул я.

– Кстати, мой милый, тебе известно, кто такая эта Альга? – неожиданно спросил он.

– Как это кто? Подруга нашей Майи.

Доктор притянул меня к себе и, словно сообщая большую тайну, прошептал:

– Представь себе, Серж, что нет. То есть она, может быть, и подруга, но не только. Альга – та самая женщина, чье появление не случайно. Именно она должна подтолкнуть Папу к фатальному решению. В этом и заключается ее миссия. Все тщательно спланировано. Понял теперь?

– А Папа в курсе? – тоже шепотом спросил я.

– Конечно. В том-то и проблема, что он все знает и все понимает. И сознательно идет на это. Может быть, это ему даже нравится. Ощущение охоты, опасности. Притом такая чудесная девушка. Он принял эту игру, захвачен ее азартом. Прямо-таки камикадзе какой-то... Поэтому, – тут он нацелил в пространство указательный палец, а большим и средним пальцами произвел щелчок, – у него могут выйти очень большие неприятности. Причем в самый не подходящий для всех нас момент.

– И Мама знает?

– Конечно. Все знают.

– А я не знал...

– Так то ты!

– Надо же, – пробормотал я, – такая милая девушка...

– О да, конечно, милая! Очень милая. Просто великолепная девушка.

Я оторопело уставился на него, а он похлопал меня по плечу и со словами «Да, дружок, просто великолепная девушка» подхватил лыжи и направился к подъемнику.

– Подожди, доктор, – нагнал я его. – Твое какое мнение? Какой из всего этого следует вывод?

– Относительно чего?

– Относительно этого самого? – Я щелкнул пальцами, повторив его жест.

– Очень простой вывод, Серж, – хмыкнул доктор. – Если этому суждено случиться, то пусть по крайней мере это произойдет в наиболее подходящий момент.

– В наиболее подходящий момент? – изумился я, оторопело глядя на него. – Для кого подходящий?

– Для всех нас, – лаконично сказал доктор, подсаживаясь на сиденье подъемника вслед за своей раздумавшейся от морозца медсестрой.

В голове моей было пусто, словно в орехе, в котором усохла сердцевина. Я чувствовал себя полным дураком. Потом я вспомнил, что после обеда Папа хотел со мной поговорить, и решил немедленно рассказать ему о моем разговоре с доктором. Станный и грязновато двусмысленный вышел разговор у нас с доктором. Станным был намек на некий «подходящий момент». Более чем странным – жест со щелчком. Но особенно неприятный осадок остался у меня из-за двусмысленности моей собственной позиции. Выходило так, что я как бы согласился со всем, что говорил доктор, хотя, на самом деле, говорил он явно что-то не то. Мне не хотелось влезать в интриги, которые, словно змеи, вились вокруг Папы и от яда которых, стра-

дал не он один – главным образом, доброжелатели, желающие извлечь из этого дела выгоду. Если бы я услышал подобное от кого другого, тогда понятно. Но наш добрый горбатый доктор!

В самой ситуации не было ничего сверхъестественного. Время от времени предпринимались попытки вырыть для Папы яму поглубже. Различными способами. Одних покушений на него было совершено сотни три, не меньше. Но, честно говоря, у меня никогда не было оснований беспокоиться за Папу, так как у него имелись свои меры противодействия. И весьма эффективные – Папины недруги несли потери, которые не трудно вычислить, исходя из простого закона равенства сил действия и противодействия. Не стану утверждать, что Папа брел по колено в крови, но по щиколотку – это точно. У меня и в мыслях не было морализировать по этому поводу. Куда более скромные капиталы заляпаны грязью и кровью – вольно или невольно, фигурально или буквально. Я не так уж витаю в облаках. Кое-что понимаю.

– Я устала и замерзла, – подъехала ко мне Наташа.

– Выпей чаю с ромом.

– Скоро обед, а мне еще нужно привести себя в порядок.

Я покорно поднял на плечо ее лыжи, а свои взял под мышку, и мы направились к дому.

– Тебе тоже известно насчет миссии Альги? – вполголоса спросил я у жены, желая удостовериться, действительно ли все, кроме меня, уже в курсе ситуации.

– Само собой, – кивнула Наташа.

– А как же Мама? Что она?

– Проснулся! – усмехнулась жена. – С каких это пор тебя стали интересовать чужие романы?

– Доктор говорит, что Папа себя не контролирует, и дело может кончиться плохо.

– Очень умный наш доктор! Впрочем, вы, мужчины, никогда не в состоянии себя контролировать. Поэтому, – насмешливо прибавила Наташа, – о том, чтобы вы себя контролировали, приходится заботиться нам, женщинам.

Мне трудно было что либо возразить. Да и ни к чему. В представлении моей жены человечество распалось на две антагонистические половины: «вы мужчины» и «мы женщины». Тут, безусловно, прослеживалось влияние Мама, которая с некоторых пор помогала ей «наверстывать упущенное», чтобы «пожить немножко для себя». Теперь у Наташи постоянно проскальзывали оговорки, вроде «нам женщинам» или «мне как женщине». Психоанализ толкует подобные оговорки однозначно. Это оговорки женщин, у которых есть серьезные сомнения в собственной женственности. Это все равно, как если бы я навязчиво твердил: «я мужчина» или «мне как мужчине». Увы, в таких случаях выводы психоанализа ими (то есть женщинами) упорно игнорируются – что, в свою очередь, лишь подтверждает выводы, относительно женской психологии... Ну да Бог с ней совсем, с психологией.

В настоящий момент меня больше интересовало, действительно ли Папа способен ради изумрудноглазой девушки на некие «радикальные шаги».

– Мало ли, на что он способен, – отрезала Наташа, когда я ее об этом спросил, – последнее слово все равно останется за Мамой!

– Ты так думаешь?

– Тут и думать нечего.

Поразмыслив, я решил, что так, пожалуй, оно и есть.

Мы с Наташей первыми вернулись с прогулки и, пройдя к нашим гостевым комнатам, обнаружили, что наша дверь заперта изнутри. Я несколько раз дернул за ручку.

– Александр, ты здесь? – застучала в дверь Наташа.

– Чего это ты там заперся? – удивился я.

После долгой паузы мы услышали голос сына:

– Это вы?

– Мы. А кто же еще.

Прошло еще с полминуты, прежде чем он открыл. Он сразу развернулся и поспешно отправился в свою комнату, но я сразу заметил, что что-то не так. На его бледных щеках атели пятна, а глаза сверкали.

Наташа первым делом сбросила лыжный костюм, направилась к трюмо, где лежала ее косметика, и принялась приводить себя в порядок. Я же отправился следом за Александром. Он прилег на кровать, повернувшись ко мне спиной, в обнимку со своим Братцем Кроликом, словно хотел его от меня спрятать.

– Что там у вас случилось, Александр? – послышался из соседней комнаты Наташи. Было понятно, что она растянула губы и красит их помадой.

Я сел к сыну на кровать и молчал. Александр сопел, но тоже молчал. Было слышно, как Наташа перебирает коробочки с пудрой, тушью, кремом. Наконец Александр повернулся ко мне и, по-прежнему не говоря ни слова, показал Братца Кролика. У симпатичной мягкой игрушки не доставало правого уха. Оно было вырвано с корнем и лежало рядом на подушке.

– Ну это поправимо, – сказал я. – Попросим маму, она пришьет так, что и заметно не будет. «Какой он еще малыш, наш милый Александр!» – подумал я с нежностью.

Мы еще помолчали.

Я взглянул в окно и увидел, что компания ребят с Косточкой во главе высыпала на улицу и направляется на горку. Почему Александр не пошел с ними?

– Я не дал им его убить! – вдруг сказал мальчик звенящим шепотом.

– Ты что, Александр? О чем ты говоришь?

– И не дам! Ни за что не дам! – сказал он и упал лицом в подушку.

Сколько я не пытался его расшевелить, заставить рассказать, что произошло, мальчик упорно молчал.

– Что случилось, милый? – спросила Наташа, подсаживаясь к нам и ласково проводя ладонью по острым лопаткам сына.

– Поедем домой! Я хочу домой! – прошептал Александр, едва сдерживая слезы.

– Но сейчас мы будем все вместе обедать, милый, – сказала Наташа. – Вечером опять будет много вкусного. Потом ты еще поиграешь с друзьями. А завтра поедем.

– Нет! Поедем сейчас! – требовал он.

Жена сделала мне знак, чтобы я вышел, и принялась успокаивать сына.

Я шел по пустынному коридору первого этажа. По коридору слонялись мастино. Флегматичные и толстомясые. Пару лет назад Мама взяла щенков на забаву ребятишкам, теперь они выросли, разжирели и в вразвалочку слонялись между гостями, путаясь под ногами и тычась тяжелыми мордами между ног и в ягодицы. Полированные дубовые двери по обеим сторонам, белоснежные фарфоровые пепельницы, на стенах, отделанных дубовыми же панелями, старинные барометры, астролябии, компасы и хронометры. В узких нишах плоские аквариумы с экзотическими морскими рыбками, гадами и водорослями. Золоченые дверные ручки сверкали, словно на «Наутилусе» или в первом классе «Титаника». Красные ковры гасили звук моих шагов. Интерьер особняка был плодом собственных Папиных фантазий. В непосредственной близости от зимнего сада имелся еще и флигель, обставленный точь-в-точь, как охотничий домик авиатора Геринга, т.е. с тирольскими сувенирами, охотничьими трофеями – чучелами и головами медведей и оленей, убитых, слава Богу, не Папой, у которого на такие чудачества просто не хватало времени. Этот флигель Папа занимал единолично, здесь у него располагался «деревенский» офис.

Из окна я увидел, как Папа заходит в него в сопровождении дяди Володи, на котором снова были шуба Деда Мороза и растрепанная белая борода, и который, как мне показалось, находился в чрезвычайном возбуждении, забегая то справа, то слева, как будто что-то объяснял или докладывал на ходу.

Я вошел в гостиную, где вчера мы веселились около елки, и был сражен варварской картиной. Зловещая гора черепов на известном полотне Верещагина, под елкой были грудой свалены детские игрушки. Те самые, которые вчера ребята получили в подарок от Деда Мороза. И все они были самым зверским образом разбиты, разорваны, расчленены.

Сверху лежали отсеченные головы Русалочки, Розового Слона, Медведя, куклы-невесты и Робота. Словом, всех тех персонажей, за которых с таким жаром молился прошлой ночью мой Александр. Рядом валялись обломки игрушечного оружия и раздавленные каблуками солдатики, еще недавно такие изящные. Елочные игрушки на ветках тоже оказались методично изничтожены: стеклянные шары разбиты, вместо них болтались зазубренные огрызки, а серебряная и золотая мишура разодрана в клочья.

– Господи Боже ты мой! – пробормотал я, не веря собственным глазам.

Ничего не соображая, я вышел из гостиной. Навстречу мне, показался понурый маленький силач Алеша, сынок Толи Головина. Его лицо совершенно расплылось, опухло от слез. Я хотел его остановить, но, едва увидев меня, мальчик опрометью бросился по направлению к оранжерее и исчез. Минуту-другую я собирался с мыслями, а затем сообразил, по какой такой надобности дядя Володя прибежал к Папе и о чем так торопливо ему докладывал. Я тоже поспешил во флигель. Пробегая по двору, я заметил, что компания ребятшек уже на горе, а Алеша, с которым я только что столкнулся в коридоре, уже догоняет остальных.

В дверях флигеля мне заступил дорогу охранник.

– Вам назначено после обеда, – сказал он, корректно выталкивая меня на улицу.

– Да я на минуту!

– Папа сейчас занят.

– По важному делу!

– Занят.

И дверь захлопнулась перед самым моим носом.

– Идиот, – плюнув с досады, проворчал я и полез в карман за табакеркой.

Впрочем, подобное обхождение было у нас в обычае. Папа давно потерял ощущение реальности: для него вообще не существовало никакой разницы, где он находится – у себя ли на фирме или в кругу семьи. Если бы не Мама, он бы, наверное, и орал бы на нас, как у себя в московском офисе на своих «медоносных пчелок»—сотрудников: «Тупицы! Бездари! Лентяи!..»

Потоптавшись перед крыльечком, я собрался уходить, но из флигеля вышел дядя Володя.

– Теперь, конечно, совсем другое дело, – заговорил он со мной, словно мы с ним до сей минуты не переставая болтали. – Нет худа без добра. Сегодняшнее происшествие послужит всем нам хорошим уроком. Дети – особые существа, они живут в своем необыкновенном, сложном мире...

– Но зачем они это сделали? – воскликнул я.

– Естественно, в знак протеста, – с готовностью объяснил дядя Володя.

Мы вместе пошли к особняку.

– Какого еще протеста?

– Ну как же, они заявили этим, что не желают, чтобы с ними обращались, как с малышами. Они хотят чувствовать себя взрослыми. Это так естественно.

– Что ты заладил: естественно, естественно! Ты все видел, да, Володенька? Ты был там и ничего не предпринял, чтобы помешать этому вандализму?

– Во-первых, у меня не было полномочий, – начал обстоятельно объяснять «друг детей», – А во-вторых, я и не мог помешать, потому что был заперт в кладовке...

Он рассказал, как было дело. Когда он остался с детьми один в доме, они попросили его снова нарядиться Дедом Морозом. Конечно, он подозревал, что они что-то замышляют, но как говорится не сумел удержать ситуацию под контролем опять же из-за отсутствия соответству-

ющих полномочий, которые ему мог дать только сам Папа, а Папа всегда говорил, что дети достаточно взрослые, чтобы отвечать за свои поступки. В общем, дядя Володя отправился в кладовку за костюмом Деда Мороза и там его вероломным образом заперли. В конце концов ему удалось выбраться через узкое окошко, но дело уже было сделано. Когда он вернулся в гостиную, то увидел, что ему даже приготовили мешок. «Забирай свой хлам, Дедушка Мороз и больше к нам не приходи!»

– В голове не укладывается! – вздохнул я. – Неужели они действительно это сделали?! Неужели им не было жалко уничтожать такие прекрасные игрушки?!

– Пойми, Серж. Так они договорись, – серьезно сказал дядя Володя. – Это ведь тоже вроде игры со своими правилами. А правила они соблюдают. Не то что взрослые. Половина из них при экзекуции, конечно, отчаянно рыдала. А твой Александр вообще сбежал, прихватив своего Кролика. Я слышал, как они за ним гнались. Я им просто восхищаюсь! Твой сын оказался таким мужественным мальчиком!

– И верховодил у них Косточка... – дошло до меня. – Правильно? И, конечно, не обошлось там без подаренного Косточке непальского ножа.

– Увы, – вздохнул дядя Володя. – Очень самолюбивый мальчик. Я еще вчера начал подозревать, что он задумал что-то в этом роде. Но и другие хороши. Яша и Ваня, например, тоже очень отчаянные.

– Что же это, – проговорил я, – теперь, наверное, Папа в ярости. Он его приберет!

– Уже нет. Я принял на себя первый удар, – с гордостью сказал дядя Володя. – Уж как он ругался на меня, как ругался! Я и тупой, я и идиот, я и ничтожество. Пусть ругается. Он как выругается, так потом у него и понимания сразу больше и деловой разговор завести позволит. Кроме того, он ведь сам всегда разрешал Косточке делать все, что тот пожелает. Стало быть, чувствует, что не во всем прав. Он еще перед Новым годом начал прислушиваться к моим советам насчет воспитания. А этот эпизод с игрушками, видно, стал для него последней каплей. Игрушки-то ведь немалых денег стоят.

– Значит, у тебя с Папой деловой разговор был? – с усмешкой поинтересовался я. – Насчет воспитания? Ну и что, получил назначение и полномочия?

Но дядя Володя не заметил моей иронии.

– Нет худа без добра, – повторил он. – Назначение я получил и полную Папину поддержку. Теперь, по крайней мере у меня есть четкие полномочия, и для меня большая честь официально принять на себя такое ответственное дело. Я предупреждал, что педагогическое воздействие эффективно лишь в определенных условиях, при четких полномочиях. Детская душа требует особой атмосферы существования. Эксцессы неизбежны, но теперь мы сможем к ним подготовиться, сгладить последствия, принять меры...

На этот раз я хорошо знал, о чем речь.

Он давно ее вынашивал, эту свою идею. И, пожалуй, именно этой увлеченностью был мне глубоко симпатичен, несмотря на то, что самой его идеи я не разделял. А идея заключалась в том, чтобы устроить в заповедной загородной усадьбе специальный пансион для наших ребятишек. Не просто пансион, а этаким полноценный детский рай на природе. Причем самым строгим образом изолированный от всего внешнего мира – Города и Москвы, в частности.

В этом пункте мы с ним в корне расходились. Первоначально в моем проекте Москвы был предусмотрен специальный детский Луч, в котором должны были располагаться все необходимые детские учреждения. Мы часто спорили на этот счет. Я был убежден, что детям необходимо жить в непосредственной близости к реальному миру взрослых. Более того, это должен быть один общий, единый мир с взаимным духовно облагораживающим и воспитательным влиянием, со всеми своими противоречиями и проблемами.

В свое время, не вдаваясь в градостроительные и педагогические теории, Папа решил, что никаких «детских» Лучей в Москве не будет. Он был закоснелый прагматик и на дух не пере-

носил то, что хоть отдаленно походило на «утопию». Он рассматривал Москву исключительно как плацдарм своей деловой империи с мощнейшей инфраструктурой развлечений. Здесь нет места школам и детским садам. В Москве, дескать, и без того хватает проблем, чтобы еще дети путались под ногами. Папа считал, что в Москве мы, взрослые, можем работать и развлекаться, а жить должны в Городе или в Деревне. Все, что касалось детей, быта, вообще семьи, было удалено из Москвы. Увы, он с самого начала не понял общечеловеческой идеи, заложенной в мой архитектурный проект, и воспринял его сугубо потребительски, даже торгашески и политикански. «Скажи спасибо, что он вообще его воспринял», – успокаивала меня тогда Мама.

– Папа обещал, что в самом ближайшем времени сделает все необходимые распоряжения. Он назначил меня координатором, – с гордостью сообщил дядя Володя, когда мы вошли в особняк. – Кстати, – прибавил он, – может быть ты, Серж, возьмешь на себя проектную работу? Кому же поручить ее, как не тебе, нашему Архитектору и почетному гражданину... Но я вижу, Серж, ты скептически настроен?

– Как ты сейчас можешь об этом говорить? Я до сих пор не могу прийти в себя после того, что они сделали с игрушками...

– Не стоит так расстраиваться! Теперь мы устроим для них в Деревне райский уголок. Здесь они действительно почувствуют себя детьми. Мы обезопасим их от дурного влияния. Сегодняшнее происшествие – просто несчастный случай.

– Еще один несчастный случай, Володенька? – покачал головой я. – По-моему, ты зря выгораживаешь его перед Папой.

Я имел в виду Косточку. Дядя Володя замахал на меня руками.

– Это временно, Серж, временно, – смущенно бормотал он. – Все образуется. Главное направить фантазию мальчика в правильное русло.

– А по-моему, Володенька, это явные признаки жестокости и вандализма. Что же касается твоей идеи с пансионом, думаю, другие родители на это не согласятся. Я, например, и мысли не допускаю, чтобы Александр жил не с нами, а где-то в другом месте.

– Почему же? – загорячился дядя Володя. – Вы можете приезжать в Деревню, когда захотите. Здесь природа, красота! Какие-нибудь час-полтора езды. Папа не будет возражать.

– Что еще Мама скажет об этом педагогическом проекте.

– Мама «за». Она давно «за».

– А наши сорванцы? Не думаю, чтобы заточение в твоём «раю» пришлось им по вкусу.

– Здесь будет хорошо, – убеждал он, – очень хорошо!

Мы так и не доспорили. В гостиной уже собралась большая часть родителей.

– Господи Иисусе, – вырвалось в общей тишине у о. Алексея, – помилуй нас грешных!

Понятно все были в шоке. Наши старички отправились пить сердечное. Дядя Володя принялся поспешно складывать в мешок останки игрушек. В этот момент в комнате появились Папа и Мама. Я думаю, они уже успели обсудить происшедшее. Папа окинул нас рассеянным взглядом и тут же удалился, а Мама обратилась к нам со следующим предложением.

– Что сделано, то сделано, – спокойно сказала она. – Пока наши маленькие мерзавцы не вернулись, давайте решим, как на это отреагировать. Если мы начнем возмущаться, кричать, или что еще хуже затеем разбирательство или даже накажем их, они решат, что они добились своего. Лучше уж сделать вид, как будто ничего не произошло. В конце концов это их игрушки. Формально они вправе распоряжаться ими как угодно. Даже разломать. Словом, пусть почувствуют, что навредили только самим себе. Мы должны выдержать характер.

Дядя Володя одобрительно кивал. Мне также показалось, что с педагогической точки зрения это будет логично. В общем, все единодушно согласились. К приходу детей следы вандализма были ликвидированы.

Может быть, мы и выдержали характер, но морального преимущества не ощутили. Все были ужасно угнетены происшедшим. За обедом, несмотря на все усилия Мама, наша непри-

нужденность была натянутой, а разговоры, которые мы пытались затевать, так или иначе скатывались на банальное морализирование. Дети пришли с горки в прекрасном настроении, и многозначительные, полные молчаливого укора взгляды и намеки взрослых были им глубоко безразличны. Похоже, настроение исправилось и у тех из детей, которые, по словам дяди Володи, рыдали во время погрома. Я не заметил и следа печали в глазах силача Алеши, которого встретил зареванным в коридоре. Косточка же был на редкость скромен и подчеркнута сдержан.

Заметил я и другое. Было очевидно, что дети решили устроить диссиденту – моему Александру – что-то вроде бойкота. И это резануло меня, как ножом по сердцу. Александр сидел как в воду опущенный, не поднимая глаз. Мне было за него так обидно, что даже горло перехватило. Но Майя и Альга тактично принялись демонстрировать ему свою солидарность, и он, кажется, немного воспрял духом. А вместе с ним и я. Уж как я был благодарен девушкам – и не передать.

Настроение было непоправимо испорчено, и после обеда большинство засобиралось домой. Первым, и совершенно неожиданно, укатил в Москву сам Папа. Никого, разумеется, не предупредив. Уехал, несмотря на то, что сам звал меня к себе для какого-то разговора. А я-то заготовил целую речь, до мелочей продумал стратегию и тактику беседы, поскольку все-таки решил поделиться с ним соображениями насчет услышанного от горбатого доктора и от дяди Володи. Затем намеревался поставить ребром такой насущный для меня вопрос о местечке в Москве. Следом за Папой отбыл и о. Алексей, забрав чад и попадью. Это и понятно: Папа уехал, а служить в домовом храме батюшка должен был самолично. В общем, к вечеру компания сократилась до самого узкого семейного круга. Кроме наших старичков, для которых не было большего удовольствия, чем просидеть вечеров у камина за карточным столом, остались Мама, я с Наташей и Александром, Майя с Альгой, дядя Володя, маленькая Зизи и Косточка. Я подумал, что это к лучшему: тихим семейным вечером, по-домашнему, по-доброму, можно спокойно поговорить с мальчиками, разобраться – что это у них за такие дикие и несурзные развлечения завелись? Я видел, что Александр, дороживший вниманием и дружбой Косточки, жестоко страдает, и мне, конечно, хотелось поскорее помирить наших ребят.

Праздничный ужин был очень хорош. Эдакая фантазия на сладкую тему. На столе на многоярусных блюдах красовались торты из мороженого всевозможных сортов. В воздухе доминировали ароматы ванилина и свежей малины. К фигурному мороженому были приставлены миниатюрные графинчики с разноцветными ликерами и наливками, а также отдельно сервированы ассорти из цукатов и вымоченные в густом коньячном сиропе фрукты. Нарезанные затайливыми дольками золотистые ананасы и сахарный арбуз словно просились, чтобы их окунули в легкое шипучее вино. Мы даже на какое-то время позабыли о недавних проблемах и, радостно переглянувшись, принялись за лакомства.

– Как жаль, что гости разъехались, – вздохнула Мама.

– И Папа наш очень любит сладенькое, – добавила Майя.

– Сладенькое все любят, – задумчиво согласилась Альга, аппетитно облизывая губы алым языком.

Я удивленно взглянул на девушек. Неужели это они нарочно? Впрочем, Мама и бровью не повела. Только Косточка заметил:

– Ничего, нам больше достанется.

– Как тебе не стыдно! – попеняла ему бабушка Маша.

– Дед, – обратился Косточка к дедушке Филиппу, – объясни бабуле, что такое стыдно.

– Стыдно – у кого видно, – механически отвечал бывший пасечник.

– Очень умно, – поморщилась бабушка.

– Зато правда, – сказал Косточка.

– Смотри, выгоню из-за стола, останешься без сладкого! – пригрозила Косточке Мама.

– А я тогда дом подожгу, – усмехнулся мальчик.

Это было их обычное пикирование. Ничего серьезного.

– А где ж ты жить будешь, если дом спалишь? – вмешался я.

– В Москве, конечно, – не моргнув глазом, ответил Косточка. – Ты бы, наверное, тоже не отказался, а, Серж?

– Еще бы! – кивнул я.

– Могу тебе это устроить, – щедро предложил Косточка.

– Неужели?

– А что, арендую тебе мастерскую. Папа, конечно, большой человек, но это еще вопрос у кого капиталы больше!

Говорил он вполне серьезно. Мне было известно, что у него действительно имелись определенные капиталы, был именной счет в банке, который ему недавно завели родители, а также номерные счета, которые он сумел завести сам, практикуясь в бизнесе. Но, сравнивая себя с Папой, мальчик, конечно, явно преувеличивал и фантазировал.

– Ну спасибо... – пробормотал я.

– Дед! – Мальчик снова подтолкнул старого пасечника.

– Сухое спасибо горло дерет, – простодушно отозвался старик.

– А конкретно? – заинтересовался я. – Чем могу служить?

– Всему свое время, Серж, – сдержанно ответил Косточка. – Еще послужишь.

– Хватит! – распорядилась Мама. – Косточка! Серж! Поговорите о чем-нибудь более умном.

– О чем с вами говорить? – снова усмехнулся мальчик. – У вас ведь одни глупости на уме.

– То есть? – удивился я.

– Знаем, знаем все ваши глупости, – снисходительно сказал Косточка.

– Главное, что ты у нас очень умный, – заметила Мама.

– Да, я умный, – невозмутимо кивнул Косточка.

– Тогда объясни, – напрямик предложил я, – зачем надо было уничтожать такие прекрасные вещи?

– Ты о чем, Серж? – невинно уточнил Косточка.

– Не понимаешь? – возмутился я. – Об игрушках, мой милый, о ваших новогодних подарках!

– А-а... – протянул мальчик. – А мне послышалось, ты говорил о каких-то прекрасных вещах.

– Вот именно. О подарках.

– Что же в них прекрасного?

– А кукла-невеста? А Верный Робот? Они были замечательные, такие симпатичные.

– Неужели?... А по-моему, просто забава для дефективных.

– А оружие! Оно было как настоящее.

– Вот-вот! Значит, все-таки не настоящее. Значит, дрянь, ненужный хлам.

– Ну а Русалочка? А Розовый слон? Они были как живые.

– Если ты, Серж, видел живых русалок и розовых слонов, то я тебе от всей души сочувствую, – усмехнулся Косточка.

– Погоди, я не в том смысле... – смешался я. – Я хотел сказать, что это были замечательные игрушки. Нам в свое время такие даже не снились. Вы могли бы играть...

– Это нам, взрослым, кажется, что дети играют, Серж, – вдруг вмешался в разговор дядя Володя. – А они совсем даже не играют. Поэтому им не нужны подделки и суррогаты. Они хотят, чтобы все было настоящее. В этом все дело. Скорее уж это мы, взрослые, играем в свои взрослые игрушки.

Я уже не первый раз замечал, что дядя Володя выступает в роли защитника.

– Смотри-ка, Володенька, – молвил Косточка, – как ударился головой, так сразу поумнел.
– Ты прав, – ничуть не обидевшись, признал дядя Володя. – На меня как бы просветление нашло.

– Наш Косточка хочет быть взрослым, и потому все время хамит, – улыбнулась Майя. – Вот и весь секрет.

– С каких это пор, – поинтересовался Косточка, – говорить правду значит хамить? А кроме того, я вовсе не хочу быть взрослым.

– Он не хочет быть таким, как мы, – снова вмешался со своим пояснением дядя Володя.

– Он и не будет таким, – неожиданно высказалась Альга. – Если так пойдет, он будет гораздо хуже.

– Ты слишком много себе позволяешь, дорогая! – обидевшись за сына, возмутилась Мама. – Не тебе об этом судить!

– Да, наверное, – не стала спорить Альга. – Прошу прощения.

– Это другое дело, – сказала Мама.

– Какой есть, таким и останусь. И такой буду хорош, – усмехнулся Косточка.

– Подрастет – и дурь сойдет, – подал голос дедушка Филипп. – А кто подрос, тот уж в дурь врос.

– Как гласит народная мудрость, – прибавил Косточка.

– Косточка хочет быть самостоятельным, как его родители, – примирительно и дипломатично сказала Наташа. – Я была бы рада, если бы наш неженка Александр брал в этом смысле с него пример. То есть, конечно, не в смысле баловства, а в смысле самостоятельности.

– Куда ему, вашему неженке! – презрительно сказал Косточка, даже не глядя в сторону Александра, который, кажется, готов был вот-вот заплакать.

– Если вы поссорились, то лучше всего побыстрее помириться, – предложила мальчикам Наташа. – Косточка! Александр! Пожмите друг другу руки и опять будете вместе играть.

– В самом деле! – с энтузиазмом подхватил я. – Ей-Богу, помиритесь, ребята!

– Давайте, сейчас же помиритесь, – сказала Мама.

– А мы вообще-то не ссорились, – дернул плечом Косточка.

– Ты старше, – сказал я, – и должен быть снисходителен. Он еще маленький и, конечно, расстроился, когда ты решил распотрошить его Братца Кролика...

– Я не маленький, папочка! – в тоске воскликнул Александр.

– Конечно, конечно, – испуганно поправился я, – ты не маленький! Я совсем не это имел в виду...

Косточка засмеялся.

– Во-первых, – сказал он, обращаясь ко мне, словно не замечая горестного возгласа и страданий Александра, – я не обязан с ним, плаксой, нянчиться. И не буду... – При этих словах Александр опустил голову, и слезы действительно закапали ему на колени. – А во-вторых, не я решал, что делать с его Кроликом.

– А кто же решал? – удивился я.

– Он сам и решил. А теперь слюни распускает.

– Ничего я у вас не понимаю, – пробормотал я и посмотрел на сына. Тот сжался еще больше.

– А что тут понимать, – охотно объяснил Косточка. – Каждого спрашивали, и каждый отвечал. Еще вчера все решили. А наш первосвященник, патриарх наш, Ваня то есть, это дело даже благословил, освятил...

– Надо же, – заинтересовался я, – значит, у вас в компании даже общественные институты заведены. Это что же, так сказать, параллельные структуры? Духовенство? Гражданские власти? Бюрократия? Репрессивные органы?

– А как же иначе? – пожал плечами Косточка.

– Все правильно, – кивнул я. – Что же дальше? Что вы решали насчет игрушек?

– У нас по этому вопросу было специальное совещание. Совет экспертов. Каждый случай рассматривался индивидуально. Было вынесено общее заключение и даны соответствующие рекомендации.

Так вот что означала странная ночная молитва Александра! Он молился за «приговоренных».

Я быстро переглянулся с дядей Володи и спросил у Косточки:

– Это насчет уничтожения игрушек рекомендации?

– Нет. Это насчет мер против оболванивания людей, – поправил меня Косточка.

– Какого еще оболванивания? Каких людей?

– Хотя бы вашего дорогого Александра. Тех, кого хотят держать на положении умственно неполноценных, дебилов, и обрабатывают соответственно.

– Что значит «обрабатывают»?!

– А хотя бы при помощи так называемых игрушек.

– Почему «так называемых»?

– А разве нет? На самом деле игрушки – это средство воздействия. Оболванивание, одним словом.

– Какое ж тут оболванивание, Косточка? – горячо возразил я. Только теперь я, кажется, начал понимать ход его мысли. – Наоборот, общеизвестно, что игрушки всегда использовались для обучения, образования. Если уж ты взялся рассуждать с научных позиций, то должен знать, что смысл игры как таковой в том и состоит: в интеллектуальной тренировке. Это можно прочесть в любом учебнике...

– Ну да, Серж, в учебниках тебе напишут, – усмехнулся Косточка.

– Но это же элементарно: любая игра – практика для ума, интеллектуальное занятие!

– В обезьяннике или в сумасшедшем доме может быть так оно и есть, – согласился Косточка. – Сиди себе, играй в куклы, двигай фишки, дави на кнопки, собирай кубики или бегай с пластмассовыми автоматами. Нечего сказать – интеллектуальное занятие! Хорошая тренировка для мозгов!.. Что касается меня, то я, слава Богу, вовремя это понял... Кстати, – кивнул Косточка на дядю Володю, – он пел нам те же песни, что и ты, Серж. Пока на него не нашло просветление.

– Знаешь, милый Косточка, – сказала Майя, – кажется, я была не права, когда смеялась над тобой. Я думала, тебе просто хочется поумничать, а ты, оказывается, очень серьезно все обосновываешь. Теперь я понимаю тебя.

– Еще не то поймешь, – пообещал Косточка.

– Вот-вот, – подхватил дядя Володя, – то же самое и Папа сказал: как он, наш Косточка, мол, логично все обосновывает!

– Да, – вздохнул я, – мудрено! Тут действительно целое мировоззрение!.. Но все равно, совсем не обязательно было устраивать этот вандализм. Если ты такой серьезный человек, то можно было найти для игрушек лучшее применение.

– Например? – усмехнулся Косточка.

– Можно было отдать их знакомым малышам...

– Я благотворительностью не занимаюсь.

– Тогда продать. Если тебе это ближе. Игрушки-то очень дорогие. По крайней мере в этом была бы логика.

– Примитивная у тебя логика, Серж. Игрушки пришлось бы загонять за полцены. В любом случае деньги смешные. Психологический эффект важнее денег.

– А может быть, все-таки ему очень хочется казаться взрослым, – снова начала Майя. – Поэтому он и пудрит нам мозги. Он у нас на это большой мастер. Ты уж не обижайся, Косточка!

– Ничего, сестра, – спокойно сказал Косточка, – я понимаю твое состояние.

– Что ты понимаешь? – нахмурилась Майя.

– Неймется тебе, а Папа в строгости держит. Фантазий много, не знаешь чем заняться. Замуж тебе хочется, вот что. Я тебе даже сочувствую...

– Ах, ты...

Майя быстро перегнулась через стол, но ее ладонь пролетела в пустоте. Косточка, не поднимаясь со стула, без труда увернулся.

– Хотя, конечно, это, твое личное дело. Я не собираюсь вмешиваться, – сказал он. – А если обидел, прими мои извинения, – беззлобно прибавил он.

– Ладно уж, – улыбнулась Майя.

– Нет, не ладно! – проговорила Мама и, схватив Косточку за ухо, дернула так, что тот вскрикнул от боли. – Знай свое место, мальчишка!

Косточка быстро взглянул на Альгу и прижал ладонью заплывшее ухо.

– Прекрасно, – как ни в чем не бывало сказал он, повернувшись к Маме. – Прекрасно.

Все с него было как с гуся вода.

– Зря ты так, Мама, – сказала Майя.

– Ты его еще защищаешь!

– Он все-таки уже большой.

– Ничего, – отмахнулась Мама, – это ему на пользу.

– Он же извинился, Мама, – вступилась за брата маленькая Зизи со слезами на глазах. –

И Майя его простила.

– Дети, – сурово сказала Мама, – еще и дня не прошло после Нового года, а вы меня уже изрядно утомили!.. Володенька, – попросила она, – займись, милый, с ними чем-нибудь что ли... А еще лучше, расскажи им о Папином решении. Это ведь в первую очередь их касается.

– Что нас касается? – всхлипнула любопытная Зизи.

– А вот что, – сказала Мама, – хватит вам в Городе без присмотра болтаться. Слишком много вокруг соблазнов и вредных влияний. У меня за вами присматривать времени нет, вот вы и нахватались глупостей. Теперь будете жить и учиться здесь, в Деревне.

– А как же наша школа? – удивилась Зизи. – Как же наши друзья? А вы с Папой? Мы что, будем без вас?!

– Успокойся, Зизи. Мы с Папой естественно никуда не денемся. Будем приезжать сюда очень часто. Собственно, будем уезжать в Москву только по делам. Все ваши друзья соберутся здесь. Вся ваша прежняя компания. Это будет что-то вроде домашнего пансиона. Зимой и летом здесь чудесные условия: природа, воздух... Пригласим воспитателей, самых лучших учителей. И толку будет больше, чем в вашем хваленном колледже. Очень здравая идея.

– Ты ее подкинул? – поинтересовался Косточка у дяди Володи.

– Это решил Папа, – с ударением сказала Мама.

– Ладно, – махнул рукой Косточка, – когда еще это будет! Пока все подготовят, все устроят. Наверное, только осенью или даже на следующий год...

– Нет, – покачал головой дядя Володя.

– Как нет? – поднял брови мальчик. – А когда же?

– Папа распорядился, чтобы пансион открылся сразу после зимних каникул. То есть через неделю.

– Ах, черт! – вырвалось у Косточки. – Неужели так скоро!

– Какая тебе разница? Мы с Папой сделаем для этого все возможное, – заверила Мама.

– Где же мы будем жить?

– До тех пор, пока не выстроят отдельный зимний флигель и специальные корпуса, поживете здесь, в особняке.

– Ага, – медленно проговорил Косточка, – прекрасно. Очень хорошо придумано: концлагерь для собственных детей. Хунта. Значит, мы теперь в застенке. Понятно.

– Ничего, – усмехнулась Мама, – тебе только на пользу.

– Ну да, ну да, – гримасничая передразнил Косточка, – природа, чистый воздух...

После ужина Наташа с Мамой удалились на ее половину. У них были свои дела. Наши старички, как и собирались, уселись у камина за картами. Во дворе блеснул свет фар. Это Майя с Альгой взяли из Папиного гаража автомобиль и, не прощаясь, исчезли. Я понимал, что им, должно быть, не терпелось осмотреть новые апартаменты, которые Папа приготовил для «любимой доченьки» в Москве. Что и говорить, мне тоже ужасно хотелось улизнуть, но не мог же я бросить Александра в одиночестве: Наташа решила остаться в гостях у Мамы до завтра и категорически воспротивилась, чтобы мы с Александром уехали вдвоем.

В меру своих сил я пытался подбодрить Александра, но он по-прежнему хмурился и предпочитал отмалчиваться. С полчаса я просидел с ним перед телевизором, а затем он демонстративно отправился спать.

– Хочешь я тебе что-нибудь почитаю? – предложил я. – Или просто посижу рядом, пока не заснешь?

Александр покачал головой и отвернулся к стене. Я уже выходил из комнаты, когда он грустно сказал:

– Косточка меня ненавидит.

– Ну вот, ты скажешь! – воскликнул я, обернувшись.

– Да, ненавидит, – повторил сын. – Ты его не знаешь.

– Это я-то его не знаю? Да я его с рождения знаю. Так же, как и тебя, мой милый. Вы у меня оба на коленках выросли.

– Это ничего не значит. Зачем ты с ним так разговаривал? Зачем за ужином спорил? Он не любит, когда с ним спорят.

– Наоборот, – возразил я, – все заметили, что ему хочется поспорить, доказать, что он взрослый.

– Вот видишь, – сказал Александр, поворачиваясь ко мне, – я же говорю, ты его не знаешь и ничего не понимаешь.

– Неужели? – спросил я, присаживаясь на кровать. – Ну-ка, давай рассказывай. В чем там у вас дело?

– Косточка никогда никому ничего не доказывает, папочка. Запомни. И он не изображает из себя взрослого. И вообще не хочет быть взрослым. Он сам по себе.

– Удивительно! Мне казалось, все дети мечтают поскорее вырасти, стать взрослыми.

– Нет, не все. Он не хочет. И я тоже не хочу.

– А! Наверное вы просто не желаете быть похожими на нас, на своих родителей. Не хотите быть такими, как мы. Так, кажется, рассуждал дядя Володя? Ну что ж, это вполне закономерно. Мы – глупые, несправедливые. Что ж, пожалуй... Когда вы вырастаете, будете гораздо лучше нас. Это закон природы.

– Нет, папочка, ты опять ничего не понимаешь, – безнадежно проговорил Александр.

– погоди, – я наморщил лоб, – может, вы хотите остаться малышами? Есть такая история, как мальчик на всю жизнь остался маленьким... Но не думаю, что ты это имеешь в виду. Кроме того, хочешь не хочешь, все равно придется вырасти и сделаться взрослым...

Сын и вовсе махнул на меня рукой.

– Ладно, – примирительно сказал я, – утро вечера мудренее. Наверное, я объелся за ужином сладкого, глотнул ликера и действительно потерял способность соображать... Завтра мы решим все проблемы. Непременно. Вот увидишь!.. А вы с Косточкой обязательно помиритесь и станете еще большими друзьями. А если он не захочет мириться, – прибавил я, – невелика беда, подружись еще с кем-нибудь. Спокойной ночи.

– А у тебя есть друзья? – вдруг спросил Александр. – Есть настоящий друг?

Вопрос сына поставил меня в тупик.

– Конечно, – тем не менее ответил я, стараясь чтобы мой голос звучал возможно бодрей. – Например, Мама – она моя настоящая и притом старинная подруга.

Сын молчал, но улыбка на его губах показалась мне нехорошей. Мне даже сделалось как-то не по себе. Я, конечно, понимал, что «друзья» в его представлении это совсем не то, что родственники, коллеги или знакомые. Нет, я не мог ответить на его вопрос утвердительно. У меня не было ни друга, ни подруги. Была только мечта.

– А если честно, Александр, – поспешно исправился я, помня, что всегда должен быть с сыном правдивым, – наверное, у меня действительно нет такого друга. Я всегда лишь мечтал об этом.

– Как же так, папочка?

– Видно, не сложилось. Не судьба, как говорится, – грустно пошутил я. – Может, еще повезет, а? Вот ты подрастешь, и мы сделаемся с тобой настоящими товарищами...

– Спокойной ночи, – сказал сын.

У меня сжало горло: таким невыносимо равнодушным был его тон. Я наклонился и поцеловал его в щеку. Мне показалось, он вздрогнул. Как будто хотел от меня отстраниться.

– Дать тебе твоего раненого Братца Кролика? – спросил я.

Плюшевая игрушка лежала на подоконнике.

– Нет, —сквозь зубы молвил Александр.

Конечно, я разговаривал с ним, как с ребенком и ничего не мог с собой поделать. И он это почувствовал. Я вышел.

Спать не хотелось. Некоторое время я слонялся по дому, рассматривая развешанные по стенам навигационные приборы. Два жирных мастино неотступно таскались следом за мной. Впрочем, со стороны могло показаться, что это я таскаюсь за ними.

Поднявшись на второй этаж, я услышал бархатистый голос дяди Володи. У него всегда голос делается бархатистым и певучим, когда он окружен маленькими слушателями и вдохновенно им о чем-нибудь повествует. Через приоткрытую дверь игровой комнаты я увидел его самого, расхаживающего взад и вперед. На ковре были разбросаны подушки, через которые он всякий раз аккуратно переступал. На одном диване сидела неподвижная, точно кукла, Зизи и задумчиво следила за передвижениями дяди Володи. На другом, задрав ноги на спинку, помещался Косточка и время от времени с усмешкой отпускал отдельные реплики по ходу вдохновенной речи «друга детей».

Дядя Володя описывал прелести и выгоды здорового образа жизни в Деревне. Говорил о природе, которая круглый год таит в себе бездну непознанного, рассуждал о возможностях, которые сулит автономное существование в Пансионе. Со временем все в Деревне будет перестроено. Особым образом перепланируют территорию: лесопарки, луга, берег реки. Несколько гектаров земли перейдет в исключительное пользование детей. Он рассказывал о порядках, которые будут здесь заведены. Дескать, в этом вопросе он собирается руководствоваться не только обширными педагогическими полномочиями, которые дал ему Папа, но и, конечно, индивидуальными запросами и склонностями своих подопечных.

Косточка с усмешкой поинтересовался, как насчет введения в Пансионе телесных наказаний и карцера, чтобы уж действительно все было в строго классическом стиле. Как мне показалось, Косточка теперь не имел ничего против Пансиона.

– Надеюсь, – заметил он между прочим. – у нас не станут держать слабачков, вроде Александра.

Нечего и говорить, как меня огорчило и уязвило его несправедливое замечание. Я хотел вмешаться и объяснить, что мой Александр никакой не слабачок, а наоборот, показал себя, как настоящий человек, как самостоятельная и сильная личность. Потом решил, что не стоит вмешиваться. Этим я только наврежу сыну, который, кажется, и так затаил обиду за то, что я попытался помирить его с Косточкой. Тут была затронута его гордость. Лучше всего если дети

сами между собой разберутся. Во всяком случае теперь Косточка не станет агитировать Александра насчет Пансиона. Не нравилась мне эта затея, вот и все. Сам принцип разделения детей и родителей был противоестественным. Кроме того, после сегодняшней выходки Косточки, после его рассуждений, которые сильно смахивали на Папин стиль, я засомневался, стоит ли вообще допускать, чтобы Александр находился под его влиянием. Косточка старше на целых два года, у него, возможно, кризис переходного возраста, другие интересы и склонности.

– Так ты говоришь, Папа и Мама обещали не вмешиваться в воспитательный процесс, и вообще в дела Пансиона? – уточнил Косточка.

– При условии, что вы все время будете у меня на глазах, – улыбнулся дядя Володя. – Если я буду вас контролировать...

– А с тобой можно будет выезжать из Деревни?

– Нет, вот этого никак нельзя. Такое условие. Никуда не выезжать... Да и поверь, нечего нам делать в Городе. Здесь у нас будет все, что нужно для жизни.

– Это я уже понял. Деревня охраняется не хуже Москвы.

– Москва охраняется снаружи, а Деревня не только снаружи, но еще и изнутри, – не без лукавства добавил дядя Володя.

– А ты, значит, будешь у нас вроде директора?

– Ну да, вроде того.

– Тогда я спокоен, – беспечно и даже фамильярно заявил Косточка. – Вот только если бы родители навевались сюда пореже... Впрочем, у Папы все дела в Москве, да и у Мама тоже.

– Нет, я так не хочу! – вдруг беспокойно воскликнула маленькая Зизи. – Я буду скучать по ним! Я хочу жить с папочкой и мамочкой!

– Не слушай его, Зизи, – успокоил ее дядя Володя. – Помнишь, что говорила Мама? Они будут приезжать сюда очень часто. Может быть, каждый день.

– Вот уж сомневаюсь, – сказал Косточка.

Дядя Володя снова принялся убеждать их, что они заживут тут весело и интересно, а главное, можно сказать совершенно независимо и самостоятельно, почти как взрослые.

Я спустился в гостиную, посидел возле азартно раскладывающих карты наших старичков, вытянул еще пару рюмок ликера, а затем заглянул на половину Мама. Наташа и Мама были заняты тем, что по очереди примеряли туалеты и, болтая о всякой чепухе, критически обзревала себя в огромном зеркале. Господи, до чего ж мне сделалось грустно! Я вернулся в наши комнаты. Взглянул на Александра. Тот уже крепко спал. Он успокоился куда быстрее, чем я думал. Мне захотелось немедленно нестись в Москву. Можно было бы взять дежурную машину, подъехать до ближайшей железнодорожной станции, но для этого пришлось бы обратиться к Мама, чтобы она распорядилась, а этого мне сейчас совсем не хотелось. Я бы, пожалуй, отправился пешком, но и тогда, на выходе из Деревни, пришлось бы объясняться с охраной: те полезут со своими услугами проводить, запросят машину, опять-таки переполошат Мама и Наташу. Спать не хотелось, но я лег в постель и, выключив ночник, стал думать о Москве и об апартаментах, которые Папа подарил Майе. Я прекрасно, до мельчайших мелочей помнил структуру и компоновку Западного Луча. Апартаменты, как мне уже было известно, располагались почти на самом пике Москвы, а именно на сорок девятом этаже. Значит из окон открывался великолепный вид на Москва-реку и на голубую стрелу Можайского шоссе.

Ясным днем с эдакой верхотуры вся гигантская панорама представляла в обрамлении облаков, в синеве неба и сиянии солнца, которое на закате плавно опускалось в густые подмосковные леса. Ястребы, кружащие в поднебесье, казались оттуда чем-то вроде домашней птицы, а стаи пернатых внизу перемещались с места на место, подобно скоплениям мотыльков. Более низкие уровни – Лучи, расположенные ступенями, поблескивали сплошными поверхностями окон с тонированными стеклами разных оттенков. Через равные промежутки на уровнях, расходящихся наклонно в виде многоконечной звезды, голубели в округлых проемах

искусственные водоемы, укрытые обширными сводами кровли из идеально прозрачного пластика. В вечернее и ночное время многочисленные прожектора мягко подсвечивали сложно пересеченные поверхности башен, и волны света, бегущие от одной отражающей грани к другой, преломляясь и перекрещиваясь, взбирались от подножия к самому верху.

Когда я погружался в мысли о Москве, то уже не знал наверняка, сплю я или бодрствую. Трудно было понять, возникала ли она в моем воображении, словно в ярком сне, или же представляла в туманной реальности... О да, я уже соскучился по Москве так, как спустя много лет скучают по родине. Это любовь. Конечно, она мне приснилась. Как снилась каждую ночь. И невозможно было сказать, в каком воплощении она манила своей прекрасной тайной больше – во сне или наяву.

И вот быстро-быстро, в доли мгновения, облетев любимую Москву по всем ее частям, лучам, уровням и закоулочкам, я начал падать. Но не вниз, а вверх. Из мрака к свету...

Снова горел над кроватью ночник. Поздно ночью Наташа держала меня за руку и рассказывала о только что поступивших известиях. Во-первых, наш высочайший покровитель, дряхлый любитель архитектуры и прочих искусств, безволосый жрец и правитель государства, Его Высокопревосходительство изволил—таки после тяжелой и продолжительной болезни, но скоростижно почить в Бозе. Действительно умер. А во-вторых, на Папу было совершено очередное покушение. Бомба взорвалась перед одним из въездов в Москву. Заряд, распределенный на три части, был заложен в туннеле у Дорогомиловской заставы. Три четверти туннеля обрушилось в мгновение ока, но бронированный лимузин Папы успел вылететь из туннеля в густом облаке пыли и пламени. Правда, задние колеса, бампер, фары – все выглядело так, словно автомобиль побывал в громадных стальных челюстях. Последние пятьдесят метров до ворот Москвы слегка контуженному Папе пришлось преодолевать пешочком. В Москве он был в полной безопасности. На Москве—то, слава Богу, все было совершенно спокойно.

2

Правду говорят: как встретишь Новый год, так и проведешь. Причем независимо оттого, подвержен ты этому суеверию или нет. Не сомневаюсь, что покушение на Папу было спровоцировано кончиной престарелого правителя. Кое-кто, решив, вероятно, что власть пошатнулась, поспешил обнаружить свое нетерпение. И напрасно: все было предусмотрено и расписано.

Через три дня, как и полагается, со всеми протокольными почестями после массового шествия и отпевания, усопший правитель упокоился на Новодевичьем кладбище бок о бок со своими славными предшественниками. Государственный совет заседал уже на следующий день, и всенародные выборы были назначены на конец апреля. Многочисленные карманные кандидаты были вприснуты в лоно политики скорее из соображений эстетических, нежели практических. Основным же кандидатом, как и договаривались, выдвинули лидера партийного большинства – нашего Федю Голенищева, любимого народом за простоту и юмор. Таким образом, система изолированных и уравновешенных сфер, внутри которой обосновался Папа, снова обретала центр.

Казалось бы такой незначительный эпизод, как смерть старика, не должен был вызвать бурных переходных процессов. Однако брожение-таки началось. Причем исподволь, буквально из ниоткуда, но весьма злокачественное, и события вскоре посыпались обильно. Увы, увы, человеческий фактор – всегда самая скользкая и предательская штука.

Уже в первый день после возвращения в Город, я почувствовал, что дело оборачивается неладно и меры взяты экстраординарные. Несмотря на то, что морозы еще стояли довольно сильные, на центральные улицы, а особенно в городские кварталы, примыкающие непосредственно к Москве, публика, словно чего-то ожидая, сходилась значительными толпами. Хотя никто, конечно, не знал и не подозревал, чего именно следует ожидать. Тревожный тон задавали траурная обстановка и сопутствующие ей мероприятия. Повсюду были выставлены усиленные военизированные наряды, во дворах на холостом ходу пыхтели тяжелые грузовики и бронетранспортеры. Впрочем, нельзя сказать, что публика была настроена исключительно на траурный лад. В подобной обстановке всегда возбуждается своего рода праздничный кураж, ажиотаж, жажда чего-то большего, чем просто наблюдение за рутинным исполнением церемоний. В такой атмосфере даже самый нелепый слух с готовностью подхватывается и раздувается до фантастических пределов.

Сначала заговорили о якобы грядущей грандиозной денежной реформе (хотя и младенцу было ясно, что реформировать, слава Богу, уже решительно нечего, поскольку этих реформ и так было проведено без счета). Затем пошли слухи о подспудных волнениях в армии и возможном выдвижении из армейской среды военного диктатора. Последнее связывалось с усилением активности так называемых теневых структур и готовящемся путче с последующей всеобщей криминализацией, повсеместным террором и анархией, чему могли противостоять лишь военные. И, наконец, договорились до того, что уже сформировано параллельное временное правительство, в планах которого не то произвести смену общественно-государственного строя (... какого на какой, интересно?!), не то вообще провозгласить отмену каких-либо национальных государственных институтов по причине построения одного общемирового дома, – что, само по себе, было бы, наверное, не так уж и плохо.

Конечно это были только журналистские утки и обывательские бредни, и не стоило бы обращать на них особого внимания, но жизненный опыт подсказывал, что с подобных бредней у нас обычно и начинается все самое паскудное.

Наши старички, у которых на такие дела был благоприобретенный нюх, отреагировали первыми: принялись обсуждать, не пора ли запасаться спичками, стеариновыми свечами и макаронами. Мой отец, которого я всегда искренне считал мудрым старичиной, вдруг при-

волок откуда-то с толкучки допотопную керосинку и принялся демонстративно ее чистить. Наташа, конечно, быстро ликвидировала этот приступ помешательства – вышвырнула антикварную керосинку вон, а свекра пригрозила отправить в специальный санаторий, но въедливый запах керосина остался, а вместе с ним ощущение тревоги: вот, мол, оно – началось!..

Через некоторое время я пересекся с профессором Белокуровым, который, будучи природным аналитиком и обществоведом, считал своим долгом находиться в курсе всех подробностей текущей политической ситуации, а также закулисных интриг. Доверительно склонившись к моему уху, профессор доходчиво и с научной точки зрения объяснил мне суть происходящего. Во-первых, учитывая нашу национальную специфику, любая смена правителя есть смутное время по определению, то есть предполагает наличие этой самой политической мути и ядовитого угара, а следовательно, порождает некоторые тревожные ожидания. Во-вторых, данный момент является чрезвычайно темным, можно сказать мистически и метафизически разломным, и обладает креативным свойством продуцировать всяческие турбулентности. Это его, профессора, дословная формулировка.

– Вот оно как, – молвил я.

Профессор авторитетно тряхнул брылями. Он спешил на ученый совет и, сутулясь, убежал. Вместо него, откуда не возьмись, материализовалась его богемная половина, которая взяла меня под руку и за чашкой кофе нашептала, что на самом деле все обстоит даже сложнее, чем объяснил профессор. А конкретно – «продуцированные турбулентности» еще бы ничего, но вот какой случился совершенно неожиданный сюрприз: наш домашний маршал Сева, ревностный служака и душа-человек, элементарно «дал говна».

– Чего-чего? – переспросил я, думая, что ослышался.

Но нет, не ослышался. Она повторила. Дескать, именно так охарактеризовал поведение маршала сам Папа. И, видимо, не безосновательно.

Маршал Сева, герой многих справедливых (и не очень) войн, изначально был правой рукой народного любимца Феди Голенищева и клятвенно обещался обеспечить новому правителю полный контакт и взаимодействие с военными. Однако, когда дошло до дела, вдруг закапризничал и потребовал, чтобы предварительно его сделали генералиссимусом.

– Зачем? – пробормотал я. – Это же просто глупо...

Богемная половина взяла меня за руки.

– Действительно, – кивнула она. – Очень глупо. Ты творческий человек, Серж. Как и я. Нам эти надрывы и припадки обывательского тщеславия неведомы. Мы существуем в мире идей. Мы живем в горних высях и питаемся так сказать акридами. Ради высших целей. Ради озарений!..

В общем, сказался тот самый человеческий фактор, хотя от маршала Севы, заслуженного ветерана, этого никак нельзя было ожидать. Разумеется, не могли ему дать генералиссимуса так сразу, с бухты-барахты, это уж извините, были дела и поважнее. Но он якобы стал прямо намекать, что, мол, тогда и без вас сделаюсь генералиссимусом. Еще, мол, сами придете мириться и дружить... Папа после покушения, хотя и находился под впечатлением недавней контузии, горячиться не стал. Он только распорядился, чтобы «кандидату в генералиссимусы», уже якобы начавшему поднимать войска и обкладываться верными батальонами десантуры, передали, что он, Папа, вместе с Федей Голенищевым намерен смиренно приехать к маршалу в бункер для вручения «верительных грамот». Впрочем, Папе не пришлось беспокоиться. Почти мгновенно поступило встречное сообщение. Должно быть, мятежный маршал до того впечатлился христианской кротостью Папы, что быстренько образумился, и сам летел к Папе с выражением всемерного раскаяния и абсолютной лояльности. Они недолго беседовали. Непосредственно от Папы, пристыженный и притихший, блудный маршал отправился прямиком на исповедь к о. Алексею, который принял исповедь и, чувствительно стукнув свое

духовное чадо костяшкой согнутого среднего пальца по лбу, отпустил с Богом. Инцидент, как будто, был исчерпан.

Что касается меня, то я был очень рад, что все обошлось бескровно. Я-то понимал, что Папа очень даже был способен отреагировать иначе. Куда как не по-христиански.

Дальнейшее можно было восстановить при помощи элементарной логики. Невинный, почти семейный эпизод не удалось сохранить в тайне. Мимолетная распря в верхах, промедление и шатание в окружении Папы спровоцировали не только упомянутые, ни на что не похожие слухи, но и, по всей видимости, учитывая судьбоносность и горячку смутного времени, заставили кое-кого предпринять поспешные шаги, что и положило начало расколу, который, как я надеялся, еще можно было преодолеть.

Теперь я понимал, что крылось и за другим эпизодом. Ко мне уже подсылали посредников от нашей местной мафии, которая прочно утвердилась под видом районных выборных органов, вроде комитетов народного самоуправления. С предложениями сотрудничества. Господи, какого они ждали от меня сотрудничества? Присутствовать народным заседателем на их судах Линча что ли? Или комиссарить в местном вооруженном формировании?.. Обычно я отговаривался под предлогом чрезвычайной загруженности и по причине непрерывного творческого процесса. Но на этот раз, едва я вернулся в Город, меня остановили прямо на улице и льстиво, но с бандитской бесцеремонностью усадили в машину и доставили на какое-то их районное мероприятие.

Среди сплошь безвестных уголовных рож, я разглядел одну знакомую, в которой узнал известного по телевизионным новостям легализовавшегося громилу по кличке Парфен. У них, между прочим, у всех завелись почему-то нарочито крестьянские имена: Трофим, Игнат, Семен, Макар, Парфен, Ерема... Словом, разбойники отмороженные, самые отъявленные. У них как раз слушался в своем роде программный доклад с перспективами на начавшийся год. Доклад был подготовлен явно с прицелом произвести эффект на начальство. Я даже успел уловить несколько впечатляющих цифр.

– Серж, – ласково сказал мне этот Парфен, когда я оказался ломящимся от жратвы за столом в компании с развратными девицами, – мы знаем, что ты творческий человек... – «А творческие люди все придурки», – видимо хотел продолжить он, но продолжил иначе: – Ты вынашиваешь грандиозные планы, чтобы еще больше прославить нашу Москву-матушку да и всю Россию...

Парфен был рыж, раж и имел ядреные зубы, которыми, пожалуй, мог бы без труда загрызть акулу. Таким экземплярам, как он, самое место в зоопарке. У него, кстати, имелся младший брательник, Ерема, такой же вепрь с рыжим чубом, скромно державшийся по правую руку от старшего брата и культурно икавший в молоткастый кулак.

«Когда это она стала вашей, гориллы?» – надо было спросить мне, но я не стал размениваться. В конце концов, их тоже можно понять: и они мечтали наложить лапы на этот перл градостроительства.

– Она ведь наша, – задушевно продолжал Парфен, – наша Москва, то есть общая.

Он поднес мне бокал с шампанским золотисто-медового оттенка.

– К сожалению, мне пора, – сказал я, поднимаясь.

– Понимаем, понимаем, ну как же, – кивнул Парфен, – дела. Но перед тем, как нас покинуть, уважьте, господин архитектор, поделитесь с народом творческими планами. Не откажите народу.

В битком набитом помещении, наподобие парламентского зала в миниатюре, послышались отдельные хлопки, одобрительные крики и рыгания. Не хватало, пожалуй, лишь кумачового лозунга во всю стену: «Народ и мафия – едины!»

– Пошли вы в жопу, уважаемые... – начал я, поставив нетронутый бокал на стол. Я был уверен, что они не станут со мной связываться, потому что в случае чего Папа им бошки поотворачивает.

– Сразу видно интеллигентного человека, – скромно вздохнул Парфен, словно устыдившись за меня.

– Угу, – засопел его брательник.

Я даже застыдился. Может, напрасно я так с народом.

– Вообще-то, уважаемые, – признался я, – в настоящий момент у меня абсолютно никаких творческих планов. Я уже все сделал, и вынашивать мне, слава Богу, больше нечего...

Парфен горячо и с некоторой подобострастностью пожал мне руку.

– Наш почетный гражданин слегка мнителен и суеверен, но, без сомнения, что-то вынашивает, – объяснил он собравшимся. – Поскольку не может не вынашивать как творческий человек. Так что не будем, граждане, лезть своими наглыми рылами в его творческую лабораторию, а лучше пожелаем всяческих успехов... В любом случае, – обратился он ко мне, продолжая тискать мою руку, – спасибо, Серж, что пришли.

Он сделал знак младшему брательнику и своим «быкам» и меня без задержки бережно повлекли в обратном направлении, доставили точно на то место, откуда забрали. На прощание просили передать привет Папе, а также, если что, и «генералиссимусу».

«Если что»!.. «Передать привет генералиссимусу»! Так вот в чем все дело!

Некоторое время я, как бабочка, порхал по Москве, навещая то одного, то другого знакомого, но, тем не менее, медленно, но верно, продвигался по направлению к Западному Лучу. Я знал, чем дальше буду откладывать визит к Майе, тем большая чепуха будет лезть мне в голову. Я позвонил ей как только вернулся из Деревни. «Жду тебя, Серж», сказала она, и у меня перехватило дыхание. Она меня ждет. В ее тоне чудилось нечто многозначительное.

Я уже находился в Центральном Секторе и решил заглянуть в нашу домовую церковь. Может быть, удастся узнать от о. Алексея подробности истории с «генералиссимусом». Все равно по пути.

Центральный Сектор, расположенный соответственно в самой сердцевине Москвы, разбитый по вертикали, как и другие Лучи, на автономные многоэтажные уровни, был устроен по особому плану – в виде города в городе или комплекса в комплексе. Центральный, а точнее внутренний Сектор, ограниченный внутренними фасадами Лучей, был окружен широким зеленым кольцом площадью в несколько квадратных километров. Что-то вроде Садового Кольца, – но только не мифических, а настоящих фруктовых садов. Кольцо было заключено под стеклянный колпак. Освещение здесь было искусственное, но чрезвычайно приближенное к солнечному свету. Микроклимат соответствовал текущему времени года, хотя был несколько умягчен и по своим параметрам приближался эдак к ялтинской благодати. Таким образом в январе здесь царила не то поздняя осень, не то ранняя весна. Обилие света. Без машин и копоты. С чудесными яблоневыми и грушевыми деревьями, которые возделывались по последнему слову агротехнической науки, а осенью, как полагается, плодоносили.

Чистота в Москве была необыкновенная. Папа лично заботился об это так неистово, что соответствующие хозяйственные службы буквально сбивались с ног, пытаясь добиться идеальной стерильности. Целую компанию развернул. В этом смысле Папа, пожалуй, даже перебирал. Например, инкогнито инспектировал московские уборные. Тут у него, к слову сказать, был «пунктик», гипертрофированная чистоплотность, перерастающая в манию. Он не мог пройти мимо любой двери, на которой были изображены человеческие фигурки, чтобы не завернуть и не ополоснуть руки... В общем, очень чисто было в Москве. Но ведь это и прекрасно! Чистота – залог здоровья.

Я шел вдоль аллеи, перекинув пальто через руку, с удовольствием ступая по естественно упругой грунтовой дорожке. Земля на газонах была черна, и кое-где на ней уже виднелись зеленые травинки.

Деловой полдень был в разгаре. Бизнесмены, служащие, посыльные, серьезные девушки так и сновали туда-сюда. Встречались, правда, и такие личности, которые прохаживались по аллеям или сидели на скамейках, явно коротая досуг, не обремененные особыми делами, и просто наслаждались атмосферой. Мне всегда доставляло удовольствие наблюдать за такими индивидуумами, способными ценить прекрасное, и казалось, что у нас есть какая-то общая тайна, которая нас объединяет, дает истинное ощущение жизни.

Центральный Сектор представлял собой несколько сросших друг с другом разновеликих небоскребов, составленных по типу непропорциональной, многоярусной пирамиды. Она покоилась на основании, которое, в свою очередь, представляло из себя как бы еще большую пирамиду, только обращенную вершиной вниз и скрытую под землей.

Подземные уровни проектировались специально под функциональные нужды. Зато уровни, примыкавшие к поверхности и несколько надземных, были изначально задуманы как главная достопримечательность Москвы. В них размещались воспроизведенные в миниатюре самые известные архитектурные ансамбли реальной исторической столицы. Значительно уменьшенный масштаб копий был однако достаточен, чтобы здания и вообще все сооружения использовались в качестве офисов, магазинов, жилых и служебных помещений.

Здесь не только можно было полюбоваться миниатюрными московским Кремлем, Манежем, Арбатом, копиями знаменитых церквей, колоколен и мостов, но последовательно ощутить себя как бы в нескольких исторических эпохах. В этой части Москвы были собраны, свезены и смонтированы реальные архитектурные фрагменты исторических сооружений, а также всевозможные редкости, найденные при археологических раскопках. Таким образом, переходя с одного яруса на другой, вы, словно в Машине Времени, могли проникать из одного столетия в другое. Современное дорожное покрытие сменялось булыжной мостовой, а булыжная мостовая – деревянной. Красный кирпич сменялся белым камнем. Прямо в декоративном грунте под толстыми стеклянными витринами, виднелись культурные слои эпох, темнели старинные монеты, осколки изразцов, черепки, берестяные грамоты и инструменты ремесленников. Все московские эпохи были доступны обозрению. В подземных уровнях можно было, например, заглянуть в светский салон или книжную лавку пушкинского времени, в трактир, откуда несло острым сыром, копчеными осетрами, или бильярдную, где бойко цокали боками костяные шары, а то и нырнуть в дверь под красным фонарем, откуда тянуло душным ароматом духов и слышались звуки механического пианино. Своего рода оживший исторический музей. Мне чрезвычайно нравилось, как все устроилось в этой части Москвы. Все вполне соответствовало моему замыслу.

Здесь, как правило, было не слишком многолюдно. Устраиваемые развлечения были мне не по карману. Впрочем, во многих из этих диковинных паноптикумов мне все же удалось побывать в качестве почетного гостя на всевозможных презентациях, которые устраивались бизнесменами средней руки. Самые отъездившие золотые тельцы предпочитали пастись на верхних уровнях. Там начиналась вотчина новейшей эпохи, а значит, царила умопомрачительная эклектика. Ультрасовременные интерьеры сменялись футурологическими видениями в духе самого отвязного авангарда. Это были владения крупнейших транснациональных компаний и корпораций, хозяева которых проектировали и перестраивали фасады и интерьеры, ориентируясь исключительно на собственную блажь, меняющуюся чуть не два-три раза в сезон. Ни о каком стиле, конечно, и речи не было. Здесь громоздились псевдо-виллы, пентхаусы, индивидуальные дорожки-эстакады для джоггинга и странные языческие и модерновые храмы. Не спорю, бывали у них и удачные находки. Но редко, очень редко... К счастью, это ничем

не могло повредить общей архитектурной идее, и чудесный образ моей вознесшейся к небу Москвы сохранялся в первоизданном, идеальном варианте.

Наконец я добрался до небольшой угловой площади. Здесь, в закутке между двумя зданиями, уютно пристроилась белоснежная церковка с куполами, ярко расписанными на манер праздничных глазурированных пряников, и ажурными золотыми крестами, сверкавшими так нежно и чисто, словно их каждое утро полировали мягкой фланелью. Храм на Ключах. Его назвали так потому, что при рытье котлованов были обнаружены несколько родников.

Дневная служба еще не началась, и я направился в небольшую пристройку, где на втором этаже проживал сам о. Алексей с семейством, а на первом обычно прикармливались какие-то старухи, вроде странниц, и морщинистые старики. Бог ведает как они проникали в стерильную, деловую и великосветскую Москву. Специально я этим не интересовался, но, думаю, что с разрешения Папы. О. Алексей поштучно выписывал этих убогих для придания храму естественно колорита. Лохмотья, в которые были обряжены странники и странницы, нищие и убогие, были совершенно натуральные, а не поддельные – стилизованные, вроде театральных костюмов, употребляемых в инсценировках на темы из жизни обитателей социального дна. Не говоря уж о запахе... Да, конечно, учитывая маниакальную чистоплотность Папы, на то было особое разрешение. Тут, пожалуй, крылся психологический феномен из разряда упражнений по укрощению гордыни. Приходя в церковь, Папа добровольно уязвлял себя соприкосновением с атмосферой «почвы». Возлагал на себя некие символические вериги. А может быть, это было непосредственное влияние строгого о. Алексея, которому Папа иногда подчинялся с удивительной готовностью и кроткой покорностью.

В прихожей на низких скамеечках сидели две полупомешанные бабы. Они молча кушали размоченный чернослив и сморщенные груши. Но, едва завидев меня, они тут же понесли какую-то дичь.

– Ветер-ветерочек подуи на мой на садочек! – нараспев затянули бабы. – Во моем ли во садочке миленький гуляет...

– Приятного аппетита, – смущенно проговорил я, поспешно пробираясь дальше по коридору.

– Миленький гуляет, письма отправляет, – продолжали тянуть бабы вслед, – письма отправляет, назад па-а-лучает!

Таким образом, атмосфера вблизи храма и впрямь образовалась самая патриархальная, даже с мистической отдушкой.

В соседнем продолговатом помещении за длинным, покрытым клеенкой столом на натурально деревянных скамьях сидело несколько прихожан из церковного актива, певчие, служки, убогие и доканчивали свой постный завтрак. Они пересказывали друг другу «святые сны», советовались насчет их вещего значения. Я разглядел на столе миски с гречневой кашей, рис и те же сухофрукты. Пахнувший мятой чай разливали из старинного алюминиевого чайника.

– Приятного аппетита, – вежливо повторил я.

Мне предложили присоединиться к трапезе, но я, поблагодарив, отказался.

Вся эта атмосфера напомнила мне недавнее прошлое, когда наш, тогда еще начинающий батюшка о. Алексей служил в небольшом столичном храме, и из любопытства я несколько раз наведывался к нему. Там было все точно также – постные завтраки и пересказывание бабьих снов. Как-то раз я пришел к о. Алексею, чтобы он высказал мне свое мнение церковного человека по поводу одного моего странного сна, мысли о котором долго не давали мне покоя. Я понимал, что в этой ситуации ничем не отличаюсь от малахольных баб, пересказывающих «святые» сны, ничем не умнее их, но все же мне было ужасно любопытно услышать, как именно он, о. Алексей, его истолкует.

А сон был такой. Мне приснилось, что ко мне пришел некий священник, суровый, бородатый. Я завел с ним что-то вроде дискуссии: вот, мол, уже многие из моих близких, знакомых

окрестились, но как насчет меня самого – могу ли я пойти окреститься, если я неверующий? Я бы, пожалуй, окрестился, но мне неприятно лгать, когда меня спросят о вере. В общем, развивал эту мысль, так и эдак выворачивал. Священник все молчал, а потом как бы в ответ на все мои умствования вдруг стал совершать надо мной таинство крещения – поливать водой, читать молитву и все такое. Я почувствовал себя окрещенным. Во сне я даже как положено осенил себя крестным знаменем. И, словно в подтверждение основательности произошедшего, откуда-то свыше мне было сообщено, почему пальцы (персты) складываются таким, а не иным способом. Я увидел (или, точнее, мне было явлено) ладонь самого Христа, пробитую гвоздем и персты Иисуса, сведенные судорогой, сложены именно таким способом. Значит, пальцы, так как их складывают, чтобы перекреститься, есть точная имитация судороги, когда ладонь пробивают гвоздем? Помню, я тогда еще в самом сне удивился реальности совершившегося факта, а так же тому, что все это произошло во сне: что же это получается, теперь я вроде как действительно крещен, – и крещен особым, самым основательным образом – самим Святым Духом? Если верить богословской литературе, даже святые отцы рассматривают сны либо как дьявольское наваждение, либо как прямое вмешательство Бога. Не говоря уж о примерах из Библии. Стало быть, если это было не наваждение, я действительно крещен во сне? Ведь для Церкви сон – та же реальность... А, с другой стороны, если я крещен во сне, то с какой стати мне такая честь?

Все это я по порядку изложил о. Алексею. Я думал, он вникнет, станет расспрашивать меня о подробностях моего странного сновидения, но о. Алексей, бывший инженер, не придал сну никакого значения и без колебаний объяснил все с самых что ни на есть естественнонаучных, даже банальных позиций. Ерунда, мол, все это, Серж. Суемыслие. Мол, думал ты накануне об этом – вот оно и приснилось. Только и всего. Прибавил только: «А окрестить тебя, дружок, действительно давно пора...»

О. Алексей уже откушал у себя на втором этаже и, хотя служба была еще не скоро, спустился в свою служебную комнатенку, где обычно готовился к службе. Теперь он, в полуоблечении, сидел и, прищурясь, смотрел телевизор. Я поцеловал его руку, он кивнул, я присел на соседний стул.

Шли новости. Навстречу выборам. Государственный совет призывал народ к сознательности. Конфликты между отдельными ветвями власти имелись, но незначительные, и военные наконец объявили, что готовы повсеместно гарантировать нейтралитет и условия для свободных выборов. Об этом заверял в частности наш горе-генералиссимус Сева.

– Глядите-ка, батюшка, у него и сейчас на лбу шишка от вашего щелчка! – весело сказал я для затравки разговора, давая понять о. Алексею, что уже в курсе последних событий. – Всего-то, оказывается, и хлопот! Что значит вмешательство *свыше*!

– А что ж, – усмехнулся о. Алексей, – прикажешь что ли из-за этого Москву с иконами обходить? Много чести.

– А что Папа? – спросил я. – Как он теперь – простит нашего маршала?

– Конечно, простит. Уже простил. Он, слава Богу, к заповедям Христовым теперь ревнив стал.

– Это почему же? – не утерпев, поинтересовался я. – Неужто последнее покушение так повлияло?

О. Алексей пропустил мой вопрос мимо ушей.

– Господь не оставит Папу без присмотра, – продолжал он. – Недаром приставил к нему этого доброго ангела... Рядом с ним теперь чистая кроткая душа. Папа будет держаться за нее, и его собственная душа потянется к чистоте. Это для него пример и опора. Своего рода оселок.

Я изумился его словам. Уж не Альгу ли он имеет в виду? Это ее, чистую и добрую, Господь приставил к Папе, чтобы умягчить его душу?

– Да и что было прощать-то? – продолжал о. Алексей. – Папа премного поумнел и научился управляться с мелким бесом. Ему ведь теперь не супротив бесенят, а супротив самого Сатаны надобно вооружаться!.. А ты, Серж, – вдруг строго прикрикнул он, – ты лучше за собой смотри! Как бы тебе самому с бесом не подружиться! – И не успел я опомниться, как он с размаху щелкнул меня костяшкой пальца по лбу. – Ты хорошенько подумай, о чем тебе со мной потолковать надобно! Брось суемыслие, да почаще молись и в храм ходи. Сатана он не дремлет! Сначала завертит, завертит, а потом – цап тебя! – и к себе за пазуху...

Он взял со стола нагрудный крест, поцеловал его и надел на себя. На этом наша беседа закончилась.

Таким образом и я вышел от о. Алексея, наставленный на ум, потирая на лбу шишку.

Мне действительно нужно было о чем с ним потолковать, но, странное дело, совсем не хотелось. Может, меня и правда завертел лукавый, а я и не заметил? Впрочем, я был уверен, что ничего дурного у меня в мыслях не было. Напротив, моя мечта о «прощальной улыбке» была возвышенной и кроткой. Я отнюдь не собирался тайно грешить, отнюдь не планировал супружескую измену. Никакого блуда я вообще не допускал. Все мыслилось мне совершенно по-другому и религиозная сторона дела, честно говоря, волновала меня в настоящий момент меньше всего. Если уж рассуждать о церковных догматах, то я не нарушал никаких установлений, а, пожалуй, даже двигался в направлении праведности. Несколько лет назад, в пору моей горячей увлеченности соблюдением религиозных правил, жена отказалась освятить наш гражданский брак в церкви. Ей казалось нелепой ситуация: венчаться после того как мы давным-давно были мужем и женой. «Браки совершаются на небесах», – говорила Наташа. Странно, но обычно строгий и дотошный в таких вопросах о. Алексей не настаивал и не напоминал. Я же надеялся, что все решится само собой. Главное, чтобы по-человечески. В глубине души я с грустью сознавал, что такой, как я есть, я Наташе не нужен. У нее давно образовалась своя отдельная жизнь, которая, как я видел, была ей дороже меня – со всеми моими проектами вместе взятыми. Обидно и горько, но как говорится против рожна не попрешь... Впрочем, это такие тонкие материи, что невозможно было подобрать слова, исповедоваться сколько-нибудь внятно – даже перед самим собой. Не говоря уж о взыскательном о. Алексее.

Выйдя от него, я решил для самоуспокоения (именно так!) зайти в церковь пока не началась служба, иначе пришлось бы отстоять ее всю. Я переложил пальто с одной руки на другую и шагнул в сумрачное сводчатое пространство, похожее на катакомбы первых христиан и озарявшееся немногими свечами и лампадами. Нужно было сделать три или четыре шага вниз по ступеням. Уж я-то, автор всего проекта, достоверно знал, что этот маленький храм на Ключах (как и другие – большие и малые храмы внутри Москвы) был возведен одновременно с самим комплексом с применением самых новейших технологий и материалов, но у меня было такое ощущение, что этим намоленым камням сотни лет, что от древности они росли глубоко в землю и что благовонный запах воска и ладана повис под их сводами еще во времена приснопамятного Московского царства.

Внутри было почти безлюдно. Лики святых разом скрестили на мне взгляды. На пороге я слегка поклонился, перекрестился, потом сделал несколько шагов по направлению к затворенным царским вратам и иконостасу и тут заметил за колонной женскую фигуру. Это была Альга. Я сразу ее узнал и подумал: вот так случай – Альга тоже в храме. Пришел в храм и встретил Альгу. Казалось бы ничего особенного, чему тут удивляться? Однако я удивился.

Альга оглянулась и сдержано кивнула. Она была в красном шелковом платке и в окружении мерцающих свечей, икон, поблескивавших в золотых и серебряных окладах, смотрелась так естественно, словно сошла с портрета скрупулезного художника—реалиста. Мне даже не пришло в голову спросить: «Что ты здесь делаешь?» То, что я слышал о ней и о Папе от доктора – что она едва ли не секс-агент и так далее – казалось сейчас совершеннейшим вздором.

Минут пять мы постояли перед иконами. Перекрестившись, я ощутил что-то вроде прилива энергии и почувствовал, что именно теперь способен додумать до конца мысль об искренности и реальности моих отношений с Богом. Я мог путаться в догматике, толковании обрядов, таинств, нравственных установлений, но я не хотел ошибаться в отношении того, верю ли я в конце концов или нет! Не то как раз окажется, что бесы меня и впрямь завертели да и – цап! – за пазуху.

Нет-нет! То, что о. Алексей обидно называл суемыслием, таковым не являлось! И мои религиозные размышления не были праздными! Сейчас я бы мог это хорошо ему объяснить.

Церковь быстро наполнялась прихожанами. Вот-вот должен был появиться о. Алексей. Тут Альга повернулась и направилась к выходу. И я машинально последовал за ней. Выйдя из храма, она остановилась и спокойно взглянула мне в глаза, словно ждала, что я скажу.

– А я только что заходил к о. Алексею, – сказал я и невольно потрогал кончиками пальцев лоб. – Он посоветовал мне почаще бывать в церкви... – Она молчала и по-прежнему спокойно смотрела мне в глаза. И как такой взгляд может действовать на Папу прямо противоположным образом, разжигать в нем какие-то непотребные чувства?!

Она медленно пошла вдоль аллеи, а я за ней.

– А знаешь, – вдруг признался я, нагоняя ее, – я сейчас размышлял о том, верю я в Бога или нет. – И сам улыбнулся этим своим словам.

– Конечно, Серж, вы верите, – серьезно сказала она.

Альга до сих пор упорно говорила мне «вы».

– Почему ты так считаешь?

– Потому что... кто об этом хотя бы размышляет, тот и верит, – она пожала плечами, затем сняла с головы красную шелковую косынку, сложила и спрятала в небольшой кожаный рюкзак, который носила за плечом.

– Действительно! – воскликнул я, поразившись божественной ясности ее суждения. – Именно так!

Как метко она это подметила! И правда, дело совсем не в том, сомневаюсь ли я в существовании Бога. Даже если и сомневаюсь, даже если просто не знаю, есть Он или нет Его, – это уже прямое свидетельство того, что во мне живет частичка веры. Это мой разум может выкидывать номера, жонглировать понятиями, плести логические махинации. В конечном счете разум все подвергает сомнению и никогда не даст последнего вывода. Даже собственное существование для разума – сомнительно. Последний довод всегда остается за верой.

Мы остановились. Если Альга и ощущала какую-то неловкость оттого, что я заговорил с ней на подобную тему, я не замечал этого. Я был увлечен своими мыслями. Меня переполняла потребность как-то объяснить ей, что происходит у меня в душе. Сейчас никто не обсуждает вечные вопросы. Это даже считается признаком дурного тона. А может, в этом сказывается своеобразное табу – страх перед огромностью этих понятий. В лучшем случае люди решаются заговорить об этом со священником, а в худшем – с психологами или даже психиатрами. Стоит лишь заговорить об этом – ну вот, опять постился в философию!

– Ты знаешь, – горячо продолжал я, бессознательно беря Альгу за руку, – я чувствую, что во мне что-то совершается. Мне кажется, еще есть надежда, что в моей душе все уложится в спокойном и прекрасном порядке...

Как жаль, что я не мог ей рассказать всего! Ведь она была лучшей подругой Майи... Нет, нельзя было даже намекнуть на свою мечту, на «прощальную улыбку». Я мог только ходить вокруг да около.

– Знаешь, Альга... – пробормотал я, но снова сбился и еще крепче сжал ее руку. Наверное, ей показалось, что я не в себе. – Вот что я хотел сказать, – быстро заговорил я, боясь упустить нить, – я ведь действительно иногда становился очень верующим человеком и молился отчаянно и искренно! Когда Александр был совсем маленьким, тяжело болел, температурил,

задыхался в жару, меня охватывал такой ужас, что он может умереть, что я по сто раз твердил «Отче наш...» И когда Наташа болела, и отец с матерью. В такие моменты все проясняется с ужасающей простотой! Бывало и так – на один день сделался истово верующим, а завтра – опять неверующий... – Я неловко улыбнулся. – Лет пять тому назад, как раз перед тем, как началась эта эпопея с проектом, маленький Александр подошел ко мне в слезах. Оказывается, ему кто-то объяснил, что папа с мамой, то есть я и Наташа, как некрещенные, не попадем в рай, где будут все наши и он, Александр, в том числе. Его потрясло не то что мы не попадем в рай, а ужас разлуки. Чтобы не огорчать малыша, я пообещал креститься. О. Алексей окрестил меня по-свойски, по-дружески, прямо на дому, ни о чем не спрашивая. «Господи, я ж неверующий, ей-Богу!» – честно признался я нашему батюшке. «Не тебе, дураку, судить об этом! — последовал естественно ответ. – Ты очень даже верующий...» Я крестился, можно сказать, только ради Александра. Или вот еще, – продолжал я. – Когда мне впервые привиделась Москва, и меня буквально качало от упоения этой идеей, я тоже без конца повторял «Господи, Господи!...», как будто он предстал предо мной в полной своей силе и славе... Не говорю уж о том, что я чувствую его близость, когда предаюсь размышлениям о собственной смерти и отваживаюсь вообразить себе этот неизбежный момент. Это очень трудно и страшно. Кажется, не хватает дыхания и ты обречено бьешься в тесной могиле. Потом, будто открывается какая-то дверка, и сердце обрывается в бесконечную пустоту. Вот эта пустота еще страшнее небытие, страшнее замурованности могилы. Там бездна. Эта черная бездна, словно верховное и всеильное существо, ждет тебя. Готова принять тебя!.. Может это и есть ужас перед Господом, один шаг до веры?

Как ни странно, Альга слушала меня с большим вниманием и даже не отнимала руки. Как будто смирилась с тем, что должна выслушать меня, дать выговориться до конца. Но я-то знал, что до конца – о Майе – у меня все равно не хватит духу... Я вечно балансировал на грани.

– К чему я все это говорю?.. – пробормотал я. – Ах да!.. Так вот. Только в критические моменты я становился верующим и мои молитвы были действительно молитвами. Если уж молиться, то, по-моему, нужно молиться так, как однажды молился мой Александр...

И я рассказал ей, как горячо и удивительно молился сын о спасении своего Братца Кролика и других игрушек, приговоренных Косточкой к казни.

– Иногда, – продолжал я, – разговоры о религии и вере мне и самому кажутся странными, нелепыми. Даже до неприличия манерными, лицемерными. В них всегда есть что-то праздное, натянутое. Совсем не то, что, к примеру, у Федора Михалыча – страстные, насущные поиски высшей истины. Я вот даже сам с собой заговариваю о чем-нибудь подобном, словно тут же ловлю себя на том, что представляюсь и ломаюсь. Или еще хуже – умствую. Но ведь я вовсе не представляюсь... А иногда мне кажется, что в самой мысли о Боге есть что-то навязанное извне, а самой религии, может быть, уж давно не существует. Что от нее остались рожки да ножки. И я вынужден в этом копать. Но ведь и эти рожки да ножки кому-то нужны, раз мы никак не оставляем поисков! А?.. Странно. Тут какая-то раздвоенность. С одной стороны, с точки зрения современного человека, сам предмет давно утратил всякую значимость. Идея окончательно увяла, истрепалась, загнила и рассыпалась в прах. С другой стороны, я отдаю себе отчет, что нет-нет, а меня тянет об этом поговорить, поразмышлять. Пусть это чистая рефлексия, пусть так. Однако это присутствует в моей жизни. Что-то не дает мне успокоиться. Никакие слова, никакие «окончательные» схемы и решения не бывают окончательными. Однажды, например, я твердо сказал себе: я не верю ни в Бога, ни в бессмертие. Не верю, потому что ничего об этом не знаю. Но что же тогда происходит у меня в душе? Кажется, я с самого раннего детства чувствую в себе что-то вроде надежды, такой надежды, какую, говорят, испытывает приговоренный к смерти: дескать, ничего, еще произойдет, успеет произойти какое-то чудо, откроется дверка. Надеется до последнего. Пока не затянется петля, пока не упадет топор... Говорят также, что такая мысль есть чисто психологический феномен, который удерживает

человека от безумия, беснования, отчаяния. Но что такое – психологический феномен?!.. Как бы там ни было, со мной происходит то же самое. Кроме того, в моем случае, как будто еще есть, есть время. Вот в этом, пожалуй, и состоит вся моя вера, то прибывающая, то убывающая: в конце концов я сам найду, открою нечто такое, что объяснит мне все, заменит бессмертие, даже Бога... С этим ощущением я работал над проектом Москвы... Ты понимаешь меня? – беспокойно воскликнул я.

– Я понимаю, – кивала Альга, – понимаю.

– Но все-таки не с этими мыслями я входил сейчас в церковь, – со вздохом признался я.. – Ведь жизнь состоит не из одних героических озарений и предсмертных агоний. А моя жизнь до сих пор лишена чего-то такого, что могло примирить меня с ней, внести в нее свет, полноту... – (Слово «любовь» я, естественно, не смел произнести вслух). – А теперь у меня вдруг появилась надежда на такое просветление. С тех пор как она, эта надежда, появилась, я чувствую себя счастливым. Еще не знаю, что из этого выйдет, но, кажется, теперь я понял, что именно может дать мне покой и уверенность во всей остальной жизни – жизни между мгновениями ужаса и вдохновения. Вот тогда, наверное, меня можно будет назвать верующим человеком...

Я продолжал держать ее за руку. Мне показалось, что Альга чуть-чуть покраснела. Эка куда меня занесло!.. Я спохватился, что ни с того, ни с сего обрушил на девушку душевные излияния, с которыми собирался явиться совсем в другом месте и перед другой девушкой. С какой стати Альга должна была все это выслушивать! Я должен был сказать это Майе. Чего доброго Альга могла принять их на свой счет, подумать, что я подобным замысловатым образом подбирался к тому, чтобы объясниться в любви ей. Боже, как нелепо и как глупо все оброчивалось!

Я поспешно выпустил ее руку. Пока я подыскивал слова, чтобы развеять невольную двусмысленность, Альга спокойно кивнула:

– Я все понимаю, Серж. И очень рада за вас.

Я почувствовал, что она действительно все поняла правильно и не жалел о своих откровениях. Но какая, однако, у нее способность понимать! Недаром Майя так любила свою подругу. Удивительная девушка!

– А ты, Альга, – спросил я, – о чем ты сегодня молилась в храме?

– Что? – рассеянно переспросила она, словно переключившись на другие мысли. – О чем я молилась?

– Там, в церкви, я тебе помешал. Не предполагал, что ты такая религиозная девушка. Так о чем, если не секрет?

– Не знаю, я об этом не думала.

– Как? Пришла же ты в церковь! Я видел, как ты смотрела на образа – как будто разговаривала с ними.

Альга зябко повела плечами и оглянулась, словно ей сделалось неуютно стоять посреди аллеи.

– Хорошо бы выпить кофе с молоком, – с неожиданной энергичностью предложила она. – Зайдем в кафе? – и, не дожидаясь ответа, зашагала через улицу к стеклянной двери маленького бара.

Я пожал плечами и снова последовал за ней.

Она уселась в дальний уголок, а я порылся в карманах, выскреб мелочь, которой едва хватило на чашку кофе и пару пирожных. Поставив кофе и пирожные перед девушкой, я повторил свой вопрос.

– Вообще-то я приходила по делу, – сказала Альга. – Мне нужно было посоветоваться. Я была у батюшки раньше вас, чтобы поговорить... Поговорить о маршале и о Папе.

Сначала она заглянула к попадье Марине, но та настоятельно посоветовала ей обратиться к самому о. Алексею.

– Да, забавная история, – улыбнулся я. – Папе, наверное, пришлось поволноваться.

– Очень забавная, – тихо проговорила Альга. – Он его хочет убить.

– Кто кого хочет убить? С чего ты взяла?

– Вы и сами знаете, Серж, Папа не прощает таких вещей. Может быть, батюшке удастся смягчить его. Иногда ему удается повлиять на Папу.

– Ну конечно. Я тоже говорил об этом с о. Алексеем. Он повлиял. Батюшка заверил меня, что все обойдется. Папа всех простил. Мне даже показалось, что батюшка намекал, что это ты, Альга, действуешь на него благотворно. Ты – его добрый ангел...

Я хотел пошутить, по-дружески, а ляпнул несуразное. Ляпнул, а потом подумал, что, может быть, это обидит Альгу. Я явно лез не в свое дело.

Но Альга ничуть не обиделась. Напротив, охотно объяснила, что и правда находилась около Папы несколько дней после покушения. На этот раз все обошлось без особых последствий. Папа в порядке, но ему нужно было отлежаться и он очень просил, чтобы она побыла рядом. При этом дал понять, что будет вести себя абсолютно корректно. Не могла же она отказать в такой ситуации, верно? Нет, не могла, и плевать ей на все сплетни!

– Правильно, – поддержал я ее.

– Он почти успокоился, – продолжала Альга, – но история с маршалом привела его в бешенство. Хотя внешне он держится абсолютно спокойно. Никаких эмоций. Это-то меня, Серж, больше всего и пугает – его спокойствие.

Я задумчиво покачал головой.

– Но наш маршал, он-то что себе думал! Что за вольности с Папой!

– Да он тут не при чем, – сказала Альга, подняв на меня свои изумрудные глаза.

– Как так не при чем?! – воскликнул я. – Ничего себе не при чем!

– Но это действительно так, – вздохнула она. – То есть так выходит...

Альга была рядом с Папой, когда все это происходило.

Шифрованные личным кодом сообщения от маршала приходили по факсу. Их нельзя было назвать иначе, как ультиматумами. Маршал заявлял, что отныне готов играть в одной команде с Папой только в том случае, если его произведут в генералиссимусы и сделают в официальной иерархии вторым человеком после Феде Голенищева. Мол, только в этом случае Папа может считать, что ситуация находится под контролем. Тон депеш был самый напыщенный и вызывающе дерзкий. К тому же они содержали эмоциональные пассажи весьма сомнительного свойства. В такой надменный, отчасти даже ребяческий тон взрослый человек может впасть разве что когда его действительно обуревают бес тщеславия и он утрачивает чувство реальности.

– Он мне показывал эти послания, – сказала Альга.

«Как он, однако, тебе доверяет», – чуть не вырвалось у меня.

– Мне это ни к чему, – словно прочитав мои мысли, продолжала Альга. – Я в этом мало что смыслю и, к тому же, совершенно неподходящий для этого человек. Но Папе вдруг взбрело в голову, что я должна сделаться его доверенным лицом. Не знаю, зачем ему это нужно, что с ним сделалось.

– Он-то, я думаю, это хорошо знает, – сказал я без тени иронии.

Я испытывал к девушке что-то вроде сочувствия.

– Едва мы остаемся с ним наедине, – вздохнула она, – у него ужасно развязывается язык. «Я в тебя верю, верю больше, чем самому себе». Он словно шутит. «Мне необходимо знать твое мнение».

– Почему бы и нет? Ты мудрая девушка.

– Да ведь вам тоже почему-то захотелось поделиться со мной своими мыслями, – тихо напомнила она.

– Да, это так, – смутился я.

– Маршал все-таки наломал дров, – сказал я немного погодя, – но с чего ты взяла, что Папа затаил против него смертельную обиду?

– Просто знаю и все. Понимаете?.. Знаю!

В голосе молоденькой девушки звучала убежденность, пронизательность умной и опытной женщины. Нешуточная тревога, также звучавшая в ее голосе, развеяла остатки моих сомнений. Я тоже забеспокоился.

– Да, это возможно... – пробормотал я.

Эта история спровоцировала самые опасные последствия. Я и сам замечал, что вокруг Москвы становится все беспокойнее.

– Значит, ты рассказала батюшке о настроениях Папы... Что же наш отец Алексей? Почему он так уверен, что маршалу нечего опасаться?

Альга едва уловимо двинула темными бровями, как будто засомневалась, пойму ли я ее.

– Я беспокоюсь за Папу, – объяснил я. – Но, главное, конечно, я беспокоюсь за нашего храброго маршала. А особенно, за его семейство – за боевую подругу Лидию и их сорванцов двойняшек Гаррика и Славика. Страшно подумать, если Папа...

– Вы знаете, Серж, – прервала меня Альга, – оказывается, что как раз из-за них, из-за этих «сорванцов» как вы говорите, все и произошло.

– Из-за Гаррика и Славика? Из-за детей?!

– Ну да, из-за детей, – кивнула девушка и пересказала мне разговор с о. Алексеем.

Открывались удивительные обстоятельства.

После того как она поделилась с батюшкой опасениями насчет зловещих настроений Папы и попросила по возможности повлиять на Папу, чтобы тот не на словах, а на деле отказался от мести, батюшка впал в долгую задумчивость. Затем принялся с необычной для него деликатностью и мягкостью расспрашивать Альгу о ее отношениях с Папой. Она рассказала все, что только что рассказала мне. Тогда батюшка сказал:

– Я со своей стороны конечно приму все меры. Снова приступлю к нему с самыми настойчивыми увещеваниями. Но, пожалуй, ты, дитя мое, сможешь сделать гораздо больше, воздействовать на Папу гораздо убедительнее...

– Каким это образом, батюшка? – спросила Альга.

Неужели он намекал на ее женские прелести? Нет, об этом не могло быть и речи.

– Это правильно, правильно! – горячо поддержала мужа попадья Марина, которая присутствовала при разговоре. – Это очень мудро!

– Цыц, матушка, не егози! – строго прикрикнул на нее о. Алексей и снова погрузился в задумчивость.

Потом сказал:

– Видно, придется согрешить, нарушить тайну исповеди. Впрочем это не совсем исповедь. Маршал приходил ко мне, я говорил с ним... – объяснил он, все еще находясь в большом сомнении.

– Помоги, батюшка! Я буду за тебя молиться, миленький! – снова не утерпела попадья. – Бог за доброе не осудит.

– Кто знает, матушка, – улыбнулся о. Алексей, нежно глядя на жену, – может быть, и не осудит. Во всяком случае я вижу, что Господь слишком добр к таким трещеткам, как ты...

После чего он рассказал им обоим о том, в чем признался ему маршал Сева.

Во-первых, маршал просил прощения совершенно искренне. Во-вторых, хотя и раскался, но все-таки не решился признаться Папе в истинных обстоятельствах произошедшего. Беднягу мучил жесточайший стыд. Дело в том, что маршал Сева даже не помышлял, чтобы требовать себе этого проклятого «генералиссимуса». Он был целиком поглощен ревностным исполнением своих обязанностей. В частности, принимал меры, чтобы в связи с переходным периодом по его ведомству не возникло никаких отказов: проводил одно важное совещание за

другим, связывался с отдаленными военными округами и штабами, консультировался с заместителями и, наконец, анализируя поступающую информацию, готовил на следующий день соответствующий отчет Феде Голенищеву и Папе... Пока он буквально сбивался с ног от усердия, его отпрыски, двойняшки Гаррик и Славик, забрались в отцовский кабинет и, воспользовавшись его отсутствием, принялись развлекаться с служебной связью. Очевидно, им заранее были известны личный шифровальный код маршала, а также номера абонентов в сети спецсвязи. Они-то и отправили Папе и Феде Голенищеву известный вопиющий ультиматум, а затем, когда от Папы и Феде стали приходиться недоуменные запросы, отвечали в резкой, грубой форме. В общем, когда ничего не подозревающий отец обнаружил в своем персональном компьютере копии возмутительных посланий (а также без труда выяснил их происхождение), его едва не хватил удар. Вдобавок, ошеломленному отцу доложили, что к нему собирается явиться сам Папа, который, как известно, еще толком не оправился от контузии и находился в довольно нестабильном психическом состоянии. Первой мыслью злополучного «генералиссимуса» было пустить себе пулю в лоб. Однако тревога за судьбу Отечества, а также беспокойство за близких, удержали его от отчаянного шага, и он сам рванулся навстречу Папе. Перед этим, правда, он успел хорошенько выдрать обоих маленьких негодяев и пригрозил, что немедленно сдаст их в самый суровый интернат. Ему было невыносимо стыдно признаваться, что всему виной его собственные детки, и, представ перед Папой, он принял вину на себя, объяснив все своим крайним переутомлением и даже временным затмением разума.

– Делай со мной что хочешь, – заявил поседевший в одночасье маршал. – Я приму отставку в любой форме! И вообще, готов искупить любой ценой... – И вложил в руку Папе пистолет с взведенным курком. Папа задумчиво повертел пистолет в руке, а затем, сняв с боевого взвода и аккуратно поставив на предохранитель, вернул маршалу.

– Выспись, Сева, – мрачно посоветовал он, – а там видно будет.

Альге Папа цинично признался, что по его мнению, дескать, для всех было бы славно, в том числе для маршальского семейства, если бы неуравновешенный солдафон, от которого и впредь можно ждать любых сюрпризов, ушел из жизни при каких-нибудь случайных, но вполне гуманных и достойных обстоятельствах. Так, чтобы и не ставить под удар общее дело и, учитывая прошлые заслуги маршала, чтобы его вдова и детишки были сполна обеспечены персональной пенсией и различными компенсациями.

– Что же посоветовал тебе отец Алексей? – спросил я, содрогаясь от услышанного, но стараясь уверить себя, что эта беда как-нибудь обойдет нас стороной.

– Он считает, что мне нужно рассказать обо всем Папе. Причем по секрету от маршала. Объяснить, пока не поздно, как все было на самом деле. Рассказать об этом детском «баловстве» и о намерении маршала определить детей в Пансион, который Папа как раз решил завести в Деревне. Это должно особенно понравиться Папе. И он, конечно, смягчится.

Я подумал, что это весьма логично.

Кстати, о детском Пансионе в Деревне. Несмотря на то, что с кончиной престарелого правителя наступила горячая пора, Пансион не был забыт, и своего распоряжения о его организации Папа не отменял. Напротив, и в траурную неделю в связи с похоронами правителя и когда приходил в себя после покушения, он следил за его исполнением. Переоборудование строений под новые нужды шло полным ходом – четко и аккуратно, как это у нас умеют, если Папа того потребует. Огорчать-то его никому не хотелось... Между прочим дядя Володя уже несколько раз приставал ко мне с тем, чтобы я согласился исполнять должность проектировщика и прораба. Но мне это было совершенно неинтересно.

Каникулы в городском колледже, где учились наши дети, подходили к концу и Папа распорядился, чтобы к началу учебы необходимые приготовления в Деревне были закончены, и занятия начались в срок... Было одно обстоятельство, огорчавшее Папу. Никто из наших не спешил разделить идею о помещении детей на постоянное жительство в Деревню. Лишь

о. Алексей, который и прежде тяготился тем, что его чада вынуждены жить среди городской скверны и разврата, сразу распорядился отослать детишек на природу, не взирая на стенания своей матушки попадьи. Оно и дешевле выйдет, полагал он. Колебались супруги Толя и Анжелика Головины. Толстушке Анжелике, муж которой сутками пропадал на службе, в общем-то было бы даже удобнее, да и спокойнее, жить в Деревне рядом со своим Алешей. Но пока и она не решалась. Остальные под различными благовидными предложениями и вовсе отказывались. Что касается меня, то я решительно возражал, чтобы отпускать Александра от себя. Наташа, кстати, была за Пансион, что и понятно – из солидарности с Мамой, хотя сама мотивировала это тем, что в квартире у нас идет ремонт, что нас по целым дням не бывает дома, и вообще ребенку будет лучше на природе, но я категорически стоял на своем и выдерживал все наскоки. Если уж на то пошло, за Александром прекрасно присматривали наши старички, а в Деревню мы и так выезжали почти каждые выходные. Я еще не забыл, что Косточка настроен против Александра, и, естественно, не хотел, чтобы тот третировал моего сына. Таким образом, обещание Мамы, данное маленькой Зизи и Косточке, что в Деревне соберется вся их прежняя школьная компания, пока повисло в воздухе. И вот теперь в числе маленьких пансионеров намечилось существенное пополнение. Гаррик и Славик должны быть сосланы за свое «баловство» в Деревню.

– Как вы думаете, Серж, – спросила Альга, – это действительно смягчит Папу?

– Не знаю. Но думаю, зависит оттого, как ты с ним поговоришь... Я бы на твоём месте, – не утерпев, прибавил я, – прежде посоветовался с Мамой.

Я произнес это как можно внушительнее и серьезнее, и, конечно, для того, чтобы соблюсти наши внутрисемейные интересы. По крайней мере мне казалось, что мой долг – занять соответствующую «нравственную» позицию. Лично я против Альги ничего не имел. Скорее даже с самого начала питал к ней симпатию.

– Мне – советовать с Мамой? Зачем вы это сказали, Серж? – тихо проговорила девушка, покачав головой. – Ведь вы знаете, как ко мне относится Мама...

Честное слово, мне вовсе не хотелось ее обижать.

– Прости! Я ничего такого не имел в виду, – с сожалением пробормотал я, чувствуя, что мое сожаление еще больше усугубляет неловкость.

– Глупости, – вдруг улыбнулась она, и в ее глазах засветилось неожиданное лукавство. – Я, пожалуй, все же попробую с ней посоветоваться. Через Майю, конечно.

– Между прочим, – обрадовался я, поднимаясь с места, – я как раз собирался заглянуть к Майе, поглядеть, как она устроилась на новом месте. Может, отправимся вместе? Все и обсудим...

– Нет-нет! – поспешно возразила Альга. – Вы уж один. Я зайду к ней как-нибудь потом.

– Ну как хочешь, – вздохнул я. – Тогда пока.

– До свидания.

И я вышел из бара. Все это было весьма странным. Мне снова полезло в голову то, что рассказывал об Альге доктор. Интересно, что бы сейчас он сказал о ней?

3

Наконец-то. Вот он мой любимый Западный Луч! Я поднялся на площадку третьего уровня и запрокинул голову. Высоко вверх летели сверкающие на солнце стекла широких окон. Нежно золотился фасад, отделанный светлой бронзой. Я, конечно, не мог разглядеть снизу окна Майи, но, приложив руку козырьком ко лбу, долго всматривался туда, где здание суживалось и виднелась тонкая декоративная балюстрада. Там и находился чудесный сорок девятый этаж.

Я сунул в щель замка карточку пропуска и, войдя, оказался в просторном холле. Сбоку за небольшим окошком помещалась комната службы безопасности. Молодой востроглазый вахтер тут же вышел и услужливо бросился ко мне. Кажется, он опознал мою личность, и поинтересовался, не нужно ли меня проводить. Я покачал головой, но он все-таки проводил меня до лифта, вызвал его и подождал, пока я войду в кабину. Когда двери задвигались, я увидел, что вахтер даже слегка поклонился. Эти ребята чрезвычайно дорожили своими местами и сами вымуштовывали себя до раболепия. Апартаменты в Западном Луче снимали в основном сливки культурной среды – продюсеры, менеджеры, художники, артисты, певцы. С таким контингентом не соскучишься, а главное, этот контингент относительно приветлив и щедр – как душевно, так и в смысле чаевых.

Зеркальный лифт понесся вверх с сумасшедшей скоростью, но разогнался необычайно плавно. Я смотрел, как мигают разноцветные сенсорные кнопки этажей и поймал себя на мысли, что радуюсь, словно ребенок, когда выпадает случай прокатиться повыше. Сквозь зеркальные стекла мелькали холлы этажей, некоторые из них были задрапированы яркими коврами, а другие сплошь озеленены.

Едва я ступил из лифта в холл сорок девятого этажа, как увидел Майю. Она вышла мне навстречу и стояла, прислонившись плечом к дверному косяку на пороге своих новых апартаментов. Стало быть, услужливые ребята снизу уже успели доложить от моем приходе. На ней были длинный ангорский свитер, узкие серые брюки и синие туфельки.

Мне хотелось все здесь рассмотреть подробно и неторопливо – начиная с продолговатого овального холла, стены которого были заделаны пластиком цвета яичного желтка и в ярком освещении многочисленных светильников приобретали веселый солнечный оттенок. Здесь тоже было изобилие декоративной зелени, распределенной каким-то особым образом, создающим впечатление просторной летней беседки. Мне бросились в глаза густые, похожие на виноградные лозы, ветви вечнозеленого растения, поднимавшиеся к самому потолку. В простенках виднелись пластиковые светильники в виде фигурок зверей, словно вылепленные из сияющего воска.

Увидев меня, Майя едва махнула мне рукой и исчезла в глубине апартаментов. Я торопливо прошел через холл, перешагнув порог ее «гнездышка». Из глубины помещения долетало эхо ее каблучков. Я быстро пошел наугад через пространство, искусно разделенное перегородками. Здесь еще не было никакой мебели. Стены – очень светлые, меняющего по гамме кремового оттенка, полы – тоже солнечно—светлые, ясеневого. Еще сильно ощущались не выветрившиеся запахи отделочных материалов – лаков, красок, шпаклевок и грунтовок, но они не раздражали, а были даже по-своему вкусны и свежи.

Не успел я понять, что и где должно было располагаться, как уже оказался на кухне. В отличие от других абсолютно пустых помещений, кухня была полностью укомплектована. Посреди красовалась керамическая жаровня с мощной медной вытяжкой...

Майи и здесь не было. Я обогнул жаровню, в которой едва тлели натуральные угли, направился дальше — на небольшую застекленную лоджию. Через стеклянную дверь я попал на открытую смотровую площадку.

Майя стояла облокотившись на массивный мраморный парапет.

В первый момент меня поразило пространство, в котором я очутился, и я не сразу сообразил, в чем тут дело. Был полдень, и с высоты сорок девятого этажа я, естественно, ожидал увидеть громадную, захватывающую дух панораму Города. Можайское шоссе, Москва-реку, заснеженные пригородные леса. Но ничего этого не было. То есть вообще ничего. Все куда-то пропало. Непосредственно за парапетом начиналось матовое, молочно-белое пространство. Без намека на какие-либо очертания или неравномерности. До того неопределенная, белая и неизмеримая пустота, что зарябило в глазах. Такое впечатление, что пространство вообще перестало существовать, и мы погрузились в небытие. Только минутой спустя я понял что к чему. Это был обыкновенный туман. Или, вернее, сплошное облако, накрывшее Москву и Западный Луч, пока я поднимался наверх.

Погода начала отсыревать еще несколько дней назад, температура ползла к нулю, и стали низкие облака сбиваться в кучу. Находясь внутри Москвы, на ее нижних уровнях, где сияло искусственное освещение, пронзительное, словно в ясный солнечный полдень, я напрочь забыл о том, что происходит снаружи, и таким образом, поднявшись наверх и оказавшись на свежем воздухе в самой гуще сырого тумана и молочных облаков, был застигнут врасплох и введен в заблуждение оптической иллюзией.

– Где ж наша родная авиация? – пошутил я, вглядываясь в пелену. – Хорошо бы немножко разогнать этот кисель! О чем думает Федя Голенищев со своим предвыборным штабом! Каких-нибудь несколько центнеров серебра в агитационных целях. Кстати, и народу было бы веселее митинговать при солнышке.

– А мне нравится этот туман, – вполголоса проговорила Майя. – Как будто вообще ничего нет...

«Пусть так. Действительно. Только ты и я», – мысленно добавил я, радуясь, вернее, наслаждаясь ее обществом и нашей иллюзорной изолированностью от всего мира. Если бы только этот миг длился подольше!

Однако я сразу заметил в поведении Майи какую-то несвойственную ей скованность. Девушка не то чтобы хмурилась или была не в духе, но двигалась как-то неловко и как будто избегала смотреть в глаза. А ведь она всегда была такой насмешливой, такой проказливой! Некоторое время мы постояли вглядываясь в туман. Не верилось, что перед нами разлеталось огромное пространство, а внизу разверзлась пропасть почти в две сотни метров. Иногда мерещилось, что в тумане мелькают птичьи крылья. Хотя маловероятно. В таком тумане птицы, наверное, не смогли бы ориентироваться. Мы продрогли, и Майя повела меня показывать апартаменты.

И снова, на этот раз неторопливо, мы прошли по еще пустым комнатам. Трудно было представить, какая тут будет обстановка. Что это – офис? Жилое помещение? А может быть, все-таки семейное гнездышко? Но Майя молчала, и я тоже прикусил язык. Я-то, конечно, мог мечтать о чем угодно, но... В общем, скованность овладела не только Майей. Я и сам зажался. Мы ходили по комнатам, отшатываясь друг от друга, словно одноименные магниты, а если в дверях или в коридоре нам случалось едва задеть друг друга, я ощущал внутреннюю дрожь. Причем эта дрожь не имела никакого отношения к томлению и уж, само собой, не являлась следствием любовной прелюдии. Все дело в этой нарастающей обоюдной неловкости. Не то что взять ее за руку, я не решался даже приблизиться.

«Пусть так, – решил я про себя, – а куда нам, собственно, торопиться?»

– Хочешь есть? – спросила Майя.

– Ужасно, – с готовностью кивнул я.

– Не знаю, – пробормотала она, – посмотрим чего там найдется...

Мы вернулись на кухню, и Майя с серьезным видом принялась перебирать в холодильнике какие-то продукты. Что-то уронила на пол, чертыхнувшись, подняла, бросила в мусорное ведро.

– Давай я тебе помогу, – вызвался я.

– Ну помоги, – хмыкнула она, поспешно отходя в другой угол кухни.

Пока я занял ее место перед холодильником и инспектировал его содержимое, Майя бесцельно слонялась по кухне, а потом двинулась к двери.

– Мне нужно позвонить, – сказала она.

В результате я остался хозяйничать на кухне в одиночестве. Я достал с полки бутылку красного вина, взял стакан, наполнил его на одну четверть и одним глотком влил в себя терпкое, чуть теплое «каберне».

И сразу мои мысли потекли в нужном направлении, а внутреннее напряжение заметно спало. Я принялся целенаправленно припоминать тот «первый случай», с которого, собственно, в моей душе и забрезжила мечта о «прощальной улыбке».

Странно подумать, но это случилось уже достаточно давно: еще прошлым летом.

Мы с Наташей выехали на выходные из Города навестить Александра, который вместе с нашими старичками гостил в Деревне. Был летний день, чудесный, длинный, жаркий. Папа в тот раз отсутствовал. Кажется, он уже тогда появлялся на природе лишь в том случае, если у Майи гостила Альга. Закономерность, конечно, была слишком явной, но все делали вид, что это просто совпадение. Меня всегда удивляла «слепота» Мамы на этот счет. Впрочем, если поразмыслить, то ничего удивительного в этом не было. Мама хорошо знала себе цену, сама была очень красивой женщиной, а главное, никогда бы не унизилась до мелочной ревности.

Мы купались и загорали, ели вишни, пили квас. Густая листва шелестела тяжело и сонно. Река была прозрачной и прохладной, а песочек желтым и горячим. Мы с женой не то чтобы были в ссоре, но, кажется, чрезвычайно друг друга раздражали. Что касается меня, то я давно понимал, что именно раздражало меня, но вот над тем, что раздражало мою жену как-то не задумывался. Были у жены две ключевые фразы: «я хочу наконец пожить по-человечески!» и – «я хочу, чтобы у меня было все, как у людей». Если смысл первой фразы от меня как-то ускользал, то «все, как у людей» означало конечно «как у Мамы». Как будто остальная и подавляющая часть нашего народонаселения процветала. Впрочем, я никогда не внушал жене, как надо жить. Особенно, с оглядкой на народонаселение. Да и ни к чему это было.

Конечно, все упиралось в деньги. Ведь я не был Папой! В начале нашей совместной жизни я перебивался незначительной проектной халтуркой (особняки, офисы и т.д.), перепадавшей от сановитых знакомых Мамы. К тому моменту я уже лелеял свою идею, но для ее материального воплощения требовались кое-какие вложения, поэтому почти половину гонораров от халтуры пришлось угрохать на покупку материалов для конкурсного макета, а также на мощный графический компьютер, необходимый для архитектурного моделирования. Согласен, мы не жировали, но ведь и не бедствовали! За исключением, пожалуй, короткого периода накануне того звездного дня, когда моя градостроительная идея была принята, и я получил первый большой аванс. К этому времени жена все чаще повторяла, что хочет «жить как люди». Аванса нам как раз хватило, чтобы успеть вбабахать его в первый этап «жизни по-человечески», а именно в грандиозный ремонт собственной квартиры, который вольнился несколько лет. Даже те деньги, что приберегали на черный день, мы на радостях истратили – на приобретение царского столового сервиза на пятнадцать персон, с которым, якобы, было не стыдно принимать гостей. Сразу после этого наша нищета сделалась более чем реальной. Нарыв в наших отношениях как бы окончательно созрел. Созреть-то он созрел, но никак не прорывался.

Мама чрезвычайно сочувствовала моей жене и, как могла, пыталась помочь подруге. Сначала давала денег в долг, а затем склонила к тому, что пришло, наконец, время пожить для себя, то есть сделаться деловой женщиной и самой зарабатывать приличные деньги. В конце

концов она устроила Наташу на «приличную» работу в один из многочисленных общественных фондов, в которых сама вела бурную деятельность.

Но денег все равно катастрофически не хватало. Их пожирал нескончаемый ремонт и стремление жить «по-человечески». Правда, еще некоторое время я тоже добывал какие-то деньги, кое-что уходило на «идеи», но после того, как детальной проработкой проекта занялись другие люди, а Москва начала подниматься во всей красе, я погрузился в перманентное переживание счастья (ведь достиг же я, достиг!), и практическая сторона вопроса перестала меня занимать. Макет, остатки материалов и даже компьютер я отдал за ненадобностью в полное распоряжение Александру, а сам парил, как бабочка над цветком, вокруг своего воплощенного творения. На деньги я вообще махнул рукой, полагая, что и впрямь пришло время, чтобы Наташа попробовала устроить у себя «все, как у людей». Увы, ни ее приличной зарплаты, ни моих редких, хотя по началу и довольно весомых гонораров, выплачиваемых в соответствии с контрактом поэтапно, нам не хватало. Тем более что к этому времени мы совершили, естественно, не без помощи и советов Мамы, родственный обмен и съехались с нашими старичками в одну большую, но чрезвычайно запущенную квартиру. Я не возражал по той простой причине, что квартира находилась в непосредственной близости от Москвы. Москва была в прямой видимости – сразу за рекой... Само собой, за обмен пришлось доплачивать и, к тому же, ремонт после переезда вскипел с новой силой и размахом и продолжался поныне.

Затем, слава Богу, мне начали присуждать всяческие архитектурные и прочие премии, и жена не могла пожаловаться, что движение к идеалу «человеческой» жизни застыло на мертвой точке. Очередную крупную денежную премию я получил как раз в то лето. Жена тут же наняла штукатуров и плиточников, приобрела «вполне приличную» соболью шубу – практически такую же приличную, как у Мамы, и «почти задаром». Увы, оказалось, что для приличной жизни в настоящий летний сезон тоже были позарез нужны кое-какие вещички, и через три дня после покупки упомянутой шубы деньги совершенно иссякли. Наташа снова впала в глубокую депрессию. Питались мы на пенсию наших старичков, а также прикармливались в Деревне. Каждый новый день начинался с взаимных упреков, ими же и заканчивался. Конечно ей было нелегко. Мое же существование скрашивали, во-первых, Москва, которой я никогда не уставал любоваться, а во-вторых, смутные мысли о «прощальной улыбке». Последнее, кстати, можно было объяснить чисто физиологическими причинами. Грубо говоря, с «предстательной» точки зрения. В моменты душевной депрессии Наташа накладывала на супружеские ласки полный мораторий, который мне себе дороже было преодолевать, и я смиренно дожидался потепления. В этот раз мораторий бессрочно затягивался. В течении целого месяца я спал отдельно и кое-как обходился «соло». Кризис был налицо, и как никогда раньше я стал посматривать на сторону. На какой-то очередной презентации и последовавшем фуршете я даже нарочно познакомился с одной интеллигентной и одинокой женщиной. Мы улыбались друг другу, я взял ее руку. Женщина была несомненно красива. И не отводила взгляд. Мы вышли в теплую июльскую ночь и некоторое время шли по Тверскому бульвару. Потом она пожаловалась на туфли, и мы сели передохнуть на скамейку. «Можно вас поцеловать?» – застенчиво спросил я. «Да, конечно, давайте поцелуемся. Вы мне очень, очень нравитесь», – радостно улыбнулась она. Повторяю, она была несомненно красива. Но когда я прикоснулся губами к ее открытым губам, то вдруг был поражен вопиюще чуждому запаху, исходившему от нее. Нет, строго говоря, в этом запахе не было ничего неприятного. Его, пожалуй, даже можно было назвать ароматом. Но это был чужой, чужой запах! Эффект, который произвело на меня прикосновение к чужой плоти, можно было сравнить с тем, как если бы вы, ужасно проголодавшись, поднесли ко рту кусок мяса и вдруг обнаружили, что мясо – сырое. Вот-вот, именно, все равно что пробовать на вкус сырое мясо. Может быть, это слишком грубое и нелепое сравнение, совсем не подходящее для такой романтической ситуации, но зато оно точно передает пронизавшее меня неприятное чувство. Попробуйте поцеловать сырую курицу! Вполне возможно, я про-

сто не имел к этому делу достаточной привычки. В общем, все оказалось для меня полной неожиданностью. Я представлял себе интимную близость на стороне несколько иначе. Проводив милую женщину домой, я сослался на головную боль и предпочел позорно скрыться.

Я приехал в Деревню поздней ночью и забрался под бочок к Наташе. В ответ послышалось сонное ворчание: мол, посмотри который час, имей совесть и вообще потерпи до завтра, когда у жены хотя бы будет соответствующее настроение. Видимо, мораторий чересчур затянулся. Что-то во мне надломилось. К счастью, не то, что я сначала подумал.

На следующее утро, не дожидаясь пробуждения жены, я улизнул из постели и, на скорую руку перекусив, отправился загорать на речку. Потом ко мне присоединилась остальная компания. С удовольствием повторяюсь и про то, что был чудесный летний день, и про горячий желтый песочек, и про реку – чистую и прохладную. Ближе к вечеру, но еще в самую жару, я лежал на животе и смотрел, как Майя выходит из реки и бежит по песку к нам. Как она падает на ладони, счастливо перекатывается, золотистый песок прилипает к ее животу, коленям, икрам. Она подползает ко мне и блаженно замирает. При этом ее рука вдруг оказывается под моей ладонью. Я чувствую, как бьются ее жилки, как по венам струится кровь. Я повернул голову и посмотрел в ее синие глаза. Они были широко раскрыты и казались чуть—чуть пьяными. Я обнаружил, что рядом со мной лежит страстная юная женщина. Не просто желанная женщина – чрезвычайно близкое и родное существо. Она не убирала руки и бесконечно долго смотрела мне в глаза. Потом попросила:

– Серж, дай мне пожалуйста ягодку. – И приоткрыла губы.

Я выбрал самую крупную вишню и положил ей в рот. Она улыбнулась... Дальнейшее вспоминалось мне так, словно происходило в своего рода транс. Все продолжалось как будто совершенно естественным порядком, но, словно в сновидении, приобретало совершенно иной смысл. Я так желал ее, что у меня отнимался язык и замирало сердце. Мы еще раз или два испугались, Александр доел вишни, Наташа собрала полотенца, Мама накинула махровый халат, наши старички двинулись к дому, а мы за ними. Потом мы ужинали на открытой веранде. Солнце садилось. Самовар слегка дымил. Потом, оставив на столе варенье и чай, начали играть в карты. Солнце село, в воздухе разлилась приятная свежесть и сладко-сочный аромат метиолы. Папин садовник насажал ее в этом году повсюду, видимо-невидимо. По-моему, он был тихо помешанным.

Майя не играла в карты, просто наблюдала за остальными. Александр сначала играл, но его быстро сморило, и он, похоже, задремал – прямо на плетеном диванчике рядом с Майей. Маленькая Зизи давно спала на другом диване. Майя осторожно приняла Александра в свои объятия и нежно гладила. Она видела, что я исподтишка наблюдаю за ней и гладила Александра все нежнее и нежнее. Это было, конечно, озорство, но озорство необыкновенное. Я подозревал, что Александр не то чтобы спит, а так – находится в полусне. По крайней мере его щеки слегка зарумянились. В состоянии бодрствования он ни за что не позволял себя ласкать при всех. Даже Наташе. Не то что Майе. Майя гладила Александра, а сама не спускала глаз с меня. Ее глаза словно говорили: это тоже самое, это все равно что я ласкаю тебя!..

Наконец, этот чудесный день закончился. Мама зевнула, поднялась и сказала, что пора спать. Все зевнули по разу и согласились. Майя уже исчезла, но мне все казалось, что я вижу, как плавно двигаются ее нежные руки, я еще ощущал на себе пристальный взгляд ее глаз с расширенными зрачками и долго сидел на веранде, смотрел на звезды, словно ждал чего-то. Потом появилась сонная жена и сказала: «Иди, наконец, спать!»

С тех пор я не раз прокручивал в памяти этот летний день. Мне казалось, что я заглянул в какое-то прекрасное будущее...

В холодильнике обнаружили свиные отбивные, кочан цветной капусты, шампиньоны и томатный соус. Я сунул отбивные размораживаться в микроволновую печь, а сам занялся грибами и капустой. Репчатый лук и оливковое масло тоже имелись. Я подсыпал в жаровню угля и

установил чугунную решеточку. Рядом поместил глубокую сковороду. Хорошенько посолив и обмакнув отбивные в уксус, я бережно уложил их на раскаленную решетку, и, пока они жарились, вывалил в кипящее масло грибы, цветную капусту и лук. Не прошло и трех минут, как я подхватил эту смесь ситечком и, хорошенько отцедив, щедро добавил томатного соуса. К этому моменту отбивные, дважды перевернутые, замечательным образом подрумянились и вполне прожарились. Переложив мясо на тарелки, я залил его моим нехитрым соусом, а на небольшом блюде разложил горяченькие хлебцы, только что из тостера. Рядом с тарелками я поставил большие бокалы и наполнил их красным вином.

– Майя! – позвал я. – Все готово!

– Сию минуту! – отозвалась она.

Я слышал, как она говорит по телефону, но сначала не вслушивался. Кажется, она разговаривала с дядей Володей. То и дело до меня долетало: «Володенька, Володенька...» Постепенно сделалось ясно, что они обсуждали ход подготовительных работ в Деревне. Кажется, размах деятельности, связанной с идеей Пансионата, приобретал все новые масштабы.

Было очевидно, что Майя взялась за дело со всей душой и, судя по эмоциям, которые звучали в ее голосе, прониклась к нему самой горячей заинтересованностью. Она деловито обсуждала с дядей Володей не только подробности строительства, но даже вопросы внутреннего распорядка, подбора педагогического состава и общей учебной программы. Это меня весьма удивило.

Мясо остывало. Но я терпеливо ждал. Я поставил тарелки на край жаровни, глотнул еще вина. Я не мог не заметить, что, беседуя с дядей Володей, Майя чувствует себя совершенно свободно. Скованность, владевшая ею, когда мы оказались наедине, исчезла без следа. Она говорила с ним, как со старым приятелем, как с другом, которому всецело доверяет и с которым ее объединяет нечто чрезвычайно важное.

Меня больно уколола ревность, закралась глупая мысль: а что если Мама и Папа, начавшие пекься о будущем дочери, нарочно сводят Майю с дядей Володей?.. Но я сам себя одернул: какая чушь! Это был бы вопиющий мезальянс. По меньшей мере оскорбительный для таких родителей, каковыми были Папа и Мама. К тому же при такой значительной разнице в возрасте!.. Впрочем, насчет разницы в возрасте – это как раз не существенно. Разве, несмотря на разницу в возрасте, я не питал определенных надежд? Именно эта разница в возрасте и придавала мечте о «прощальной улыбке» особую прелесть и романтичность. Чепуха! Не может быть и речи! Майя и дядя Володя совершенно разные люди! Разве они подходят друг другу как мужчина и женщина?!.. Боже мой, кажется, меня опять не туда понесло. Чем глупее и безосновательнее подозрения, тем больше вероятности, что они сведут тебя с ума. Уж лучше я снова буду размышлять о «прощальной улыбке» и вспоминать о нашем «первом случае»...

– Представляешь, этот большой ребенок не смог толком проследить за ремонтом флигеля, где должны располагаться классы, и мы не успеваем к началу занятий! – как ни в чем не бывало воскликнула Майя, входя на кухню. – А все потому, что с самого начала не было единого проекта.

Она покраснела после разговора с дядей Володей и была очень хороша.

– Какого еще проекта? – пробормотал я, отрываясь от своих мыслей.

– Ну как же! Если бы у нас был проект нашего загородного колледжа, мы бы могли составить точный план всех работ и четко расписать все этапы. Так сказать в комплексе. А теперь прораб путается, рабочие работают спустя рукава.

– Да, – рассеянно кивнул я, – такое бывает...

Я поставил на стол тарелки с мясом.

– Пока я носилась по всему городу, нанимала персонал для того, чтобы за детьми был присмотр, как в лучших пансионатах, началась неразбериха с отделочными работами. А у этого растяпы не хватило духу пожаловаться на исполнителей Папе, чтобы тот принял меры.

– Как ты, однако, принимаешь все это близко к сердцу, – проворчал я.

– Послушай, Серж, – сказала Майя, – а, может быть, ты все-таки согласишься, возьмешь на себя общее руководство строительными работами?

– Я ведь не прораб, Майя, – пожал я плечами. – Я архитектор.

– Ну и что! Тебе ведь ничего не стоит вникнуть в это дело, разобраться с техническими подробностями, если нужно составить новое проектное задание. Мне кажется, оригинальная архитектурная идея в перспективе тоже не помешает. Пансион в Деревне – это ведь большое дело не на один год. Что ты об этом думаешь?

– Мне не нравится сама идея. Кроме того, это не интересно. Поверь мне! Глупо тратить на это время... Ешь, пожалуйста, а то совсем остынет, – сказал я, кивнув на мясо.

Майя рассеянно придвинула тарелку и взяла вилку и нож.

– Ну конечно, ты ведь у нас архитектор с большой буквы, – медленно проговорила она. – Тебя, кроме Москвы, ничего не интересует...

К сожалению, в этот момент я с аппетитом жевал мясо, у меня был полный рот, и я не мог ей возразить. Я только замычал и энергично замотал головой.

– Нет, я же вижу, ты весь в своих мыслях, – сказала Майя.

– Если я и думаю о чем-нибудь, то только о тебе, – признался я, сделав несколько глотков вина.

Она чуть-чуть покраснела. Так трогательно покраснела, как краснеют только молоденькие девушки. Как недавно покраснела Альга.

– Конечно, ты считаешь меня дурой и бездельницей, ни к чему не способной, которая от скуки ищет, чем бы таким умным заняться, – с обидой в голосе проговорила Майя.

– Ничего подобного, – заверил ее я, но, наверное, не слишком убежденно.

Мне и правда казалось, что последнее время Майя, Папина любимица начала жестоко скучать. У нее было довольно хорошее общее образование, но знания не были систематическими, не были направлены в конкретную сферу деятельности или специальность. До недавнего времени, насколько я знал, она вообще не обнаруживала склонностей к чему-либо. Одно время Папа вроде бы пытался приобщить ее к своим делам, сделать своей помощницей, но она не проявила к этому интереса. Потом возникла Альга, и Папа целиком переключился на нее. Мама тоже пыталась вовлечь Майю в свои дела, но, наверное потому, что Мама, взявшись за что-либо, не могла удержаться от того, чтобы потом держать все под личным контролем, Майя осталась равнодушной к подвижнической деятельности родительницы. Не влекла ее и богема. Альга, лучшая подруга полная ее противоположность, похоже, чувствовала себя среди богемы, как рыба в воде, но Майя, даже если бы захотела, не смогла бы безоглядно погрузиться ни в одну музыкальную, киношную или телевизионную тусовку, проникнуться ее интересами, сделаться своей. Она находилась под бдительной опекой Папы и Мамы и с вечно болтавшимися охранниками по бокам, выглядела бы среди богемного люда мягко говоря неорганично. В любой компании люди не находили ничего лучшего, как заискивать перед ней, надеясь с ее помощью заручиться поддержкой Папы и Мамы. Но главное, с тех пор как Папа сделался ее отчимом, она, словно оранжерейное растение, возвращалась и воспитывалась в покое и тишине. Всяческая суэта быстро ее утомляла. О мире богемы ей вполне хватало рассказов подруги. Вот поэтому, наверное, Пансион в Деревне вдруг оказался для нее отдушиной, сферой приложения душевной энергии. Стоило дяде Володе обратиться за помощью, как она взяла на себя большую часть организационных и хозяйственных вопросов, и теперь, кажется, была готова ревностно оберегать свои дела от вмешательства родителей. Надо отдать должное Папе и Маме. На этот раз они поступили мудро: мгновенно поняв ситуацию, всецело предоставили дочери самостоятельность, не докучали опекой и советами. Майя поладила с дядей Володей и на радость родителям прекрасно компенсировала его беспомощность в практических вопросах. Я был бы рад отвлечь ее от этих глупостей, но не знал, как.

– Давай выпьем вина, – предложил я и потянулся за бутылкой.

– Ты, пожалуйста, пей, Серж, – поспешно сказала Майя, – а у меня сегодня еще куча дел. Еще нужно переговорить со специалистами, съездить в Деревню.

Я уже жестоко жалел, что оказался таким неделикатным и толстокожим, пренебрег ее предложением насчет моего идейного руководства и, наверное, невольно отпугнул от себя. Может быть, даже обидел... Ясно обидел, болван!

– Хочешь поедем вместе? – самоотверженно предложил я, чтобы как-то загладить свою бестактность, доказать, что ее дела мне отнюдь не безразличны.

Но поезд уже ушел.

– Нет, тебе будет скучно, – решительно возразила Майя. – Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

Я решил, что лучше с ней сейчас не спорить, а попытаться вернуть доверие как-то исподволь. Мне хотелось, чтобы она почувствовала мое настроение. Хотелось избавиться от скованности, которая овладела нами. Хорошо бы напомнить ей о «первом случае» и отвлечь от мыслей о черепице, ковровых покрытиях и кафеле. Но, увы, я не знал, как перебросить мостик в нашем разговоре, чтобы снова оказаться в том чудесном летнем дне.

Я отставил бутылку в сторону, но Майя взяла ее, наполнила мой бокал и заставила меня выпить. Я чувствовал, что ее решительный, небрежный тон – лишь защита. Ей как будто было не по себе наедине со мной. В ее тоне, как однажды подметил дядя Володя, действительно проскальзывали покровительственные нотки, она бессознательно подражала Маме.

– Ты еще ничего не сказал, как тебе мои апартаменты, – напомнила она.

– А ты ничего не сказала, как тебе мое мясо, – улыбнулся я.

– О, мясо превосходное!

– И апартаменты тоже превосходные!

Мы молча резали мясо на маленькие кусочки, обмакивали в соус и отправляли в рот. Майя снова наполнила мой бокал и заставила выпить. У меня уже приятно кружилась голова, и я почувствовал, что должен повнимательнее за собой присматривать, чтобы не натворить чего и, паче чаяния, не впрячь телегу впереди лошади.

– Между прочим здесь можно было бы замечательно все устроить, – увлеченно заговорил я, обводя вокруг себя рукой.

– То есть? – рассеянно спросила Майя и машинально огляделась вокруг, явно не понимая, что я имею в виду.

Я ощутил прилив вдохновения. Перед моим мысленным взором уже забрежили счастливые картины.

– А вот, например, устроить что-нибудь эдакое в смешано-восточном вкусе! – начал я. – Вроде Бахчисарайского дворца в миниатюре. С дивными, родниково-прозрачными фонтанами в виде раскрытых бутонов роз, из золотистого мрамора. Вокруг все устлать натуральными персидскими коврами, поставить курильницы с благовониями и кальяны. Низкие, широкие диваны, обитые цветным атласом. Парчовые подушки с кистями. Золоченые клетки с соловьями и синими дроздами. Лазурные потолки, украшенные белой вязью орнаментов. Пусть тихо-тихо звенит ориентальная музыка, какие-нибудь примитивные тягучие пьески заунывного дребезжащего сетара в сопровождении флейт. Кухню можно было бы тоже переделать под стать всему остальному. Здесь должны витать густые ароматы. Пусть пахнет пловом, ячменными лепешками и сушеными абрикосами. Печку можно отделать изразцами, по полу пустить мозаику. На смотровой площадке разбить чудесный тенистый садик с карликовыми кипарисами, ливанскими кедрами и смоковницами... В общем, – продолжал я, потянувшись за табакеркой, – устроить мирное, уединенное жилище, из которого даже не захочется никуда выходить. Настоящую башню из слоновой кости... – Я втянул в левую, а затем в правую ноздрю ароматный табак и посмотрел на широкие окна, за которыми стоял густой туман. – А когда

туман рассеется, – проговорил я, очарованный собственными фантазиями, в которых, однако, я был уверен, не содержалось ничего маниловского, наоборот, все это можно было воплотить в реальность, – из этого божественного гнезда откроется взгляд на окружающие просторы! И весь мир начнет вращаться вокруг...

Несмотря на возвышенное состояние души, я все-таки умолчал о самом главном: о том, что здесь, у Бога за пазухой, в эдемском уединении будут наслаждаться жизнью два счастливых человека – она и я. Впрочем, после истории с запиской мне стало казаться, что теперь ни к чему объяснения, что теперь мы способны понимать друг друга без слов.

Майя как будто не слушала меня и задумалась о чем-то своем. Может быть, мои фантазии показались ей смешными.

– Ты хоть слушаешь, что я говорю?

– Да-да, я слушаю, – улыбнулась она. – Значит, в восточном стиле? Бахчисарай?

Я заметил, что она как будто стала менее скована, в ее глазах заискрилось обычное лукавство и насмешливость.

– Так-таки, – продолжала она, как бы собираясь с мыслями покачивая головой, – А может быть ты мечтаешь обзавестись гаремом? Вот уж никогда бы не подумала! Ты с детства производил на меня впечатление добропорядочного супруга. Ай-я-яй!

Трудно было понять, шутит она или говорит серьезно.

– Боже сохрани! – горячо воскликнул я. – Не нужен мне никакой гарем, наоборот...

– Впрочем, ничего удивительного, – заметила она, – если общаться с такими жеребцами, как наш доктор и Папа (да и другие не лучше), поневоле потеряешь моральный облик. Один только дядя Володя блюдет нравственную чистоту. Вот с кого вам всем нужно брать пример...

«Господи, дался ей дядя Володя!» – мысленно возопил я. Что-то уж больно она с ним носится. Снова меня стали донимать подозрения.

– Дядя Володя прав: глядя на вас, дети вряд ли научатся хорошему. Уже исходя из одного этого, их разумно держать подальше от вас. Идея Пансион в Деревне – неплохой выход из ситуации.

Что же это такое! Стоило дяде Володе только склонить на свою сторону Папу, он уж и философствовать начал! Ему кажется, что Папа печется о нравственности детей. Как бы не так! Просто с некоторых пор Папе особенно не нравится, когда слишком докучают семейными проблемами. Поэтому он и готов сбить детей с рук. Да и вообще, вряд ли Папе понравились бы рассуждения о том, что он представляет для Косточки дурной пример.

– Но тебя-то нормально воспитали? – проворчал я. – Тебя наш пример не испортил?

– Во-первых, я до шести лет жила совершенно другой жизнью, – возразила Майя. – А во-вторых, кто знает, может быть я очень даже испорченная.

– Смотря с кем сравнивать.

– Например, с Альгой, – сказала Майя.

– С Альгой? – опешил я.

– А что? Почему нас нельзя сравнивать?

– Как тебе сказать... – замялся я.

– Моя Альга прекрасная девушка! – убежденно сказала Майя. – Рядом с ней даже Папа ведет себя прилично. А ведь она, кажется, как раз в его вкусе. Она очень, очень страстная натура, невероятно сексуальна, мечтательна. Но прекрасно умеет себя поставить с мужчинами. Она чрезвычайно строга и призналась мне, что если будет принадлежать кому, то лишь любимому человеку. Причем не раньше первой брачной ночи...

Последняя фраза вырвалась у Майи в запале. Покраснев, она прикусила язык, но было уже поздно: все-таки проговорилась. Выболтала девичий секрет.

– Только умоляю тебя, Серж... – жалобно начала она, – об этом никому! Не дай Бог она узнает...

– Не беспокойся, я не стану болтать. Это меня не касается.

– Вот видишь, какая я испорченная— вздохнула Майя —! А вот Альга никогда бы не проболталась о чем не следует.

– По-моему, ты ее немножко идеализируешь. Может быть, ты не так хорошо знаешь свою Альгу. Не спорю, она очень милая девушка, но ее признание насчет первой брачной ночи довольно смешотворно, а то, что говорил о ней доктор...

– Не хочу ничего слышать! Пожалуйста, Серж, не думай и не говори о ней плохо. Не повторяй idiotских сплетен. Она моя лучшая подруга. И потом, Серж, ты ведь ее совершенно не знаешь!

– Может быть, я ее и не знаю, – не стал спорить я, – но насколько хорошо ее знаешь ты, это еще вопрос. Между прочим я ее сегодня встретил. Как ты думаешь, где?

– В церкви?

– Верно! – удивился я. – Как ты догадалась? Она тебе успела позвонить?

– Нет. Я не говорила с ней со вчерашнего дня. Последнее время она почти неотлучно находится при Папе, но сегодня у нее особый день. Да будет тебе известно, она у нас очень набожная особа. Каждую неделю посещает церковь, ходит на исповедь к нашему батюшке.

– Набожная? Но я говорил с ней. Я рассуждал с ней о вере, но она отмалчивалась. Когда я напрямую спросил, религиозный ли она человек, она ответила, что вообще не думала об этом.

– Подумай сам, – спокойно улыбнулась Майя. – С какой стати она будет с тобой об этом рассуждать, откровенничать? И потом, что за нелепый вопрос – религиозный ли она человек? Вот если бы ты прямо спросил у нее, верит ли она в Бога, она бы и ответила тебе прямо: да-да или нет-нет.

– Вот как... – фыркнул я. – Ну хорошо, в следующий раз обязательно поинтересуюсь.

– Не смей этого делать! – нахмурилась Майя. – Ты ведь не хочешь ее обидеть или посмеяться над ее чувствами!

– Ладно, ладно, – кивнул я. – У меня и в мыслях не было смеяться над ее чувствами... Да и она, кажется, сама может хорошо за себя постоять. По части насмешек, вы с ней всегда были гораздо большими специалистками, чем я.

– Вот и помалкивай, – сказала Майя.

– Как ее защищаешь!

– Конечно. Она – моя лучшая подруга!

И на этом повороте я оказался крайним. Сначала дядя Володя, а теперь вот Альга. Я ужасно ревновал Майю ко всем. Мне показалось, что Майя нетерпеливо шевельнулась, но все-таки решил спросить напрямик:

– Тебе известно, что говорят об Альге и о Папе?

– Да. Но мне неприятно говорить об этом. Я же тебе сказала, Альга знает, как вести себя с Папой, и я верю ей. Она не сделает ничего такого, что могло бы меня огорчить.

Я вздохнул.

– Наверное, я действительно наивный человек, и меня легко поколебать всякими сплетнями... Теперь ничему не буду верить!

– Вот и умница, Серж! – похвалила Майя.

Наконец-то я почувствовал в ее голосе что-то похожее на тепло.

– Но мы с Альгой говорили не только о религии, – спохватился я. – Она уверяла, что пришла в церковь, чтобы поговорить с батюшкой!

– Правильно, я же сказала, что она ходит исповедоваться.

– Нет, тут совсем другое. Альга советовалась насчет Папы и нашего маршала.

– И об этом я знаю. Мы все очень встревожены. Папа выглядит благодушным, но он никогда не прощает предательства. Даже самого нелепого. Даже если человек просто оступился, потерял голову, а после раскаялся.

– Вот-вот! В том-то и дело: теперь выяснилось, что маршал абсолютно чист перед Папой! – воскликнул я и рассказал о разговоре Альги с о. Алексеем. О том, как маршала подвели собственные детки.

Майя почти не удивилась.

– Вот значит как, – проговорила она. – Я чувствовала – тут что-то не так. Даже предполагала что—то в этом роде.

– Признаться, меня сначала рассмешила эта история с генералиссимусом, – сказал я. – Но мне и в голову не могло прийти, что это детская шалость.

– Боюсь, что этой шалостью дело не кончится, – вдруг покачала головой Майя. – Нужно ждать других сюрпризов в этом роде. То, что Косточка устроил на Новый год, только начало. У него богатая фантазия.

– погоди, погоди, – изумился я. – Какая тут связь? Ты хочешь сказать, это все Косточка подстроил?! Он подговорил Гаррика и Славика?

– Как бы там ни было, теперь в Деревне у них найдутся другие занятия, – сказала Майя. – Дядя Володя будет при них неотлучно и об этом позаботится... Сейчас меня беспокоит другое. О. Алексей прав. Альга должна переговорить с Папой. Как можно скорее все объяснить. У нее это получится даже лучше, чем у меня.

– Значит, ты не отрицаешь, что у нее с Папой особые отношения?

– Конечно, особые. Альга вообще особенный человек.

– А я что говорил! Поэтому я посоветовал ей прежде чем использовать свои особые качества, узнать на этот счет мнение Мама.

– Ну что ж, Мама будет только рада, если между маршалом и Папой снова восстановится мир, – спокойно кивнула Майя.

– Я не это имел в виду... – начал я. – Мне казалось, Маме не понравится, что...

– Что ей может не понравиться? – оборвала меня Майя.

– То самое, – пробормотал я, – о чем тебе неприятно говорить. Посредничество девушки с такими особенными качествами. Между прочим сама Альга, когда я намекнул ей на это, заметно смутилась и согласилась, что без ведома Мама этого делать не стоит...

– Представляю, как ты ее обидел своими дурацкими намеками! – всполошилась Майя. – Теперь, чего доброго, она замкнется в себе и ни за что не захочет поговорить с Папой!

– Ну и не надо, – пожал плечами я. – Это может сделать Мама. Или ты. Я сам могу поговорить с ним и все ему объяснить, – предложил я без особой уверенности.

– Не сомневаюсь, – усмехнулась Майя, – ты прекрасная замена Альге. Папа обязательно прислушается к твоему мнению. Ты легко убедишь его не искать вокруг себя врагов и заговоров.

– Не понимаю. То ты хочешь, чтобы Альга повлияла на Папу, то говоришь, что тебе неприятно, если они...

– А тебе и не надо ничего понимать! – снова прервала меня Майя. – Просто постарайся не говорить лишнего. Альга очень тебя уважает, ценит твое мнение, и ты легко можешь ее обидеть.

Я только рукой махнул.

– Не знал, что она такая обидчивая. Не говоря уж о том, что она ценит мое мнение.

– Ничего удивительного, – снова обиделась за подругу Майя. – Она тоже творческая натура. Ты для нее почти пророк. Она всегда была в восторге от Москвы, от твоего проекта, от самой идеи проекта и, кажется, мечтает написать об этом эссе или даже книгу.

– Ого – книгу! Так она еще и писательница. И как же, интересно, она трактует эту самую идею? – улыбнулся я.

– О, у нее на этот счет целая теория! – Майя заметила моей иронии. – Она считает, что архитектура вообще способна самым непосредственным, мистическим образом влиять на

мировоззрение целого народа и что тебе удалось создать воплотить идеи русского космизма. Якобы теперь Москва незаметно, но мощно формирует в головах людей образ обновленной России. Как бы излучает национальный дух... В общем, что-то в этом роде. Я не очень разбираюсь.

Я невольно улыбнулся.

– Почему же, ты очень образно все изложила.

– Не смейся. Даже профессор Белокуров отметил, что у Альги большие способности.

– Я и не думал смеяться. Она действительно недалеко от истины. Что еще она говорила?

– Ты лучше сам у нее спроси, – проворчала Майя.

– Мне показалось, что ты сама запретила мне с ней дискутировать, – кротно заметил я.

– Да. Запретила!.. Впрочем, нет. Какие глупости! С какой стати я буду тебе что-то запрещать? Просто мне не хочется, чтобы ты ее вдруг обидел. Если хочешь, поговори с ней об этом. Это не секрет. Ей будет очень приятно. Да и тебе, я думаю, тоже будет очень любопытно. Она умница. Она очень серьезно к этому относится и вообще убеждена, что ты настоящий гений.

– А ты – нет?

– Я же знаю тебя почти всю жизнь, – удивленно сказала Майя.

– Тебе безразлично?

– Нет, – тихо сказала Майя. – Просто я всегда знала, понимала с детства, что однажды ты сделаешь что-то великое. И сделал. Вот и все...

После этих слов на меня словно пахнуло ароматом матиолы, в невероятном количестве насаженной в то прекрасное лето свихнувшимся садовником. Я посмотрел на ее руки и вспомнил, как они нежно ласкали моего сына. Я взглянул ей в глаза. Они излучали тот же чистый и родной синий свет. Они были широко раскрыты и казались чуть-чуть пьяными. Она улыбалась, и в этот миг я не сомневался, что на ее губах играет та самая «прощальная улыбка», призванная блеснуть на мой «печальный закат». Мы улыбаясь смотрели друг на друга. Единственное, что нас разделяло – это большой овальный стол, над которым ярко сиял светильник. Так мне казалось и уже грезилось, как у нас прекрасно тут все устроится...

– Как у тебя хорошо! – вырвалось у меня.

– Ничего особенного, – пожала плечами Майя. – Голые стены и все. Офисную мебель должны привезти и смонтировать только на будущей неделе, а пока тут делать нечего.

– Почему офисную? – опешил я.

Господи, я же ей только что вдохновенно толковал о том, как здесь все необыкновенно можно было бы декорировать! Намекал весьма прозрачно...

– А какую же еще? – удивилась она. – Ведь мы решили, что здесь у нас будет что-то вроде центрального офиса, – объяснила она. – Хозяйственные и организационные вопросы, касающиеся нашего Пансиона, удобнее будет решать здесь, а не в Деревне.

– Вот оно как, – уныло протянул я.

Все мои сокровенные мечты насчет гнездышка в восточном вкусе рухнули в один момент.

– Конечно, – энергично продолжала Майя, – В будущем число наших воспитанников, возможно, значительно увеличится. Здесь, вдали от детей, так сказать на нейтральной почве, мы сможем устраивать родительские собрания, проводить собеседования с новыми желающими. У дяди Володи, как у директора Пансиона, офис, конечно, будет в самой Деревне, а у меня, как у администратора, здесь.

– Ну да, ты ж теперь администратор... Неужели для тебя это так важно?

Я и вовсе пал духом.

– Очень важно. Я рада, что теперь у меня есть свое настоящее дело.

– Но ведь ты, кажется, еще не старая дева, чтобы возиться с чужими детьми.

– Глядя на нынешних детей, я думаю, что, если бы у меня были свои, я бы их тоже определила в наш Пансион... А вообще-то, – улыбнулась Майя, – мне кажется, я уже давно старая дева.

Мне хотелось вскочить и, опустившись перед ней на колени, обнять ее ноги и признаться в любви. Я бы смог убедить ее, что в свои двадцать лет она отнюдь не старая дева и ей вовсе ни к чему эта забава с Пансионом. Что если бы у нас с ней были дети, мы бы чудесно жили своей семьей. Это гораздо лучше. Это и есть настоящее счастье. И мой Александр жил бы с нами. А Наташа, Бог с ней, пусть бы пожила «по-человечески». Устроила бы свою жизнь так, как ей хотелось, пожила для себя. Все так просто, ясно, и никому не во вред, к общему благу. Я искренне в это верил... Ах, если бы только сейчас снова вернулся тот летний день, и мы с Майей лежали бы рядом на горячем песочке под солнышком, касаясь друг друга локтями! Я с легкостью выложил бы ей все, что у меня на сердце. Но как объяснить ей все, если даже за окном стоял такой промозглый зимний туман?.. Может быть, уже вообще не нужно было ничего объяснять. Майя и так знала главное. То, что я сообщил ей в той глупой записке. Она для себя уже все определила, когда вернула мне мою записку. Это было сделано с определенной целью. Но я, бестолковый, так тогда и не понял, что именно это должно было означать.

– Тебе кто-нибудь когда-нибудь объяснялся в любви? – осторожно спросил я.

– Что-что? – удивилась Майя.

Я повторил свой вопрос.

– Ты хочешь знать, был ли у меня кто-нибудь? – уточнила она, опустив глаза. – Действительно ли я старая дева?

Она по-прежнему улыбалась, но это была смущенная улыбка.

– Что ты говоришь глупости, какая ты старая дева! Тогда, получается, и Альга – старая дева?

– Нет, Альга девушка, но никак не старая дева, – серьезно сказала Майя. – Девственница и старая дева это разные вещи.

– Что-то не улавливаю различия.

– Альга не старая дева, – упрямо повторила она. – Вот и все.

– А все-таки, неужели тебе никогда не признавались в любви?

Майя задумалась.

– Если не считать детского сада... пожалуй, нет. Мне кажется, молодые люди полагают, что прежде чем признаться мне в любви, нужно признаться в этом Папе, и у них сразу пропадает всякое желание... Хотя, – проговорила она как будто с усилием, – на этом новогоднем балу я действительно получила записку с признанием.

– Ну вот! – подхватил я, внутренне напрягшись. – Вот видишь!

Я пытался хоть что-нибудь прочесть на ее лице, но ничего не мог понять.

– Чепуха, – махнула она рукой, – это ведь был детский бал. Кто-то из детей в шутку или всерьез сунул мне в сумочку записку. Может быть, даже твой Александр.

– Мой Александр? Почему Александр?

– Ну да. Помнишь, дядя Володя рассказывал, как дети нас между собой поделили? Но, скорее всего, это дело рук Косточки. Такие дерзкие глупые шуточки в его стиле. Я показала записку Альге.

– Да?.. И что же она?

– Она отнеслась к этому иначе. По ее мнению, это мог быть не детский розыгрыш, а вполне серьезное признание взрослого человека, который в меня по-настоящему влюблен.

– Вот-вот! – снова подхватил я. – А почему бы и нет?

– Она говорит, что влюбленный мужчина, даже если это очень умный человек, может вести себя очень глупо. Просто как мальчишка. Она считает, что этим человеком может быть кто угодно. Даже ты, Серж...

Неужели ей самой, без Альги, не могла прийти в голову такая простая мысль!

– Допустим, что... – с величайшей осторожностью начал я, но Майя меня не слушала.

– Не знаю, не знаю, – торопливо продолжала она. – Это все не серьезно. В общем, чепуха...

Я пытливо взглянул в ее лицо. Уж не лукавит ли она? Не ведет ли со мной игру, ожидая, что я сам признаюсь насчет записки?

– Что же ты с ней сделала? – поинтересовался я.

– С чем?

– Ну, с этой запиской.

– Не помню.

– Как так?

– Не помню и все. Может, просто выбросила.

– Как выбросила, куда? Нет, ты все-таки попробуй вспомнить!

– Уф-ф! – вздохнула Майя. – Кажется, припоминаю...

Я не сводил с нее глаз.

– Кажется, я смяла ее и выбросила на какой-то поднос, – сказала она. – Да. В дамской комнате.

Наступило молчание.

– Знаешь, – наконец произнес я, – мне тоже подложили записку...

– Тебе? Такую записку?.. Зачем? Чепуха какая-то, – повторила она.

У нее на лице было написано неподдельное недоумение, и я почувствовал, что напрасно затеял этот разговор.

Я выпил последний бокал вина. Достал табакерку. Я испытывал большое смущение и даже не знал, что сказать. Все было напрасно.

– Ты должен поскорее исправить свою ошибку, – вдруг заявила Майя.

– Какую ошибку? – рассеянно спросил я.

– Ну как же! Ты должен встретиться с Альгой и убедить ее безотлагательно переговорить с Папой. Что в этом нет ничего такого, дурного, и ты ее отговаривал.

– Глупости! Она девушка очень даже самостоятельная. Незачем мне этого делать, – отмахнулся я.

– А все-таки ты должен это сделать! – строго сказала она.

– Но Альга говорила, что сама зайдет к тебе и через тебя выяснит мнение Мама.

– Мнение Мама и так известно, – нетерпеливо сказала Майя. – Ведь Мама лучше других знает характер Папы и, как и все мы, ужасно обеспокоена произошедшим с маршалом. И будет счастлива, если удастся восстановить мир... Даже если ей противно то, как Папа подъезжает к Альге, – краснея продолжала Майя, – она тем не менее прекрасно понимает, что тут ему ничего не светит. Мне даже кажется, что только теперь, учитывая прошлые похождения Папы, она смогла почувствовать себя по-настоящему спокойно. Теперь, во всяком случае, все происходит, а точнее, не происходит, у нее на глазах. Если раньше Папа по ночам носился по всем московским притонам и к нему в офис среди бела дня заявлялись девицы, чтобы познакомиться с его рабочим кожаным диваном и получить в подарок сережки или кольцо, то теперь ему, бедняге, как ручной болонке, не остается ничего другого, как целыми днями валяться у себя на этом диване и мечтать о том, чего ему не видать, как собственных ушей.

– Это мудро, – признал я. – Тут есть своя логика.

Так оно, пожалуй, и было. Папа действительно – особенно после покушения – главным образом отлеживался на диване у себя в офисе, как будто у него только и дел было что фиксировать появление и исчезновение холодной, как луна, Альги.

– Все-таки странно будет выглядеть, если я вдруг полезу к ней с этим разговором, – сказал я. – Почему бы тебе все-таки самой не поговорить с подругой? Мне это как-то не с руки. Неудобно.

– Нет, уж ты, пожалуйста, постарайся, Серж. Этого никак нельзя откладывать. Я тебе уже сказала: у меня еще куча дел. Ближайшие несколько дней мне вообще придется провести в Деревне, чтобы на месте решить кое—какие проблемы. Скоро начнутся занятия. Все должно быть готово!

Делать нечего, я пообещал, что переговорю с Альгой. Пусть повлияет на Папу, мне-то что.

– Ну, – энергично сказала Майя, поднимаясь из-за стола, – тогда иди!

– Как?! прямо сейчас?

– Ну конечно.

Она тут же направилась к выходу. Мне ничего не оставалось делать, как послушно последовать за ней. Меня вежливо выставляли вон. Такое у меня было ощущение.

– Значит, ты решила устроить здесь контору, – проговорил я на ходу, обводя грустным взглядом голые стены, на которых уже не осталось даже флера мечты – исчезли персидские ковры, фонтаны, клетки с попугаями... – А где же ты собираешься жить? Опять с родителями?

– Еще чего! Теперь я буду постоянно жить здесь. Не считая, конечно, тех моментов, когда мое присутствие будет необходимо в Деревне.

Она проводила меня до самого лифта. Пока мы ждали лифт, я неуклюже спросил, словно цепляясь за соломинку:

– Можно тебя хотя бы поцеловать на прощание?

Что верно, то верно: влюбленные мужчины действительно иногда ведут себя, как идиоты. В частности, задают такие идиотские вопросы. Зачем вообще понадобилось об этом спрашивать, если я вот уже много лет всякий раз по-родственному чмокал в щеку?

– Нельзя, – сказала Майя.

– Почему? – задал я еще более глупый вопрос.

– А ты сам как думаешь?

– Не знаю.

– Тогда можно, – сказала она равнодушным тоном.

Я наклонился и дотронулся губами до ее щеки. Щека была горячая. Или мои губы были холодными?.. Готов поклясться, что, когда наклонился ее поцеловать, она подставляла мне не щеку, а губы...

Я шагнул в лифт.

– Заходи в гости, – сказала она и чуть приподняла руку.

– Обязательно, – кивнул я. – «Аб-за-тельно» – так выговорилось у меня. Я был как в тумане.

Внизу в фойе я зачем-то принялся надевать пальто, замешкался, и ко мне тут же подскочил прежний востроглазый вахтер и услужливо помог попасть рукой в рукав.

– Благодарю, – пробормотал я и спохватился, что он ждет вознаграждения. Совсем немного, сущую мелочь. Какой-нибудь рубль. Здесь это считалось хорошим тоном, что—то вроде дружеского жеста. Я пошарил сначала в одном кармане, потом в другом. Там, естественно, было пусто. Я это прекрасно знал.

– Благодарю, – еще раз пробормотал я и пошел к выходу.

Вахтер все еще пришаркивал за мной, и в зеркалах я видел его ухмылку: что ж, дескать, так не солидно-то, а?

На душе у меня было очень нехорошо. Грустно и неопределенно. Я клял себя за то, что так сглупил: нечутко, невнимательно отнесся к тому, что представляло для Майи большую ценность – к ее неожиданному увлечению. По сути, отмахнулся от нее, когда она потянулась

ко мне с открытой душой. Не спустился со своих олимпийских высот. Не выслушал, не проникся... Удастся ли мне реабилитироваться в следующий раз? Предложить свою помощь? Примет ли она ее? И когда еще у меня появится такая возможность?... Теперь мне оставалось лишь мучаться ожиданием.

Я вышел и снова, задрал голову, взглянул вверх. Нижние ярусы зданий по-прежнему солнечно сияли, подсвеченные искусственным светом, но вся верхняя часть, словно по волшебству усеченная, отсутствовала, погрузившись в густое белое облако. Стало быть, лишь в своем воображении я мог восстановить величественный абрис моей Москвы.

Теперь нежданно-негаданно у меня появилась странное поручение. Я пообещал Майе «исправить свою ошибку», переговорить с Альгой. Я еще не знал, как я это исполню, но уже был уверен, что это будет выглядеть ужасно глупо. Во-первых, я не видел в этом никакой необходимости, а во-вторых, для этого понадобится разыскивать эту странную девушку, улучшить момент, когда можно будет поговорить с ней с глазу на глаз, подбирать какие-то слова... Можно представить, как она на меня посмотрит, за кого примет!

Но делать было нечего. В конце концов это желание Майи. Иначе я рискую снова показаться ей человеком, который относится пренебрежительно к тому, что для нее очень важно. Кроме того, если не поспешить и не сделать все возможное, история, приключившаяся с маршалом Севой, действительно грозит повлечь самые скверные последствия.

В общем, я решил поскорее развязаться с этим поручением. К тому же после этого у меня будет хороший повод навестить Майю, так сказать доложить, что ее поручение выполнено.

Вдруг я спохватился, что не знаю, где, собственно, мне искать эту шатенку с ничего не обещающими изумрудными глазами? У меня не было ни домашнего телефона Альги, не знал я также, где она живет. Можно было бы вернуться к Майе и спросить, но, честно говоря, у меня не хватило на это духу. В конце концов я решил, что наверняка застану Альгу у Папы. Она сама говорила, что в качестве доброй самаритянки вынуждена дежурить у него в офисе. Папа, еще, якобы, хорошенько не оправившийся после покушения, смиреннейше упросил ее побыть при нем. Но отправляться к Папе по собственной инициативе сейчас у меня не было ни малейшего желания. Другое дело завтра. Завтра с утра в Папином расписании было выделено время для еженедельной встречи с приближенными – что-то вроде расширенного производственного совещания. Тогда я и улучу момент перекинуться словом с Альгой, которая несомненно будет находиться где-нибудь поблизости.

Я не посещал эти совещания регулярно. Только во время подготовки проекта и начала строительных работ в Москве являлся, как на службу. Потом, когда обнаружил, что дела идут прекрасно и без моего участия, а моего мнения никто – Папа тем более – не спрашивает, и на совещаниях я главным образом встречаю невпазд, я забросил бывать на них. Кроме того, мне совершенно не нравилось, что Папа того и гляди станет воспринимать меня как своего сотрудника, вот-вот начнет покрикивать на меня, как на подчиненных: и дурак, и тупой, и такой-сякой. Так что я захаживал туда лишь изредка – исключительно из любопытства или от нечего делать, в качестве, так сказать, вольного художника. Тихо посиживал себе в уголке да нюхал табачок.

Сначала я собирался отправиться домой и, может быть, помечтав о чем-нибудь приятном, немного соснуть, но тут мне пришло в голову, а не переведаться ли мне с нашим доктором. Вообще-то, я человек замкнутый, сугубо интровертированный, практически не нуждающийся в чьем-либо обществе, но с доктором поддерживал приятельские отношения. Объединяла нас, главным образом, любовь к кофе по-турецки. Время от времени мы сживали вечерком в известном кафетерии, что при контрольно-пропускном терминале на входе в Москву, попили кофе и болтали о том, о сем. Я рассказывал ему о всяческих парадоксах из области архитектуры, а он смешил меня байками из своей медицинской практики. В этом смысле доктор был просто душа человек. К тому же у него всегда можно было перехватить взаймы.

К сожалению, тот странный разговор под горкой – в высшей степени неожиданный – до того смутил меня, что я с тех самых пор, чтобы не встречаться с доктором, избегал появляться в кафетерии. Не то чтобы мне стало неприятно общаться с ним, но я боялся, что снова могу попасть в двусмысленное положение и не буду знать, как себя вести. Я так и не обсудил того, о чем узнал от доктора, с самим Папой, а стало быть, не выяснил его, Папы, персонального мнения на этот счет. Дальнейшие туманные намеки доктора, если бы они снова последовали, поставили бы меня в положение любителя сплетен, если не хуже, – за спиной Папы выслушивать и обсуждать вещи, явно со скверным душком. Теперь я, естественно, не собирался передавать доктору все подробности, услышанные от Майи и Альги насчет маршала, но теперь мне было очень даже любопытно услышать мнение его относительно обстановки в целом. Впрочем, если бы я и рассказал ему обо всем, в том не было бы большой беды. Другое дело, что попутно любопытный доктор забросает бы меня вопросами о девушках. А мне этого совсем не хотелось.

Я надеялся перехватить у доктора немного мелочи. Хотя бы для того, чтобы не чувствовать себя недоделанным в присутствии вахтеров, лифтеров и прочей контры. Деньги, которые я получил под Новый год в качестве премиальных вместе с дипломом почетного гражданина, уже давно испарились без следа. Львиная их доля пошла на то, чтобы Наташа расплатилась за взятую в «кредит» шубу. Кое-что перепало сантехникам, которые монтировали новое отопление и канализацию, кое-что ушло на оплату позорно просроченных «счетов» из школы Александра, а оставшуюся малость я отдал нашим старичкам, чтобы они имели возможность пополнить семейно-стратегические запасы сахара и макарон.

Между прочим со званием почетного гражданина я, естественно, получил кое-какие привилегии. Например, бесплатный проезд в общественном транспорте, пользование телефоном. Мне была выдана универсальная и бессрочная магнитная карточка. Существовал и весьма впечатляющий список заведений в Москве, где по предъявлении моего диплома меня были обязаны обслужить что называется по полной программе – накормить, напоить. В частности, я мог теперь преспокойно, хоть три раза в день попить в популярном кафе свой излюбленный кофе по-турецки. Мог-то я мог, но даже мысли не допускал набраться наглости и воспользоваться своим законным правом. Не уверен, что своим посещением я бы осчастливил официантов и барменов, размахивая у них перед носом своим наляпистым дипломом. В общем, наслаждаясь сохранением инкогнито, я по-прежнему везде предпочитал платить за себя сам.

Я позвонил нашему горбатому доктору, который как раз навещал одну важную птицу в Москве. Доктор очень обрадовался, услышав меня, и сказал, что сам давненько не пил кофе и с удовольствием прибудет на наше обычное место в кафе у Западных Ворот Москвы. И время самое подходящее. Даже наиболее капризные пациенты, которые, мол, не умерли, вдруг сделались замечательно здоровехоньки. Он как раз отпустил свою медсестру, а сынишке Петеньке обещал быть дома только через час.

– Сейчас же выдвигаюсь, – сказал он. – Я по тебе, Архитектор, соскучился. Посидим. Аж по большой чашке кофию выцедим. Да двойной крепости. Да обжигающего, с пенками, с пенками погуще!

– Кстати, – сказал я, – мне будет любопытно узнать твое мнение по одному общественно-значимому вопросу.

– А у меня, – многозначительно промолвил он, – имеется кое-какое любопытное дополнение к нашему последнему разговору под горкой. Так сказать еще один важный симптом в общей картине болезни.

– Интересно... – отозвался я, смутившись.

– Еще как интересно! – заверил доктор. – Впрочем, теперь, кажется, нам остается лишь наблюдать за развитием событий.

– То есть?

– А то, что самый удобный для нас момент, чтобы вмешаться, мы, похоже, проморгали. Да-с!.. Теперь мы игрушки в чужих руках, или зрители.

– Я не игрушка, – возразил я.

– Увы, Серж, увы, – вздохнул он. – Каждая пчела запрограммирована принести в улей свою капельку меда. Каждая рыбка заглотит свой крючок и ее потащат на берег. Каждая букашка...

– Ты там со своей медсестрой не нанюхался ли часом эфиру, а, доктор?

– Риторический вопрос, дорогой мой.

– Ясно, – улыбнулся я. – Тогда чашка двойного кофию да с пенкой погуше тебе действительно не помешает. Я тебя жду.

– Хе-хе, жди. А чтобы не скучал, вот тебе небольшое упражнение на сообразительность. Пошевели мозгами. Некто, отчасти наивный, любил отправлять романтические записочки без подписи. Написал он одну такую записочку, послал некой тоже, кажется, отчасти наивной особе, а потом вдруг обнаружил, что записочка-то странным образом к нему обратно вернулась... Вот, попробуй выплюнуть этот крючок!

– Стой! – крикнул я. – Это невозможно! Уж не намекаешь ли ты, что...

– Не спеши! Это ведь крошечный эпизод, невиннейшая записочка. Существует и другая записка. Целое письмо. Теперь у публики прямо-таки какая-то страсть к письмам.

– Пожалуйста, перестань валять дурака! Какие письма? Говори человеческим языком!

– До встречи, дорогой, – засмеялся доктор, – до встречи!

И ведь действительно отключился, ехидный человек.

Я физически ощутил себя рыбой, пойманной на упомянутый рыболовный крючок. Это вам не песенный фольклор глупых баб во флигеле у о. Алексея. Это не мистическое совпадение, а нечто такое, чему необходимо как можно скорее дать объяснение, иначе...

И вот я вошел в популярный кафетерий, погрузился в аромат заведения, где дробят золотисто-коричневые кофейные зерна. В чем именно заключалась для обывателей популярность кафетерия понять не трудно. Здесь действительно подавали чудесный кофе, приготовленный разнообразными способами, а блеск и чистота были такими же феноменальными, как и в самой Москве, хотя, строго говоря, сам кафетерий не являлся частью Москвы. Вход в него был лишь со стороны Города, а сквозного прохода в Москву здесь не было. Тут, пожалуй, сказывался тот же дизайнерский эффект, что и в изделиях типа прозрачных будильников, телефонных аппаратов и т.д. – то есть когда рабочий механизм функционирует у вас на глазах – что и является секретом их незамысловатой привлекательности. Помещение кафетерия напоминало большую изолированную емкость типа аквариума, из упрочненного, но максимально прозрачного стекла, и было расположено внутри контрольно-пропускного пункта. 99% стекла и 1% никеля. Через КПП вело несколько узких, разграниченных перилами движущихся дорожек, как в аэропорту или метро. Они двигались очень медленно, и посетители кафетерия, расположившиеся на разных уровнях непосредственно сбоку и над дорожками, словно находясь на каком-нибудь кинофестивале или политическом форуме, могли с близкого расстояния поглазеть на знаменитостей. Что-то среднее между паноптикумом, театром и зоопарком. Впрочем, кому именно отводилась роль экспонатов, а кому роль зрителей, сказать трудно. Знаменитости в жизни редко контактировали с обывателями, передвигаясь по Городу в закрытых лимузинах. В Москве они оставляли свои автомобили в подземных гаражах неподалеку от КПП и могли покрасоваться и насладиться вниманием публики, а также, со своей стороны, не без удовольствия поглазеть на плебс, который с реагировал на их появление с такой комичной и бурной непосредственностью. Таким образом при посещении кафетерия любой горожанин или гость столицы, не имевший пропуска в Москву, во-первых, получал возможность частично рассмотреть внутреннее устройство Москвы, как бы приобщившись к здешним достопримечательностям, а во-вторых, как я уже сказал, мог следить за тем, что происходит на контрольно-пропуск-

ном пункте. Немногим было известно, что по-настоящему крупные бонзы попадали в Москву более простым и быстрым способом. Их машины ныряли в один из восьми туннелей, неподалеку от Ворот, и без задержек неслись в Москву прямо под КПП.

Что касается меня и доктора, то мы, кажется, не принадлежали ни к обывателям, ни к знаменитостям, и наблюдали происходящее как бы со стороны. Восприятие сродни вокзальному отчуждению. Даже если никуда не едешь, чувствуешь себя путешественником. Мы были людьми насквозь городскими, и скопление народа действовало на нас умиротворяюще, настраивало на философский лад. К тому же на КПП иногда случались довольно забавные эпизоды. Охрана нет-нет да отлавливала любопытных, вознамерившихся проникнуть в Москву без соответствующего пропуска. «Зайцев» в мгновение ока скручивали и позорно влекли в подвальное помещение для проверки личности. Эти моменты почему-то особенно смешили посетителей кафетерия. Говорят, здесь случались и серьезные инциденты, когда служба безопасности вдруг обнаруживала какого-нибудь террориста. Тогда могла возникнуть даже небольшая потасовка, или перестрелка. Впрочем, стекла были пуленепробиваемыми, а служба безопасности работала четко и быстро. Инциденты случались, но всегда обходилось без последствий, злоумышленников обычно отфильтровывали до КПП... Мастерство службы безопасности в Москве и на ее подступах было поднято на недостижимую высоту.

Я направился прямо на наше с доктором излюбленное укромное местечко. Оттуда открывался прекрасный обзор: движущиеся дорожки, пропускные турникеты с никелированными решетками-вертушками, вроде тех, что устанавливают в банках. Каждый турникет обслуживался целой бригадой секьюрити, укомплектованной мужским и женским персоналом самой блестящей внешности и спортивной стати. Охрана работала виртуозно. Вещи и их владельцы досматривались с ловкостью и сноровкой цирковых иллюзионистов. Оружие, холодное и огнестрельное, отправлялось на хранение в специальные стеллажи, расположенные за стойкой. Каждая «входящая и выходящая личность» в обязательном порядке проходила компьютерную идентификацию. Движение происходило равномерно, практически без задержек. В процедуре была своя элегантность и даже шик. Никакой рутины, придинок, полицейщины, хотя бы намек на ущемление человеческого достоинства. Напротив, внимание, которое оказывалось гражданам Москвы и гостям, напоминало торжественное священнодействие почетного караула, своего рода ритуальное «добро пожаловать». Обстановка самая свободная, на лицах написано искреннее радушие. Сам я, когда не попадал в Москву через подземный туннель в машине с Папой и Мамой, неоднократно проходил здесь контроль и всякий раз смеялся шуткам, которыми так и сыпали дежурные офицеры службы безопасности. Публика автоматически заражалась этим настроением и тоже начинала каламбурить. Таким образом, перед тем, как попасть в Москву, за те несколько минут, пока человек проходил КПП, он как бы начинал ощущать особый дух, царивший внутри уникального градостроительного комплекса, – его дружескую, праздничную атмосферу. Монастырь со своим уставом. Что-то вроде райского ашрама.

Едва я уселся за столик, возле меня уже стоял предельно любезный официант.

– Чего изволите?

Сначала я хотел дождаться доктора, но передумал и, слегка прищелкнув пальцами, с улыбкой сказал:

– Один. Двойной. Погорячее, да чтобы с пенкой, с пенкой... И, пожалуй, рюмку ликера, лимонного, что ли.

– Момент! – ответил официант и исчез.

Не успел я задуматься, как передо мной уже стояла чашка с дымящимся благородным напитком и рюмка с веселым желтеньким ликером. Я тут же поднял чашку, поднес ко рту и едва коснулся губами густой и пахучей кофейной пенки. Трудно сказать, что лучше: обонять кофе или наслаждаться его вкусом. Впрочем, это, конечно, как говорится, не вопрос.

Я глядел сквозь прозрачные стены кафетерия на людей, проплывающих мимо на движущихся дорожках, пил ликер, и мне стало мерещиться, будто я засыпаю. Но я, конечно, не спал. Мне припомнились тысячи разных вещей. Мелькали мысли о Майе, о записке, о маршале Севе, о шатенке с ничего не обещающими изумрудными глазами, о Деревне, о Косточке и Александре...

Движение на дорожках было интенсивным в обе стороны. Вот-вот должен был появиться доктор. Я взглянул на часы, а затем снова в сторону КПП. В этот момент посетители кафетерия разом приподнялись со своих мест, чтобы получше рассмотреть популярного телеведущего в интенсивно малиновом пальто. Он раскланивался в обе стороны, перемигивался с охраной, откалывал какие-то шуточки. Люди вокруг охотно хохотали. Посетители кафетерия, наблюдавшие его через стеклянную стену, шуток, естественно, не слышали, но тоже как по команде принялись хохотать. На телевидении он постоянно вел шоу, главной приманкой которых являлись всевозможные денежные призы. Золото и банкноты сыпались там как из рога изобилия. Казавшийся на телеэкране молодцом, в натуре он был малоросл, рыхл и плешив. Крашенные черные кудряшки, завитые на висках, лихо торчали в стороны. Он размашисто и обильно, в своей обычной манере жестикулировал, то и дело приподнимался на носках и вертелся, словно песик на задних лапках, в надежде получить кусок сахара, хотя в народе его считали миллионером...

Тут я углядел нашего горбатого доктора с всегдашней трубкой в зубах. Он бросил острый взгляд сквозь стеклянную стену и, найдя меня, приветственно тряхнул своей пиратской бородкой. Он только что прошел контроль и, миновав турникет, поравнялся с телеведущим. Наш доктор не был телезвездой, но смотрелся не менее колоритно. Они были знакомы и могли бы составить забавный дуэт. Парочка раскланялась. Доктор с невозмутимым видом перебросил трубку из одного угла рта в другой, приподнял широкополую темно-зеленую шляпу, громко что-то сказал, телеведущий ответил. Люди вокруг так и покатались со смеху. Охранники в камуфляжных костюмах хохотали, прижав к животам короткоствольные, словно игрушечные, автоматы. Парочка обменялась рукопожатием. Движущие дорожки развозили остряков в противоположные стороны...

Следом за телеведущим ехал гориллоподобный Ерема, брательник Парфена, в лакированных ботинках апельсинового цвета, облаченный в пестрый дорогой костюм с немислимо фатовским широким галстуком, громадными золотыми запонками. Под костюмом у него перекачивались бугры мышц, а глаза горели желтоватым, мертвенно-тусклым светом. За долю секунды я успел сообразить, что сейчас произойдет нечто вопиющее и ужасное. Напряглась и замерла охрана – как бы пытаясь сориентироваться в пространстве и определить источник еще неведомой угрозы.

Телеведущий, размахивая руками, еще раз приподнялся на цыпочки. Видимо, он силился послать вдогонку доктору последнюю остроту, а доктор, со своей стороны, с достоинством попыхивая трубкой, благосклонно ждал. Тут-то Ерема и шагнул вперед. Мне показалось, что он намерен взять известного телеведущего, по слухам, миллионера в заложники. Или что-то в этом роде. Но одной рукой Ерема небрежно и мощно смел звезду телеэкрана со своего пути, так что тот кубарем покатился под ноги охране. В другой руке красиво и хищно сверкнула сталь тяжелого, зазубренного с двух сторон абордажного тесака. То, что произошло потом, показалось мне невероятно бессмысленным, лишенным какой бы то ни было логики. Даже так сказать с визуальной точки зрения: все происходило среди нарядной публики, среди нежной и буйной цветовой гаммы под стать палитре экспрессионистов-абстракционистов и не имело ничего общего с примитивно-грубой уголовной реальностью, с изощренной эстетикой циничного кинематографа. Картина словно распалась на мутно-радужные пятна – желтые, розовые, голубые и зеленые, как будто я галлюцинировал в гриппозной горячке. Конечно, это была галлюцинация. Что-то приторно-слащавое, лилейное, почти кондитерское. Точь-в-точь, как кон-

фетные декорации дегенеративных шоу любимого телеведущего, в апофеозе которых щедро разбрасываются ассигнации и с оглушительным звоном рассыпаются золотые червонцы... Но сходство было лишь внешнее. В этом шоу были заготовлены иные спецэффекты. Нельзя сказать, что служба безопасности замешкалась или растерялась. Просто все случилось в считанные мгновения. Громадный Ерема скакнул прямо на доктора. Локтем стиснул его голову у себя под мышкой. Охранники, как гепарды, мгновенно бросились к ним, чтобы отбить гражданское лицо у террориста. Но не успели они приблизиться, как вооруженный злоумышленник вдруг отпустил жертву, а может быть, горбун оказался достаточно силен и вырвался сам. По крайней мере эти двое уже двигались в противоположных направлениях. В следующее мгновение все увидели, что бандит держит двумя пальцами рельефные, как морские ракушки, уши. Да! Я прекрасно рассмотрел, что это были именно уши. Он держал их на отлете, словно что-то живое. Впрочем в тот момент они, конечно, и были еще живыми. Ерема непредсказуемыми зигзагами и прыжками нырнул в самую гущу толпы и, выставив вперед левое плечо, как опытный регбист, стал дерзко и успешно прорываться к выходу и уворачиваться от охранников. Между тем горбун, шатаясь, вслепую загребая руками, словно в игре в жмурки, брел неведомо куда. Публика в ужасе шарахалась в стороны, что создавало дополнительные сложности охране. Только теперь я увидел, что нежная экспрессионистская палитра меняет цветовую гамму, будто кто-то забрызгивал ее из мощного пульверизатора самой яркой и пронзительной алой краской – свежей кровью, которая так и сифонила струями из зияющих ран на месте отрезанных ушей. Потом доктор рухнул поперек все еще движущейся дорожки, и она потащила его дальше. Наконец транспортер замер. Догадались-таки его застопорить.

Если все это мне снилось, то я давно уже должен был проснуться. Но я не просыпался.

Я вскочил и бросился вон из кафетерия. На улице я успел застать финал инцидента. Несмотря на свой громадный рост и кажущуюся неповоротливость, Ерема оказался изворотлив и неуловим, как матерый волк. Охранники, заметно отставшие, не могли стрелять по причине большого скопления народа. Шлепая огромными ножищами прямо по лужам, Ерема легко оторвался от преследования и впрыгнул в открывшуюся дверцу приземистого спортивного автомобиля. Машина тут же рванула с места, понеслась по Дорогомиловской улице и, свернув за угол, исчезла в Городе. Я бросился в обратном направлении и попытался пройти на КПП, но там уже наглухо стояло оцепление. Впрочем, теперь уж и смотреть-то было собственно говоря не на что.

У меня было такое чувство, словно мне самому оттяпали уши. Да что уши! Откочерыжили всю голову и утащили под мышкой, как регбисты свой мяч.

Палал мельчайший снежок, над Городом по-прежнему висел прегустой туман.

Вдруг кто-то схватил меня за руку повыше локтя.

– Вы, кажется, забыли заплатить за кофе, уважаемый! – услышал я голос запыхавшегося официанта. – Один двойной, да с пенкой погуще! И еще лимонный ликер!

К нам подбежал еще один официант, постарше, товарищ первого. На подмогу, очевидно. Я тупо кивнул и двинулся обратно в кафетерий. По пути я вспомнил, что денег у меня нуль, а у доктора в долг я так и не успел взять. Я остановился, вытащил бумажник, в котором бережно хранил диплом, удостоверявший, что я являюсь почетным гражданином Москвы, извлек диплом и, развернув, молча сунул под нос официанту.

– Что?.. почетный гражданин... архитектор... Ну и что? – удивился тот. – Платить, значит, не надо?

Я снова кивнул.

– Ах, ты падла такая, – прошептал официант.

Он вырвал у меня из рук бумажник, а его товарищ схватил меня сзади за руки.

– Пусто, – пробормотал официант, покраснев почти до слез, как от обиды, – пусто! – повторил он, продемонстрировав раскрытый бумажник своему товарищу. Мне показалось, что он вот-вот двинет меня по физиономии.

– Ну-ка, покажи. – Официант, который постарше, отпустил меня и взял из рук молодого мой бумажник. – Прекрасный снимок, – сказал он, показывая пальцем на фотографию, на которой было изображено все Папино семейство с самим Папой во главе.

– Да, удачный, – кивнул я.

– Иди работать, сынок, – сказал старший официант младшему и, развернув за плечи, даже наподдал ему коленом. – Извините, – почтительно обратился он ко мне.

– Да нет, ничего, – пробормотал я.

– Мы все вроде как в шоке, – молвил он со вздохом. – Людям уши режут прямо почем зря.

Официант сунул руку в карман, вытащил, не глядя, несколько купюр, вложил в мой бумажник, а бумажник сунул мне в руки.

– Я очень хороший официант, – сказал он. – Я вообще на все руки мастер. Если вам что понадобится, готов абсолютно на все. Спросите Веню. В лепешку разобьюсь.

Мне понравилось его лицо. Чистое, и с блестящими как будто смеющимися голубыми глазами. Губы розовые и тоже как будто смеющиеся. Я собрался вернуть ему деньги, но он провел ладонью по своим белокурым волосам и, развернувшись, побежал в кафетерий. А я остался на улице. Потом верну, решил я.

Нет, это был не сон и не бред.

Между тем в толпе уже распространилось роковое известие: бедняга, у которого отрезали уши, не дождавшись скорой помощи, помер: сердце не выдержало. Мне хотелось куда-то бежать, звонить, что-то делать, кому-то обо всем сообщить... Господи, соображал я, ведь дома доктора напрасно дожидается рыжий сынишка Петенька! Я сошел с тротуара и стал ловить машину. Нужно съездить за мальчиком и немедленно забрать его к нам. Я сел в машину, назвал адрес. Только что я ему скажу? У меня просто язык не повернется сказать правду. Скажу, что доктор попросил, чтобы он пока погостил у нас, поиграл с Александром. Мол, срочная работа, непредвиденные обстоятельства. А немного погодя, когда все образуется. Наташа подберет нужные слова. Она это умеет. Пусть пройдет какое-то время. Пусть мальчик пообвыкнется. С кем ему теперь жить, где? У него ведь, кажется, кроме доктора никого не было. Сыщутся какие-нибудь дальние родственники? Не жить же ему с «медсестрой»!.. Пусть уж лучше живет с нами.

У меня было время основательно поразмыслить. На запруженных автомобилями улицах было ужасно слякотно, сплошные пробки, и до места мы добирались не меньше часа. Я долго звонил, стучал в дверь, но мне никто не отвечал. Очевидно, Петеньки не было дома. Может, он гулял на улице? Я обошел соседние дворы, но и там его не нашел. Потом я вернулся, снова звонил в дверь, но ответа не было. Подождав еще часок, я отправился домой.

Дома, как выяснилось, уже обо всем знали. И даже в подробностях. В этом, впрочем, не было ничего удивительного. Доктор, как, наверное, и я сам, находился на особом учете, и спецслужбы тут же доложили о случившемся Папе и Маме, а уж Мама сообщила нашим. Поразительно было другое: решительность и оперативность, с которыми Папа успел не только отреагировать, но даже позаботился о сынишке доктора. Как будто то, что случилось, было запланировано заранее. Оказывается, я не застал Петеньку дома по той простой причине, что добрые люди успели забрать его еще раньше меня и доставили прямо в Деревню: Папа определил судьбу мальчика, распорядившись, чтобы сироту немедленно поместили в загородный интернат в качестве первого официального воспитанника.

Всю ночь мне снились тревожные сны. Меня преследовали официанты. Особенно тот, что постарше, с хорошим лицом. Не иначе, как где-то в подсознании Бог знает откуда взялась какая-то гомосексуальная занозка. Все это, конечно, шутки. Хотя во сне мне было не смешно

Официант догонял меня и вдруг оказывалось, что это вовсе не официант, а сам Папа, который зачем-то нес в руке странную бледную улитку и все хотел перепоручить ее мне. «Не укусит! – горячо шептал он мне прямо в ухо. – Попробуй!» – «Нет, – восклицал я, – нельзя, нельзя!» «Не укусит, – убеждал Папа, – все нормально», и кивал куда-то в сторону. Я снова увидел стеклянные стены кафетерия, увидел, как в пестром, разноцветном помещении вальсируют в обнимку горбатый доктор, из ушей которого хлещет кровь, и страшный Ерема. «Вот видишь, – раздраженно шептал Папа, – я же говорил, что все нормально!..»

Я проснулся поздним утром, хотя накануне намеревался подняться пораньше, чтобы с самого начала присутствовать на совещании в офисе у Папы. Завернувшись в одеяло, я вышел в большую комнату. Наташа уже ушла на работу. Наши старички сидели перед телевизором, смотрели какую-то мыльную оперу. «О, моя милая, мы не должны себе этого позволять!» – страстно говорил господин с потасканным лицом. «Но почему, милый мой? Почему, черт побери?» – так же страстно шептала юная, но не менее потасканная особа, изображая из себя саму невинность. «Потому что, – трагично вздымая грудь, отвечал господин, – я твой отец!..»

– Он ее отец! – одновременно закричали мои старички, на секунду обернувшись ко мне и как бы желая ввести меня в курс происходящего на экране.

Чуть-чуть болела голова. Я подошел к окну. Город по-прежнему лежал в тумане. Туман даже сделался еще гуще. По крайней мере Москва исчезла в нем совершенно. Я видел лишь изгиб Москва-реки, слабые очертания противоположной набережной и больше ничего.

Накануне мне казалось, что я должен обязательно увидеться с Папой. У меня имелся к нему один конкретный вопрос: как, а главное, почему, такой кошмар вообще мог случиться?.. Теперь у меня уже не было желания задавать Папе вопросы, но я решил, что пойти на совещание все—таки пойду, буду помалкивать, если, конечно, Папа сам не заведет со мной разговор. Единственное, что мне было нужно – переговорить с Альгой. Если, конечно, я ее там застану. Торопиться некуда. Если я явлюсь посреди совещания, то меня, пожалуй, попросят подождать, не впустят к Папе, а дожидаться, как просителю, в приемной, не хотелось.

Я отправился под душ. Ремонт, который мы начали в ванной комнате, еще находился, так сказать, в стадии начальной разрухи. Стены ободраны до кирпича, пол, засыпанный битой штукатуркой, тяжелой серой пылью, временно накрыт листами фанеры и полиэтиленом, а недавно обновленные трубы водоснабжения и канализации еще не замурованы. Работы были приостановлены в виду отсутствия средств. Но ванну, изумительную ванну с циркулярным душем мы купили и, конечно, «по случаю», и, не выдержав, установили на скорую руку посреди ободранных стен прямо на разбитый пол, временно завесив клееночкой. Нужно ж где-то мыться. Мы все еще расплачивались за шубу, а ремонт, увы, застрял на мертвой точке. Хороши у нас государственные премии, если на них даже ремонта нельзя закончить... Зато душ, повторяю, был великолепен. Наслаждение в чистом виде. Вода, обильными струями и переменной температуры, обрушивалась сверху и била с боков. Хрустальность, свежесть практически крещенская. Не удивительно, что для ритуала освящения было выбрано именно обливание водой. Я залезал под душ по два раза в день, не меньше, и, фыркая от удовольствия, мог плескаться по целому часу. Что здорово, то здорово. Особенно, если учесть, что, начав ремонт и отсоединив трубы, мы и так почти год куковали без ванны. В конце концов мы этот наш ремонт когда-нибудь закончим, а чудесная ванна с циркулярным душем у нас уже имеется.

После водных процедур всегда разыгрывался волчий аппетит. Вот и теперь, божественно освеженный, я заглянул в холодильник и обнаружил, что там практически пусто. А зарплата у Наташи через неделю. Мать, охая, разогрела вчерашнюю лапшу, пожарила яичницу. Я ударил себя ладонью по лбу и полез в бумажник. Оказалось, симпатичный официант расщедрился даже чрезмерно: там была еще целая сотня, не считая червонца, потраченного вчера на такси. Мне снова сделалось стыдно. Бог знает когда я смогу вернуть ему долг. Надо будет, что ли, попросить Маму, а то даже и Папу, может, они действительно куда-нибудь пристроят этого

отзывчивого работника... Я отдал половину денег матери. Она тут же стала снаряжать отца на рынок. «Куплю оптом ящик тушенки, пообещал вдохновленный отец, а картошки у нас припасено еще на месяц...»

Пока я завтракал, отец потрясал ворохом утренних проправительственных и оппозиционных газет и рассказывал о последних новостях. По его мнению, дело накануне выборов папхивало драчкой. Что-то уж очень колебались военные и опять активизировались сепаратисты. Местные органы самоуправления норовили побольнее укусить центральную мафию, а та, в свою очередь, грозила, что будет бить по головам без разбору.

Уходя из дома, я поманил к себе Александра, который теперь все время отмалчивался. Дал и ему мелочи на карманные расходы.

– Спасибо, папочка, – сказал Александр.

– Скучно тебе?

– Нет, – ответил сын, – ничего.

– Завтра в школу? – спросил я, вспомнив с какой радостью он обычно возвращался к учебе после каникул.

– Ага, – кивнул он, но на этот раз без всякого энтузиазма.

4

Я вышел из дома, свернул под высокую арку и оказался на набережной Москва-реки. До Москвы было рукой подать: немного пройти по набережной, перейти через мост, мимо гостиницы «Украина», обогнуть высотку, повернуть к набережной, пересечь небольшой парк, где на черных деревьях лежал рыхлый снег, – и вот я уже перед входом в контрольно-пропускной терминал.

На этот раз дорога показалась ужасно длинной. Я хлюпал по мокрому снегу, мне все мерещилась дребедень... Эх, был бы у меня в Москве свой маленький офис, я бы безвылазно сидел там и был избавлен от подобных мерзостей! Я вдруг оглянулся и поймал себя на мысли, что испытываю страх. Мне представилось, что рядом вдруг затормозит автомобиль, из него выскочит страшный Ерема и набросится на меня.

С ужасным чувством я проходил через КПП. Здесь все шло своим обычным порядком. Ползли дорожки, вертелись никелированные вертушки турникетов. Словно вчера ничего и не случилось. Такие же приветливые, бодрые лица охранников, шуточки дежурного офицера, физиономии обывателей, глазающих на нас из кафетерия. Между тем таких громил, как бандит Ерема, в толпе, текущей в Москву, было сколько угодно. По крайней мере в равной пропорции со знаменитостями и бизнесменами. Но если бы я в эту минуту снова увидел именно его, ужасного Ерему, то, наверное, не очень удивился, хотя и теперь не знал, что делать и как реагировать... Подобные гнусные, совершенно не свойственные мне мысли, указывали на то, что я был выбит из колеи. Только снова оказавшись в Москве, ощутив на себе ее благотворное воздействие, я немного перевел дыхание и направился напрямиком в Центральный Сектор. По пути я на всякий случай заглянул в храм, где служил о. Алексей, торопливо перекрестился на икону Спасителя. На этот раз изумрудноглазой шатенки в храме не оказалось. С чего это я взял, что она должна бывать там ежедневно? Зато о. Алексей, направляясь к алтарю, бросил на меня одобрительный взгляд: молодец, приобщаешься! Я сунул прислуживающей в храме старухе записочку с поминанием доктора и быстренько зажег и поставил за упокой его души тонкую свечку. Кажется, я сделал все правильно. Впрочем, не знаю. Может, и поспешил, учитывая, что сколько-то там дней душа доктора должна летать где-то поблизости, а упокоиться чуть позже. Не скажу, что у меня камень с души свалился, но все-таки немножко полегчало.

Через пять минут, пройдя насквозь нижний музейно-археологический этаж, пройдя по древнему белокаменному мостику, я оказался во владениях Папы.

Предприятие, Концерн, Контора, Корпорация, Группа, Объединение, Компания – как только не называли Папину фирму. Мудреные названия лишь вводили в заблуждение. Никаких групп, никаких компаний. Сугубо частная собственность. Фирма она и есть Фирма, а Папа, насколько я понимал, всегда был ее единоличным и полновластным хозяином. Наподобие абсолютного монарха в своем государстве.

Главная резиденция Фирмы занимала в Москве едва ли не гектар. Конгломерат сообщающихся зданий от последних этажей до подвалов, целиком занимала она, Фирма. Никакие египетские пирамиды и сфинксы вместе взятые не могли сравниться с ее резиденцией по размаху и изощренной планировке. Злые языки критиков утверждали, что даже великие и безумные гигантоманы—зодчие прошлых эпох, вроде Корбюзье и Щукина, переворачивались в гробах, когда мой проект был одобрен и принят к реализации. Уже в самом предварительном варианте проекта Москвы я должен был в первую очередь продумать (учитывая, разумеется, пожелания основного заказчика, то есть Папы), как наилучшим, самым эффективным и выигрышным образом разместить в ней Фирму, – и, в частности, ее главный офис. В дальнейшем сводная бригада архитекторов, которую засадили за рабочие чертежи, желая угодить Папе в проект немало несуразностей. Видя это, но не имея никакой возможности противодействовать или

хотя бы протестовать, одно время я даже подумывал, а не застрелиться ли мне. Но, слава Богу, пробовать не стал.

Теперь я всякий раз переступал порог Фирмы с таким чувством, словно должен был попасть в сказочное Зазеркалье, хотя мог чувствовать себя как дома. Сотрудники внутренней службы безопасности знали меня в лицо, мне не возбранялось бродить по любым закоулкам. Никаких пропусков, пластиковых карточек, удостоверений личности не требовалось. Я находился на положении члена Папиной семьи. Пожалуй, меня считали за блаженного или юродивого, что-то вроде этого. Меня это нисколько не обижало. В конце концов ведь я, а не кто-нибудь, был творцом всего этого великолепия. Понимали они это или нет. Пусть, в конце концов, считают кем угодно – кошкой, собакой, которая прижилась и на которую не обращают внимания, местным привидением. Я мог на ночь устроиться где-нибудь в уголке на кушетке, никто бы и слова не сказал. Я утешал себя мыслью, что, вполне возможно, именно поэтому Папа считал, что я могу обойтись без персональных апартаментов. Мол, я и так на Фирме, как дома. Единственное место на Фирме, куда требовалось специальное разрешение, был, конечно, личный офис Папы, у дверей которого дежурило трое дюжих охранников с такими громадными воронеными наганами в кобурах, каких я, кажется, никогда не видывал.

Я взглянул на часы. Было ровно двенадцать. В приемной две длинноногие девчонки-секретарши, опершись локотками о стол и отставив кругленькие попки, едва прикрытые мини-юбками, склонились над факсом. Ровесницы Майи, а то и моложе. Они менялись так часто, что я никак не успевал запомнить их имен. Завидев меня, они приветливо чирикнули и шевельнули попками.

– Желаете кофе?

– Не откажусь, – кивнул я, с размаху плюхаясь на мягкий диван. – Еще совещаются?

Одна из девушек наклонилась к внутренней связи и, нажав кнопку, что-то сказала.

Мне подали кофе с долькой лимона на блюдечке и парочкой крекеров. Не успел я сделать двух глотков, как из Папиного кабинета стали расходиться руководящие сотрудники. Большинство из них были мне хорошо знакомы еще по «до-Московскому» периоду. Всякий паз после Папиных совещаний у некоторых до того непредсказуемо менялись физиономии – перекашивались, серели, бледнели, покрывались испариной и лилово-багровыми пятнами, что я даже не всех мог сразу узнать и успеть раскланяться. Я на всякий случай предупредительно улыбался, но потом, сообразив, что улыбки здесь, может быть, неуместны, принялся бесцельно поглядывать по сторонам. К счастью, довольно скоро все разбежались по своим делам.

– Ну, что там Папа? – поинтересовался я у секретарш. – Можно к нему?

Одна из девушек снова наклонилась к внутренней связи и чирикнула:

– К вам Архитектор, Папа.

Мне даже было приятно, что «в народе» меня называют Архитектором. Это по крайней мере звучало куда приличнее, чем «Папа».

– Проходите, пожалуйста...

Я залпом допил кофе и, на ходу дожевывая кусочек крекера, открыл тяжелую дубовую дверь, вошел в крошечный сумрачный тамбур, освещавшийся тусклым серебристым огоньком. Прежде чем открыть вторую дверь, я невольно помедлил.

Любой человек, впервые входящий в Папин кабинет, даже если был предварительно наслышан о том, что здесь увидит, все-таки испытывал легкий шок. Переступив через порог, посетитель замирал, ему хотелось протереть глаза. То, куда он попадал, вряд ли можно было назвать кабинетом. То есть вообще как бы и не помещение. Эффект был необычайным. Вы словно оказывались в волшебной сказке, – точнее, в объятиях благодатной природы. Перед вами голубело и плескалось самое настоящее лесное озеро. Чистый воздух, лесные ароматы, нежный ветерок. Как будто вы переступили порог четвертого измерения.

Я и сам до сих пор испытывал нечто подобное. Во всяком случае, бессознательно верил в реальность интерьера зала, сравнимого по своим размерам разве что с большой спортивной ареной. Впрочем, тут не было никакой преднамеренно устроенной фантасмагории. При всем своем сугубом практицизме, Папа был в своем роде изрядный оригинал.

Даже я не разбирался в тонкостях деталей и технических ухищрениях, при помощи которых удалось достичь эффекта подобной натуральности. Во всяком случае озерцо действительно было настоящим, хотя и рукотворное. Лес по берегам, а также небо над головой являлись безусловно иллюзорными, созданными при помощи хитроумной системы зеркал, голографических панно и специальной подсветки, которая прекрасно имитировала вечернюю или утреннюю зорьку, ясный летний полдень или осенний вечер. В зависимости от времени года и суток поверхность озера то сверкала жаркими летними бликами, то по воде стелился туман, а то озеро покрывалась тонким, ломким ледком. Солнце и луна сменяли друг друга как положено. Ели, сосны, ивы на берегу, как и сам песчаный бережок с осокой и камышами, были, впрочем, натуральными... Впрочем, поручиться не могу. Чирикание птичек, стрекот цикад и кузнечиков, свист стрекоз, шелест листвы – все это по мере надобности. Мне лично всегда хотелось подплыть поближе к растительности, сорвать торчащую из воды камышинку или поковырять ногтем чешуйчатую кору плакучей ивы – убедиться в их реальности. Тем более что лодка стояла пришвартованная тут же у берега. Просто как-то случая не представлялось. Но мне было доподлинно известно, что вода здесь чистая, как в озере Байкал. Она круглосуточно прокачивалась сквозь особые серебряные фильтры и ионизировалась. Ее можно было пить, не то что купаться. Но лично мне, повторяю, случая не представлялось.

Папа использовал это помещение исключительно в деловых целях, а развлекаться предпочитал в других местах. Таких заповедных искусственных озер на территории Москвы было несколько. В том числе с условиями, специально приспособленными для развлечений. Пусть до абсурда экстравагантный, но здесь, тем не менее, действительно размещался служебный кабинет Папы.

Непосредственно от порога и далее были проложены добротные деревянные мостки, которые тянулись аж до самой середины озера, а посередине озера был небольшой островок. Аккуратно подстриженные трава и кусты. На островке – выстроен небольшой бревенчатый домик из трех комнат, по виду деревенский, в котором однако имелись ультрасовременные приспособления, обеспечивающие все условия для работы и всякий мыслимый комфорт. В этой избушке, собственно, и располагался кабинет Папы. С модной, но строгой офисной мебелью, со средствами связи и, конечно, с объемистым сейфом. Кстати, сейф имелся и во всех прошлых служебных кабинетах Папы. Это я хорошо помнил, ведь кое-что из этих сейфов перепало и мне. Папа не то чтобы любил, но считал удобным, надежным и, видимо, вдохновляющим, чтобы живые деньги проходили непосредственно через его руки. Он их никак не презирал. Даже при изрядном штате кассиров, бухгалтеров, всевозможных кредитных карточках и прочих безналичных ухищрениях, он суеверно утверждал, что наличность дает ощущение непосредственного дела и стимулирует определенный душевный тонус.

Дом на озере был для Папы, конечно, своего рода символом. Хотя сам он этого, пожалуй, мог и не осознавать. Учитывая принцип, по которому Папа формировал окружающий мир, даже в мелочах, у него явно прослеживались стремление и склонность обособиться и изолироваться. Покойный доктор не был психиатром, но весьма точно подмечал подобные особенности его характера. Не думаю, что эти черты свидетельствовали о каком-то особом, патологичном строе Папиной души. В конце концов я тоже всегда стремился создать собственный и, в какой-то мере, замкнутый мир: взять хоть саму идею Москвы. Другое дело – антураж. Именно по распоряжению Папы наша московская домовая церковь приобрела вид почти сельского храма. В Деревне Папа отделал особняк с вызывающим морским шиком, наводящим на мысль о «Титанике», а свой персональный флигель превратил в картинный охотничий домик,

набитый фальшивыми трофеями. Не говоря уж об уединенном семейном кладбище, устроенном с такой тщательностью и основательностью.

У Папы, надо отдать ему должное, всегда присутствовала своего рода зародышевая эстетика – явная тяга к природе и провинции, к идиллии и гармонии. И свой фантастический служебный кабинет, запрятанный в недрах московской резиденции Фирмы и исполненный в виде домика на озере, Папа, по-видимому, стилизовал в соответствии с конкретными детскими воспоминаниями и грезами о малой Родине. Кстати, на противоположном берегу искусственного водоема за плакучими ивами как бы на дальнем пригорке, виднелась небольшая пасека с рядами темных аккуратных ульев...

Таким образом налицо был, с одной стороны, вселенский размах, а с другой, стремление придать всему царственную скромность. Не банальная блажь какого-нибудь толстосума. Почти аскетизм. Избушка на озере – своего рода домик царя Петра. Не хватало лишь самодельного токарного станка и микроскопа. Впрочем, учитывая, что Папа не считал для себя зазорным просиживать часами за персональным компьютером, отслеживая мельчайшие коммерческие операции, а также, в отдельных случаях, самолично отсчитывать пачки червонцев, извлеченные из кабинетного сейфа, – словом, учитывая все это, можно сказать, что он в своем деле тоже совмещал в одном лице должности простого матроса, шкипера и адмирала. Приближенные и подчиненные обязаны были это чувствовать и ценить.

Я прикрыл за собой дверь и сделал несколько шагов по мосткам в направлении острова. Сегодня здесь было прелестное «летнее» утро. Никакого сырого зимнего тумана как снаружи. Ветерок гнал по голубой поверхности озера легкую рябь. Лесное озеро словно светилось изнутри. На несколько мгновений я совершенно забыл обо всех треволнениях и с удовольствием созерцал чудесную картину.

В озере плавали утки. Серые утки и пестрые, с синевато-жемчужным отливом селезни. Я вздохнул полной грудью. Было тихо, благодатно. Папа вышел на мостки и кормил белой булкой уток и селезней. Уж они-то вне всяких сомнений были абсолютно натуральными и живыми. Тут не использовались никакие голограммы, чучела или обманные зеркала. На ночь смотритель заманивал их в клетку, а рано по утру выпускал в озеро.

Папа кормил уток. Это было, конечно, очень элегантное занятие. Рядом стояла Альга. Еще издали Папа помахал мне рукой.

– Привет, Серж!

К сожалению, громкий голос сразу разрушил иллюзию открытого пространства. Звук чуть-чуть резонировал обнаруживая замкнутость помещения, – хотя и очень большого помещения. То, что в первый момент казалось свободным природным ландшафтом, сразу приобрело свойство шикарных декораций, подобных тем, что с размахом устанавливались в грандиозных балетных или оперных постановках. Впрочем, в этом тоже была своя прелесть. Декорации были выполнены с необычайным изяществом, и сами по себе представляли предмет любования и искусства.

Папа выглядел счастливым и веселым. На его щеках играл прямо-таки юношеский румянец. Что-то не похоже было, что последнее покушение его морально подкосило.

– Что, – усмехнулся он, – прибежал? Испугался?

Он отломил кусок булки и протянул мне. Я механически стал отщипывать крошки и бросать уткам. До меня как-то не доходил смысл его слов. Я невольно присматривался к нему и к Альге, которая тоже кормила уток и селезней, однако не мог вывести из своих наблюдений никакого определенного вывода: продвинулись их отношения или нет, и в какой-то степени. Странно, что эти мысли лезли мне в голову вперемешку с тяжелыми мыслями о гибели нашего горбатого доктора.

– Что произошло? – напрямик спросил я Папу. – Почему?

– Что почему? – хмыкнул Папа.

Может быть, он и правда не понимал, что я имею в виду.

– Как случилось, что его убили? Нашего доктора...

– А-а... Так ведь ты, кажется, сам при этом присутствовал. Что же ты спрашиваешь?

– Да, я все видел, – подтвердил я, и при одном воспоминании об этом меня слегка замутило. – И я не понимаю, как это могло случиться!

– Ну, – сказал Папа, – наверное, не просто так, а в силу определенных причин... Согласись, на несчастный случай это не похоже.

– Нет, я о другом, – настаивал я, – как такое вообще могло случиться?

– Вот случилось же. Видно, раз на раз не приходится, – Папа произнес это таким тоном, словно ему до смерти скучно обсуждать этот предмет. – У каждого из нас могут возникнуть подобные проблемы. У меня. У тебя...

– У меня?! – удивился я. – То, что произошло, ты называешь – «проблемой»?

– Ну конечно, проблема, – пожал он плечами. – Уши режут, кладут людей почем зря. Конечно проблема.

Как будто лично он не имел к этим делам никакого отношения. Но меня особенно поразило, что он почти дословно повторил высказывание того официанта. Кладут людей почем зря. И еще меня поразило его тон: такой донельзя скучающий, абсолютно наплевательский.

После всего этого мне вообще стало противно продолжать этот разговор. Я оперся локтями на перила и тупо смотрел, как Папа и Альга крошат уткам булку. Хорошая, однако, парочка!

– Может, возьмешься, сочинишь для него проект надгробия, памятника? – неожиданно спросил Папа.

– Что?! – воскликнул я.

– А что? Нужен же какой-то памятник, статуя, что ли. Хоть эскизик набросай, а?

– Я, вообще-то, не скульптор, – хмуро сказал я. – Впрочем, конечно, я готов. Конечно, я это сделаю.

– Не бесплатно, разумеется, – успокоил меня Папа.

– Господи, – покачал головой я, – причем здесь деньги...

– Ну как же! За такие произведения искусства дерут безбожно. Похороны всегда влетают в копейку. А хлопот сколько, кошмар!.. – вздохнул он.

Я посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– Ольга, дорогая, – проговорил Папа, слегка касаясь локтя Альги, – ты меня очень обяжешь... Ольга, – специально объяснил он, повернувшись мне, – эта славная девушка вызвалась помочь. Любезно предложила взять на себя так сказать координацию этого хлопотного дела. Похорон то есть. Оказывается, наш доктор успел-таки ее обаять, произвести самое приятное впечатление. Такой славный и рассудительный мужчина... Ты ведь еще не передумала, Ольга?

– Я этим займусь, – спокойно подтвердила она.

– Сейчас дам команду, чтобы тебе оказывали всяческое содействие... Кстати, вы не проголодались? Неплохо бы нам чего-нибудь перекусить, – вдруг переключился Папа. – Как насчет того чтобы отведать этих прожорливых уток? Это, между прочим, настоящие дикие утки, – хвастался он. – Они понятия не имеют о том, что такое комбикорма и всякие там стимуляторы роста. Еще вчера я распорядился, чтобы несколько штук попридержали в леднике, влив им в глотку уксусу. Мясо должно сделаться исключительно нежным. С утра их уже должны были оципать и начать очень медленно запекать, поливая соусом из белого вина и специй...

Отойдя к дому, он вызвал секретаршу. Пока он говорил, я посмотрел на Альгу.

– Как дела?

– Нормально, – улыбнулась она.

– Послушай, – вдруг спросил я, – его действительно убили? – Альга удивленно приподняла брови. – То есть я хочу сказать, что у меня такое чувство, словно мне все это приснилось...

Мне показалось, что она взглянула на меня с сочувствием.

– Да, – сказала она. – Я вчера сама ездила за сыном доктора Петенькой. А потом Папин шофер отвез мальчика в Деревню. Теперь он будет жить там. Так пожелал Папа.

– Как это благородно с его стороны. Все очень кстати.

– Кажется, вам, Серж, это не очень нравится.

– Не то чтобы, – уклончиво сказал я. – Раз они устроили этот интернат, должны же там быть воспитанники. Майя взялась за это дело с такой душой, с необычайным рвением.

– Майя – очень серьезная и сердечная девушка. Для нее это действительно очень серьезно, – сказала Альга.

– Знаю, знаю...

Странно, что она так на это реагирует. Я ведь и не думал сомневаться в душевных качествах Майи.

– Она очень чуткая и ранимая, – добавила Альга.

– То же самое она говорит о тебе, – улыбнулся я.

– Нет, я черствая, эгоистичная, – серьезно сказала она, покачав головой, – она гораздо лучше меня.

Надо же, как они бросаются на защиту, как нахваливают друг дружку!

– Значит, вы обе хороши, – снова улыбнулся я.

Я размышлял о «поручении», которое дала мне Майя. Если Альга уже успела переговорить с Папой насчет маршала Севы, более того, уже его умилостивила, то мое вмешательство могло оказаться еще одним напоминанием, что она, Альга, берется (может быть, самонадеянно и даже с наглостью хорошенькой девушки) воздействовать на Папу, улаживать дела, которые всегда были так сказать прерогативой Мамы, а не каких-то там Папиных фавориток.

– Вы, кажется, хотите меня о чем-то спросить? – заметила проницательная девушка с изумрудными глазами.

– Ну, а он... как – он? – пробормотал я вполголоса, показывая глазами в сторону Папы.

– Как видите, – пожала плечами она.

– То есть как у него настроение и вообще состояние души? – пояснил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.